

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Березина Елизавета Константиновна

**РОССИЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В АРГЕНТИНЕ:
ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И
ОБРАЗОВАНИЯ**

Научная специальность 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор А.В. Волкова

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава. 1. Публичная дипломатия в условиях современного миропорядка: опыт российско-аргентинского взаимодействия.....	25
1.1. Публичная дипломатия как инструмент «мягкой силы» и ее институты: основные подходы к исследованию	25
1.2. Трансформация публичной дипломатии в цифровую эпоху и возрастание значения латиноамериканского направления	52
1.3. Соотношение формальных и неформальных институтов публичной дипломатии России в странах Латинской Америки и особенность аргентинского направления	61
Глава 2. Особенности цифровой публичной дипломатии России в Аргентине: культурная политика.....	80
2.1. Принципы и институты формирования российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования	80
2.2. Ключевые направления и перспективные инструменты российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования.....	95
2.3. Роль российских университетов в развитии публичной дипломатии в Аргентине.....	102
Заключение	113
Список литературы	119
Приложения	145
Приложение 1.	145
Приложение 2.	152
Приложение 3.	153

Приложение 4.	154
Приложение 5.	155
Приложение 6.	156

Введение

Актуальность темы исследования. Интерес современных отечественных ученых-обществоведов к экономическому, социально-политическому развитию стран Латинской Америки и к различным аспектам взаимодействия с ними обусловлен повышением значимости латиноамериканского региона во внешней политике России в контексте выстраивания отношений в условиях трансформирующегося многополярного мира, сложностью, неоднозначностью как глобальных, так и региональных процессов. Мировой кризис 2008-2009 гг., последствия пандемии, а также ряд международных политических событий и, прежде всего, – обострение ситуации на постсоветском пространстве в 2021-2022 гг. и последовавшее за тем развитие глобального политического и экономического кризиса, показывают, что латиноамериканские страны стремятся проводить прагматичную и независимую внешнюю политику, претендуя на роль значимого игрока. Проведение специальной военной операции на Украине в 2022 г., напряженное политико-экономическое противостояние с рядом стран Запада и формирование списка «недружественных России стран», нисколько не снижают, а, напротив, делают крайне актуальным развитие российским государством официальных и неофициальных институтов публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы» по всему миру, в том числе в странах Латинской Америки. Данное утверждение отражает положения принятой в 2022 г. Концепции гуманитарной политики России за рубежом¹.

Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время Аргентина является одним из ключевых российских партнеров в Латинской Америке, с которым Россия активно ведет диалог на двустороннем уровне в области торгово-экономического сотрудничества, ядерной энергетики, научно-технического

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" [Электронный ресурс] // Гарант ру. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1564370/> (дата обращения: 12.09.2022).

взаимодействия. Кроме того, в Аргентине до сих пор проживает многочисленная российская диаспора. В целях поддержания привлекательности внешней политики Россией сформированы, развиваются и совершенствуются как официальные, так и неофициальные (неформальные) институты по продвижению публичной дипломатии в Аргентине, в том числе, – в сфере культуры и образования. Так, на многостороннем уровне Россия и Аргентина ведут диалог в рамках ООН, G20, Петербургского международного экономического форума. В 2022 г. целях поддержания мира и продовольственной безопасности Аргентина выразила желание стать полноправным членом группы БРИКС. Подход трансрегионализма² объясняет активное взаимодействие Аргентины с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) на основе заключенного Меморандума о взаимопонимании³, ориентированное на обмен опытом и информацией в сфере агропромышленного комплекса.

Цифровые трансформации и распространение публичного управления, основанного на платформенном взаимодействии, обеспечивают широкие возможности сотрудничества, способствуют развитию сетевого гражданского взаимодействия и повышают значимость гражданского участия в различных сферах управления, в том числе, в сфере международного взаимодействия, повышая коммуникационные способности государства.

Кроме того, следует учесть, что на глобальном уровне фактор пандемии COVID-19 обусловил резкое, «вынужденное» ускорение процессов цифровой коммуникации на разных уровнях, в том числе, привел к активизации цифровых трансформаций и в области публичной дипломатии, а также способствовал развитию такого нового направления как «дипломатия вакцины»⁴. Действительно,

² Березина К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление- Латинская Америка // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3 (147). – С.55.

³ Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительственным Секретариатом по агроиндустрии Министерства производства и труда Аргентинской Республики о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. – 2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (дата обращения: 28.04.2022).

⁴ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.32

фактор пандемии COVID-19 спровоцировал интерес Аргентины к российской вакцине «Спутник V» и в целом к научно-фармацевтической отрасли: на сегодняшний день в Аргентине налажено производство российской вакцины и сотрудничество фармацевтических отраслей двух стран расширяется. Таким образом, можно говорить об успехе российской «дипломатии вакцины» и, как следствие, – о новом этапе развития научно-исследовательского компонента российской «мягкой силы» в Аргентине.

Важно отметить, что серьезной проблемой современных российско-аргентинских отношений является отсутствие у России официальной, представленной двусторонней стратегии (или плана) в отношении Аргентины, что, кроме прочего, обуславливает недостаточный эффект от деятельности российских институтов публичной дипломатии на латиноамериканском направлении в деле формирования и поддержания у аргентинцев интереса к российской культуре, языку и национальной системе образования. Еще в 2012 г. Президента РФ выражал обеспокоенность о том, что «образ России за рубежом формируется не нами. Поэтому он часто искажен и не отражает реальную ситуацию ни в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку и культуру»⁵. Сегодня, когда в ряде регионов мира продвигается идея борьбы с русской культурой, с русским языком вопрос институционального обеспечения развития отечественной публичной дипломатии, как значимого фактора обеспечения эффективности реализации внешней политики государства и международного гражданского сотрудничества, получает дополнительную актуализацию⁶.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на то, понятие «публичная дипломатия» может быть отнесено к новым для отечественной политической науки терминам, исследованию феномена публичной дипломатии,

⁵ Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента России. – 09.07.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения 02.08.2022).

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Администрации Президента России. – 21.02.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 27.02.2023).

её разновидностей («народная дипломатия», «общественная дипломатия» и др.) посвящено достаточно большое количество трудов в нашей стране и за рубежом.

Большой вклад в концептуальную интерпретацию «мягкой силы» и раскрытие вопроса о соотношении терминов «мягкая сила» и «публичная дипломатия» внес американский исследователь Дж.С. Най⁷. Дальнейшее теоретическое исследование публичной дипломатии получило развитие в рамках зарубежной западной школы, отмечая таких авторов П. Шарп⁸, Е. Гилбоа, Николас Дж. Калл⁹, Дж. Макнамара, Б. Сигнитцер¹⁰, Н. Сноу¹¹, Р.С. Захарна¹², Я. Мелиссен¹³.

В современных зарубежных исследованиях уделяется значительное внимание страновым особенностям публичной дипломатии, а именно: активно разрабатывается китайское направление (И. Ван, Ц. Ван¹⁴, Ф. Хартиг, Х. Лаи¹⁵), развивается европейское направление исследований публичной дипломатии (М. Стоиан, К. Марасеску, С. Дюк, С.Б. Расмуссен¹⁶, Д. Сонди¹⁷ О. Цёлльнер¹⁸) и др. В отечественной науке в прошедшие десятилетия нового века также сформировалось соответствующее направление и можно обнаружить немало работ в области изучения публичной дипломатии (в том числе, общественной и культурной

⁷ Nye J.S. Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* / J.S. Jr. Nye // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 94-109.

⁸ Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 339 p.

⁹ Cull N. J. *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. – Cambridge, UK: Polity Press, 2019. – 272 p.

¹⁰ Signitzer B. “Public relations and public diplomacy: some conceptual explorations” // Zerfass A., van Ruler B. and Sriramesh K. (Eds.). *Public Relations Research: European and International Perspectives. Part II*. Wiesbaden: Verlag fur Sozialwissenschaft, 2008. – P. 205-218.

¹¹ Snow N. “Rethinking Public Diplomacy” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / edited by N. Snow and P. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – 9 p.

¹² Zaharna R. S. “The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy” // *The Hague Journal of Diplomacy* 2. – 2007. – 2 (3). – P. 213–228.

¹³ Melissen J. “The new public diplomacy: between theory and practice” // Melissen. J. (Ed.). *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. – New York, NY: Palgrave, 2005. – P. 3-27.

¹⁴ Wang J. (Ed.). *Soft power in China: Public diplomacy through communication*. – New York, NY: Palgrave Macmillan. Find this resource, 2011. – 208 p.

¹⁵ Lai H., Yiyi L. (eds). *China’s Soft Power and International Relations*. – New York, NY: Routledge, 2012. – 232 p.

¹⁶ Rasmussen S.B. “The Messages and Practices of the European Union’s Public Diplomacy” // *The Hague Journal of Diplomacy* 5. – 2010. – P. 263–287.

¹⁷ Szondi G. “Central and Eastern European Public Diplomacy: A Transitional Perspective on National Reputation Management” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / edited by N. Snow and P.M. Taylor, New York: Routledge. – 2009. – P. 292–313.

¹⁸ Zöllner O. “German Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / edited by N. Snow and P.M. Taylor. – New York: Routledge. – 2009. – P. 262-269.

дипломатии). Здесь особо следует отметить таких авторов как М.М. Лебедева, Т.В. Зонова, Н.В. Бурлинова, А.А. Великая, О.В. Лебедева, в особенности научной дипломатии (М.Ю. Гутенёв, Н.В. Литвак, Р.О. Райнхардт, А.Н. Панов¹⁹) и цифровой дипломатии (Н.А. Цветкова, Т.Л. Ровинская, Е. Леонов).

Главную роль в области изучения и продвижения отечественной латиноамериканистики занимает деятельность Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН). На сегодняшний день сформирован большой задел целой плеяды ученых, исследующих регион Латинской Америки и отношения с Россией (Л.С. Хейфец²⁰, В.Л. Хейфец, В.М. Давыдов, Д.В. Разумовский, В.П. Сударев²¹, З.В. Ивановский, А.А. Лавут²²), так и особенности отдельных латиноамериканских стран А.С. Андреев²³ (Уругвай), К.А. Коновалова (Парагвай)²⁴, Д.М. Розенталь (Венесуэла). Латиноамериканская тематика также представлена следующими российскими авторами: М.Г. Троянский, О.Г. Карпович,²⁵ Ю.Н. Мосейкин²⁶, И.Л. Прохоренко²⁷, Д.З. Мутагиров²⁸, К.А. Неверов²⁹. Фактор влияния России на латиноамериканский регион проанализирован в работах зарубежных

¹⁹ Райнхардт Р.О., Панов А.Н. “Дипломатия для науки” в интерпретации российских научных и дипломатических работников // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 115-129.

²⁰ Хейфец Л.С. Русская революция и Латинская Америка: старые мифы и новые подходы // Латинская Америка. – 2018. – № 1. – С.16-24.

²¹ Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. / Отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 208 с.

²² Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы / Отв. ред. З.В. Ивановский, А.А. Лавут. – М.: ИЛА РАН, 2012. – 120 с.

²³ Андреев А.С. Отношения России и Уругвая в XXI в.: пределы и возможности развития // Латинская Америка. – 2019. – № 4. – С. 20-32.

²⁴ Хейфец В.Л., Коновалова К.А. Парагвай в современных международных отношениях // Вестник Дипломатической академии МИД России. – 2021. – №1 (27). – С. 163-167.

²⁵ Троянский М.Г., Карпович О.Г. Латинская Америка через призму современных глобальных изменений // Дипломатической академии МИД России. – 2021. – № 1 (27). – С.163-167.

²⁶ Мосейкин Ю.Н. La cooperación económica y comercial entre Rusia y América Latina (Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и странами Латинской Америки): учебно-методический комплекс / Ю. Н. Мосейкин. – М.: РУДН, 2013. – 224 с.

²⁷ Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 177—186.

²⁸ Мутагиров Д.З. Истинные причины Карибского кризиса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕХ. – 2013. – Т.9. – №2. – С. 137-147

²⁹ Неверов К.А. Проблемы цифровизации гражданского участия в развивающихся странах: «Правительство как платформа» в странах Латинской Америки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕХ. – 2021. – Т.17. – № 4. – С. 360-370.

исследователей как В. Рувинский, Р.Е. Канет³⁰, С. Бланк, А. Сербин³¹, Д. Мулюкова³². Большой вклад в исследование Аргентины и российско-аргентинских отношений внесли П.П. Яковлев, Н.М. Яковлева, А.Н. Пятаков³³, Э.С. Дагабян³⁴, А.И. Сизоненко³⁵, Е.Н. Пашенцев, Е.М. Астахов.

Отечественными исследователями защищен ряд кандидатских,³⁶ а также докторских диссертаций по проблемам «мягкой силы», где она рассматривается, преимущественно, в рамках теории международных отношений³⁷, но складывается и понимание «мягкой силы», как неотъемлемой части процессов современного

³⁰ Kanet R.E. The failed Western challenge to Russia's revival in Eurasia? // *International Politics*. – 2015. – Vol.52. – №2. – P.503-522.

³¹ Serbin A. ¿Un triángulo escaleño? América Latina y el Caribe, China y los Estados Unidos y las narrativas del nuevo ciclo // *Anuario de la Integración Regional de América Latina y del Caribe*. – 2016. – No. 13. – P. 31- 58.

³² Kanet R.E., Moulioukova D. Russia in Latin America: an extension of Moscow's policy in the developing world // *Global Affairs*. – 2021. – Vol.7. – P. 295-310.

³³ Пятаков А.Н. Россия и Аргентина: сотрудничество в сфере энергетики // *Латинская Америка*. – 2016. – № 12. – С.50-63.

³⁴ Дагабян Э.С. Аргентина: серьезные перемены во внешней политике // *Латинская Америка*. – 2019. – № 5. – С. 32-39.

³⁵ Сизоненко А.И. Россия - Аргентина: юбилейная годовщина // *Латинская Америка*. – 2015. – № 10. – 2015. – С.20-25.

³⁶ Кутенев В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты "мягкой силы" России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Бишкек: ГОУ ВПО Киргизско-Российский Славянский университет, 2013. – 24 с. Будаев А.В. Роль "мягкой силы" во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва: ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2014. – 24 с. Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг: автореф. дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2015. – 32 с. Бояркина А.В. "Мягкая сила" как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX - XXI вв" : автореф. дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. – Владивосток: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», 2016. – 27 с. Сергеев С.О. Наука как фактор мягкой силы: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2016. – 22 с. Агеева В. Д. Роль инструментов "мягкой силы" во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2016. – 28 с. Харитоновна Е.М. "Мягкая сила" во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва: ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», 2017. – 22 с. Сюн Л. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Санкт-Петербург: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. – 33 с. Инь Ж. Реализация «мягкой силы» Китая и России средствами массовой информации во внешней политике государств в начале XXI века: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Владивосток: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», 2019. – 22 с. Ушурелу О.В. Российская «мягкая сила» в Молдавии: особенности и эффективность применения: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Москва: ФГБНУ Институт философии Российской академии наук, 2021. – 28 с.

³⁷ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 – Москва: ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2013. – 49 с. Михалев А.В. Монголия в Новой Большой игре: роль неформальных институтов мягкой силы: автореф. дисс. ... д-ра. полит. наук: 23.00.02 – г. Улан-Удэ: ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», 2013. – 47 с.

государственного управления³⁸, повышения государством управляемости, стратегического управления и развития коммуникационных способностей.

Рассматривая «мягкую силу» в тесной связи, в контексте логики процессов управления государственной внешней (международной) политикой, следует учитывать концептуальные изменения, определившие развитие теории и практики государственного управления на рубеже XX-XXI вв., которые повлияли на развитие методологии и понятийного аппарата и тот факт, что наряду с экономистами, традиционно осуществлявшими экспертную работу в сфере государственного управления, свои оценочные суждения об эффективности государственных политик и программ стали высказывать социологи, политологи, юристы, культурологи³⁹.

Современные российские исследователи, подключившись к дискуссии о теоретических и методологических вопросах государственного, публичного управления предложили свое видение перспектив развития государственной управляемости, формирования государственных программ развития, отдельных направлений государственной политики и логики современных реформ с акцентом на цифровые трансформации (Л.В. Сморгунов⁴⁰, А.И. Соловьев⁴¹, Т.А. Кулакова⁴², А.В. Волкова⁴³, А.В. Курочкин⁴⁴, и др.).

³⁸ Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: автореф. дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 2017. – 38 с.

³⁹ Вольманн Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» /Х. Вольманн // Социологические исследования. – 2010. – №10. – С. 93-99.

⁴⁰ Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2012. – 362 с. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис (Политические исследования). – 2001. – № 3. – С. 103-112; Сморгунов Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис (Политические исследования). – 2018. – №5. – С. 88-99.

⁴¹ Соловьев А.И. Политика и управление государством: очерки теории и методологии. – М. Аспект Пресс, 2022. – 256 с.

⁴² Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2011. – 382 с.

⁴³ Волкова А.В. Государственное управление: политико-аксиологический подход: автореф. дисс... д-ра. полит. наук: 23.00.02. – СПб: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2014. – 36 с.

⁴⁴ Курочкин А.В. Государственная инновационная политика в условиях общества, основанного на знаниях: в поисках нового содержания // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 62-68.

Интерес к вопросам эффективности государственного управления и обеспечения государственной управляемости в условиях современных вызовов способствует тому, что тема институтов публичной дипломатии так или иначе затрагивается целым рядом исследователей в кандидатских диссертациях⁴⁵. Несмотря на значительный интерес к теме как в зарубежной, так и в отечественной науке, практически не выявлены работы по комплексному анализу институтов и инструментов российской публичной дипломатии в Аргентине с учётом современных глобальных вызовов, динамики международных процессов и тенденций развития государственного управления. На наш взгляд, необходимо рассмотрение этого вопроса в контексте развития государственной политики РФ в условиях меняющегося миропорядка.

Учитывая степень разработанности темы, *целью исследования* является анализ особенностей российской публичной дипломатии в Аргентине в эпоху цифровизации на примере сферы культуры и образования.

Объектом исследования является публичная дипломатия России в Аргентине.

Предметом исследования являются институты и инструменты публичной дипломатии России в Аргентине в условиях цифровых трансформаций в сфере культуры и образования.

Задачи исследования:

1. Проанализировать концепцию публичной дипломатии и основные подходы к ее пониманию с целью выявить значение публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы»;

⁴⁵ Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского Союза в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 2012. – 24 с. Дживаян Д. А. Публичная дипломатия РФ и США в Республике Армения: сравнительный анализ принципов и механизмов реализации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2016. – 35 с. Смирнов Н.А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Москва: ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», 2017. – 28 с.

2. Проанализировать трансформацию публичной дипломатии в цифровую эпоху, раскрыть ее этапы и проследить изменения в российской активности и латиноамериканское направление;

3. Выявить соотношение формальных и неформальных институтов публичной дипломатии России в странах Латинской Америки и особенность аргентинского направления;

4. Исследовать принципы и институты российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования для повышения ее эффективности;

5. Определить ключевые направления и перспективные инструменты российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования;

6. Выявить роль российских университетов в развитии публичной дипломатии в Аргентине.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

- в ходе диссертационного исследования уточнены определения ряда терминов и категорий, а именно, выявлено, что цифровая публичная дипломатия, которая являющаяся инструментом «мягкой силы», способствует продвижению интересов конкретного государства в международной коммуникационной среде. Публичная дипломатия реализуется через инструменты, под которыми понимаются коммуникационные средства или меры, необходимые для целевого воздействия на общественное мнение и экспертную аудиторию или достижения большого эффекта внешнеполитических инициатив;

- осуществлен анализ принципов и институтов публичной дипломатии на основе сравнения американского, европейского, китайского и российского подходов, в результате которого выявлено, что российская публичная дипломатия во многом унаследовала черты советской народной

дипломатии. Среди её особенностей можно выделить: недостаточно выстроенную систему институтов публичной дипломатии, но при этом и привлекательность практических мероприятий в рамках популяризации российской «высокой» культуры и национальной системы образования, ориентацию на работу с деловыми кругами, молодежью, лидерами общественной и экспертной аудитории;

- в работе проведена типологизация разновидностей публичной дипломатии и установлено, что в узком смысле цифровая дипломатия является практической деятельностью сферы IT и языка программирования, направленная на решение дипломатических задач. Тогда как в широком значении цифровая публичная дипломатия выступает универсальной формой по отношению к её разновидностям. Также было выявлено, что существует множество разновидностей публичной дипломатии, формируемые в зависимости от целей и задач внешней политики государства, в том числе, и под влиянием глобальных тенденций;

- в работе выявлены достоинства и недостатки цифровой дипломатии, так, в частности, преимуществом цифровой публичной дипломатии является широкая географическая доступность, что позволяет пользователям сети подключаться к трансляции и популяризовать свою точку зрения. Также цифровая публичная дипломатия способствует ускоренному обмену информацией. В то же время цифровая публичная дипломатия влечет за собой ряд недостатков и рисков, во-первых, использование онлайн формата снижает качество воспринимаемой собеседником информации, во многом из-за ограниченности невербальных контактов. Во-вторых, существуют риск утечки персональных данных и установления контроля над личностью со стороны государства и заинтересованных групп. В-третьих, современные события на международной арене и информационные войны показывают, что активное использование социальных сетей и вовлечение граждан в цифровую коммуникацию, создают условия для распространения дезинформации и

масштабного применения манипулятивных технологий со стороны внешних игроков, что негативно сказывается на управляемости государства;

- автором детально исследованы формальные и неформальные институты публичной дипломатии России со странами латиноамериканского региона и их активность в период пандемии COVID-19;
- в работе определены направления и перспективные инструменты публичной дипломатии России в Аргентине. Среди ключевых направлений можно выделить организацию празднования российских юбилейных и памятных дат (День защитника Отечества, День России, День Победы, День народного единства, День Космонавтики, Международный день молодежи, День дружбы единения славян, День славянской письменности и культуры, День иммигранта), а также дней культуры, посвященных русским писателям (особенно А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского); массовые мероприятия политического характера (акция «Бессмертный полк»), культурно-массовые мероприятия (Фестиваль славянской культуры «Матушка Русь», Фестиваль российских фильмов); проекты культурно-гуманитарного характера (фотовыставки, кинопоказы), а также популяризация русских фольклорных танцев и народных песен. Значимую роль в продвижении российской публичной дипломатии и работе с соотечественниками, молодежью в Аргентине выполняет Аргентинская и Южноамериканская РПЦ, которая проводит мероприятия, посвященные русскому православию (например, Международные Рождественские образовательные чтения, Международная историческая выставка русских православных икон «Рострос Сантос» и др). В области популяризации российского образования координирующую роль при взаимодействии с университетами выполняет Русский дом в Буэнос-Айресе. Среди направлений в области популяризации русского языка в Аргентине можно отметить чтение произведений и стихотворений российских писателей (проект «Русская поэзия» в ознаменование Дня России (12 июня) и Дня русского языка (6 июня), литературный проект «Читаем Достоевского» (ноябрь 2021)). В целях повышения эффективности работы

российской публичной дипломатии в Аргентине, перспективными инструментами могут стать российские социальные сети и отечественные цифровые платформы, реализация конкретных проектов, открытие российских структур в аргентинских университетах (на примере кафедр русского языка и литературы), привлечение компаний в области научно-технологического обмена, развитие сотрудничества на уровне медицинских учреждений и научно-исследовательских институтов, например дипломатия вакцины;

- проведенный в рамках настоящего исследования экспертный опрос позволяет оценить коммуникационные способности российской государственной политики и международно-гражданского сотрудничества. Результаты опроса показали, что наиболее перспективными сферами сотрудничества между Россией и Аргентиной станут следующие направления: 1) торговля; 2) сфера медицины и здравоохранения (поставка и разработка вакцин, сотрудничество в области медтехнологий, фармакологии); 3) цифровые технологии и цифровизация; 4) культура (культурная дипломатия, культурно-гуманитарные связи, наука, образование); 5) отраслевые направления (сельское хозяйство, тяжелая промышленность, ядерные технологии (не только АЭС), транспорт и логистика, космос, энергосотрудничество и энергобезопасность; визовые вопросы; вопросы миграции));

- в работе был впервые проведен сравнительный анализ 20 организаций российских соотечественников, включая движения в Аргентине в период пандемии COVID-19 (ноябрь 2021) по таким критериям, как 1) представленность на наличие собственного сайта, аккаунтов в социальных сетях; 2) количество подписчиков; 3) основные проводимые культурно-гуманитарные мероприятия;

- на основании проведенного исследования предложен комплекс практико-ориентированных рекомендаций в целях повышения эффективности деятельности российской публичной дипломатии в

Аргентине, а именно: 1) повышение информационной безопасности и разработка стратегии или соответствующего документа, регламентирующего публичную дипломатию, включая систему региональных приоритетов; 2) принятие долгосрочного плана российско-аргентинского сотрудничества в сфере культуры; 3) повышение представленности институтов публичной дипломатии (в особенности неофициальных) на информационном пространстве, в первую очередь за счёт продвижения российских социальных сетей и создания отечественных цифровых платформ; 4) увеличение финансирования на мероприятия российских официальных институтов публичной дипломатии, поддержки инициатив неофициальных институтов в Аргентине со стороны государства, частных лиц;

- в работе были выявлены перспективные инструменты сотрудничества между российскими и аргентинскими вузами в контексте проблемы интернационализации: 1) академическая мобильность (оффлайн и виртуальная); 2) онлайн образование; 3) языковые программы.

Основными результатами исследования, полученными автором и составляющими научную новизну, являются следующие основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ концепции публичной дипломатии и её основных подходов показал, что публичная дипломатия государства, являющаяся инструментом «мягкой силы», может быть определена как коммуникационная способность государства в целях реализации государственной внешней политики с использованием инструмента международно-гражданского сотрудничества. На сегодняшний день зафиксирована некоторая расплывчатость концептуального понимания термина «мягкая сила», а, следовательно, – и наличие проблемы границ и интерпретации публичной дипломатии, что приводит к отличию этих понятий. При изучении публичной дипломатии зарубежными и отечественными исследователями поднимается методологическая проблема измерения и исчисления объема «мягкой силы» различных государств. Исследование зарубежного опыта в сфере публичной

дипломатии позволяет утверждать, что феномен публичной дипломатии является инструментом «мягкой силы», используемый как официальными, так и неофициальными институтами, частными лицами, направленный на продвижение привлекательности внешней политики и модели развития государства или актора международных отношений.

2. Трансформацию публичной дипломатии в цифровую эпоху можно представить следующими этапами: 1) формирование электронного правительства; 2) появление и развитие социальных сетей; 3) эпоха вынужденной цифровизации COVID-19. В эпоху ковидной реальности цифровая трансформация охватила все разновидности российской публичной дипломатии, особенностью которой стало активное продвижение имиджа внешней политики государства и ее представителей, используя аккаунты в социальных сетях, блоги, различные платформы, которые выступают инструментами коммуникационного воздействия и влияния на целевую аудиторию за рубежом. Таким образом, цифровизация государственной политики становится более открытой и доступной для желающих высказать свое мнение, получать информацию по тем или иным вопросам. Кроме того, фактор пандемии COVID-19 во многом ускорил процесс перехода вузов, научно-исследовательских учреждений на онлайн-формат, расширив возможность географию его участников и средств коммуникации через интернет-платформы и социальные сети. Развитие цифровой публичной дипломатии, начавшейся в эпоху глобализации, было усилено пандемией COVID-19 в области развития информационных и цифровых технологий во внешней политике государств. Потенциал цифрового инструментария активно используется в латиноамериканских странах как во время внутривнутриполитической кампании, так и популярен среди отдельных политических лидеров в качестве эффективного средства коммуникации с гражданским обществом.
3. Соотношение официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии показало, что неофициальные институты, оказывая

влияния на принятие внешнеполитических решений официальными институтами, выполняют функцию поддержки, трансляции инициатив официальных институтов, продвижения их ценностей, установок и национального имиджа в латиноамериканских странах. С учётом фактора пандемии COVID-19 и обострения кризиса на постсоветском пространстве в начале 2022 г. перед российской публичной дипломатией в Аргентине стоят следующие задачи: 1) повышение информационной безопасности и разработка стратегии или соответствующего документа регламентирующую публичную дипломатию, включая систему региональных приоритетов; 2) принятие долгосрочного плана российско-аргентинского сотрудничества в сфере культуры; 3) повышение представленности институтов публичной дипломатии (в особенности неофициальных) на информационном пространстве, в первую очередь за счёт российских социальных сетей и создания отечественных цифровых платформ; 4) увеличение финансирования на мероприятия российских официальных институтов публичной дипломатии, поддержки инициатив неофициальных институтов в Аргентине со стороны государства, частных лиц.

4. Российская внешняя политика в Аргентине в контексте публичной дипломатии базируется на принципах *многополярности, прагматизма и невмешательства во внутренние дела*. В связи с геополитическим и ценностным противостоянием России с США и их союзниками, во многом усиленными кризисами и событиями на постсоветском пространстве в начале 2022 г., Россия будет ориентироваться на сотрудничество с Китаем, а также преимущественно развивающимися странами из Азии, Латинской Америки и Африки. Несмотря на то, что Аргентина осудила специальную военную операцию, страна не вводила санкций против России, стремится проводить независимый курс во внешней политике, ориентированный на антиамериканизм. Также Аргентина придерживается принципов международного права, координирующей роли международных институтов как ООН, выступает за мирное урегулирование конфликтов. Аргентина

остается одним из ключевых российских партнеров в рамках международных организаций и форумов (G20, Петербургский международный экономический форум), а также выражает желание присоединиться к БРИКС. Фактор пандемии COVID-19 позитивно сказался на российско-аргентинских отношениях, открыв возможности экспорта российских вакцин и их разработок (на примере «Спутник V»). Тем не менее существует ряд существенных проблем российско-аргентинских отношений, во-первых, обострение кризиса на постсоветском пространстве в целом усложнило транспортную логистику между Россией и Латинской Америкой; во-вторых, на сегодняшний день отсутствует публично двусторонняя стратегия или обновленный план российско-аргентинских отношений; в-третьих, остается проблема диверсификации торгово-экономического сотрудничества между Россией и Аргентиной. В целом институциональная модель публичной дипломатии в Аргентине представляет собой комплекс мер во главе с Россотрудничеством, находящимся в тесном взаимодействии, в первую очередь, с организациями российских соотечественников, культурными и спортивными клубами, университетами. Правительство Аргентины и местные власти, культурные центры и университеты Аргентины также содействуют в поддержке проведения российских мероприятий по публичной дипломатии.

5. Ключевыми направлениями российской публичной дипломатии в Аргентине является организация празднования юбилейных и памятных дат, дней культуры; проведение политических и культурно-массовых мероприятий; реализация проектов культурно-гуманитарного характера (фотовыставки, кинопоказы); популяризация русских фольклорных танцев и народных песен; проведение мероприятий Аргентинской и Южноамериканской РПЦ. Одним из важнейших направлений российской публичной дипломатии является популяризация российского образования и изучение русского языка, главными институтами которого выступают Русский дом (представительство Россотрудничества в Аргентине), Русский центр при

Университете Буэнос-Айрес. С учётом фактора пандемии COVID-19 и обострения кризиса на постсоветском пространстве в 2022 г. России необходимо больше продвигать инструменты публичной дипломатии в Аргентине, с акцентом на коммуникационные средства или меры, необходимые для целевого воздействия на общественное мнение и экспертную аудиторию или достижения большого эффекта внешнеполитических инициатив. Речь идет о продвижении российских социальных сетей и создании отечественных цифровых платформ, реализации долгосрочных конкретных культурно-гуманитарных проектов в области изучения русской истории и культуры, открытии российских структур в аргентинских университетах (на примере кафедр русского языка и литературы), привлечении российских компаний в области научно-технологических разработок в Аргентине; а также развитию сотрудничества в области здравоохранения и медицины за счёт проведения тематических мероприятий и совместных исследований.

6. На современном этапе роль российских университетов в развитии публичной дипломатии в Аргентине заключается в создании образовательных инициатив и проектов, а также продвижении научной и экспертной дипломатии. Российские университеты, аккумулирующие экспертизу и компетенции, выступают дискуссионными площадками, где взаимодействуют представители государственной власти, НПО/НКО, бизнеса и СМИ, что оказывает влияние на принятие внешнеполитических решений. Сотрудничество между российскими и аргентинскими вузами в основном строится на соглашениях о сотрудничестве или меморандумах в области обмена студентами и преподавателями, и редко содержит конкретные инициативы или совместные проекты. Исследование показало, что актуальными направлениями сотрудничества между российскими и аргентинскими вузами в контексте интернационализации могут стать следующие: 1) улучшение возможностей исходящей академической мобильности, не только оффлайн, но виртуальной (онлайн) мобильности; 2)

запуск различных онлайн-курсов в целях повышения о российском образовании, культуре; 3) реализация программ по обучению русского языку в аргентинских вузах преподавателей из российских университетов.

Теоретическая значимость работы заключается в применении неинституционального подхода в исследовании влияния формальных и неформальных институтов в процессах осуществления публичной дипломатии России в Аргентине с учётом таких современных глобальных вызовов как: пандемия COVID-19, обострение кризиса на постсоветском пространстве 2022 г., и тенденции формирования цифрового общества.

Практическая значимость работы заключается в том, что положения и выводы данного исследования могут быть использованы в качестве методологической основы для разработки стратегии интернационализации в российских вузах, анализа перспективных направлений и выявление возможных рисков работы российских государственных учреждений, бизнес организаций как с Аргентиной, так и с другими латиноамериканскими странами.

Материалы исследования также могут быть использованы в учебном процессе, в частности, при подготовке и чтении курсов «Политология и политическая теория», «Региональные аспекты международных отношений», «Информационно-коммуникационные технологии в мировой политике» а также для создания новых спецкурсов в области изучения латиноамериканистики.

Методология и методы исследования: на современном этапе развития политической науки новая институциональная теория, наряду с иными современными концепциями (менеджеральной, сетевой) может быть признана наиболее перспективной для изучения государственного управления и отдельных отраслевых политик⁴⁶. В качестве методологического основания проводимого исследования был использован неинституциональный подход, актуализирующий

⁴⁶ Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. – М.: РОССПЭН, 2006. – 384 с.

роль формальных и неформальных институтов в процессах осуществления публичной дипломатии России в Аргентине.

Применение неоинституционального подхода позволило также исследовать степень системного влияния государственных и негосударственных акторов на институционализацию публичной дипломатии в период с 1990-х и в условиях цифровых трансформаций публичной политики.

Концептуальной основой диссертации являются исследования Дж.С. Ная, Е. Гилбоа, Ф. Хартига, И. Вана, М. Стоиана, К. Марасеску, Б. Осиепка, К. Айхана, Дж. Макнамара, посвященные публичной дипломатии. Среди отечественных авторов, исследующих составляющие «мягкой силы» можно отметить работы Дж. Галаротти, С.И. Белова, А.В. Борисова. В отечественной науке теоретической разработкой публичной дипломатии, в том числе в свете культурной и цифровой дипломатии занимаются такие известные российские специалисты в сфере изучения международных отношений как: М.М. Лебедева, Н.А. Цветкова, О.В. Лебедева, Н.В. Бурлинова, А.А. Великая, Т.Л. Ровинская.

При написании работы были использованы метод контент-анализа (как основной метод исследования), метод ивент-анализа, метод SWOT-анализа. В рамках данного исследования был проведён ряд экспертных интервью с целью измерения эффективности российской публичной дипломатии на латиноамериканском направлении (Приложение 1). В выборку исследования были включены представители органов государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области, сотрудники государственных бюджетных учреждений Санкт-Петербурга, преподаватели российских вузов и сотрудники исследовательских организаций, ориентированные на анализ изучения латиноамериканского направления.

Эмпирическая база. Исследование опиралось и на официальные документы (например, Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г., Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества), документы межвузовского сотрудничества.

Кроме того, при написании работы были использованы данные официальных сайтов Посольства РФ и организаций соотечественников, российских и аргентинских университетов; испаноязычные СМИ (La Nacion, El Cronista, Sputnik Mundo), проанализированы сайты и аккаунты в социальных сетях официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии в рамках латиноамериканского направления.

Степень достоверности и апробация результатов. Результаты диссертации были апробированы в качестве докладов на следующих мероприятиях:

II Декабрьский научно-практический семинар (8 декабря 2016 г., Санкт-Петербург, факультет международные отношения СЗИУ РАНХиГС).

XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», 10-14 апреля 2017 г., Москва, Московский государственный университет им. Ломоносова).

III Декабрьский научно-практический семинар (14 декабря 2017, Санкт-Петербург, Факультет международных отношений СЗИУ РАНХиГС).

Круглый стол «Диалог во имя сотрудничества» V Евразийского молодежного инновационного конвента, (11-12 апреля 2018 г., Санкт-Петербург, Законодательное собрание Ленинградской области).

VII Международная научная конференция «Таврическая перспектива» под названием «Евразийское сотрудничество как важный фактор безопасности и стабильности в многополярном мире» (31 май 2018, Таврический дворец, Санкт-Петербург).

VII Международная студенческая научная конференция «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности» (29 марта, Санкт-Петербург, СПбГУ).

IV международный форум «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность (1-3 октября 2019, Санкт-Петербург, СПбГУ).

V международный форум «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и перспективы (Санкт-Петербург, 4-6 октября 2021).

Десятая международная студенческая научная конференция «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности» (Санкт-Петербург, 24-26 марта 2022 г.).

Результаты исследования представлены в журналах «Научные труды СЗИУ РАНХиГС»⁴⁷, «Студенческий научный журнал Северо-Западного института управления»⁴⁸, «Сборник работ VII международной студенческой научной конференции. Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности»⁴⁹, «Национальная безопасность и стратегическое планирование»⁵⁰, входящих в перечень РИНЦ. Также апробация результатов исследования представлена в статьях журналов, входящих в перечень ВАК («Управленческое консультирование»⁵¹, «Латинская Америка»⁵², Евразийская интеграция: экономика, политика, право»⁵³) и в латиноамериканских журналах (*Revista Diplomática*)⁵⁴. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложений.

⁴⁷ Березина Е.К. Роль УНАСУР в конструировании системы региональной безопасности Латинской Америки // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2017. – Т.8. – № 2 (29). – С. 112-119. Березина Е.К. Урбанизация как тенденция развития латиноамериканского регионализма // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2018. – Т.9. – № 2 (34). – С.37-45.

⁴⁸ Березина Е.К. Культурно-образовательное сотрудничество России и Аргентины: проблемы и перспективы // Студенческий научный журнал Северо-Западного института управления. № 1(9) / Сев.-Зап. ин-т упр. РАНХиГС. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – С. 14-20.

⁴⁹ Березина Е.К. Культурная дипломатия России в Аргентине // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Сборник работ VII международной студенческой научной конференции. – СПб: Скифия -принт, 2019. – С. 148-158.

⁵⁰ Березина Е.К. Международное сотрудничество ЕАЭС на примере Латинской Америки // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 2 (22) ч.2. – С. 121-124.

⁵¹ Березина Е.К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление-Латинская Америка // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3 (147). – С.43-57.

⁵² Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.25-41. Березина Е.К. Андское сообщество — Евразийский экономический союз: есть ли перспективы? // Латинская Америка. – 2023. – №3. – С. 90-103.

⁵³ Березина Е.К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – №4 (38). – С.61-66. Березина Е.К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – №1 (39). – С. 68-76.

⁵⁴ Hernández D., Caetano S., Berezina E. El reflorecimiento de las relaciones entre Rusia y Uruguay en el siglo XXI // Revista Diplomática. Instituto Artigas del Servicio Exterior. – 2018. – Vol.1. – N1. – P.179-188.

Глава. 1. Публичная дипломатия в условиях современного миропорядка: опыт российско-аргентинского взаимодействия

1.1. Публичная дипломатия как инструмент «мягкой силы» и ее институты: основные подходы к исследованию

Для современной политической науки исследования государственной политики, системы органов и учреждений власти, осуществляющих разработку и реализацию государственной политики, изучение элементного состава государственной политики и отдельных ее институтов остаются приоритетным направлением. Сложность и противоречивость развития мира на стыке XX-XXI вв. подталкивает ученых обществоведов по всему миру к поиску адекватных методологических оснований изучения политического процесса и среди целого ряда методологических установок новая институциональная теория, наряду с иными современными концепциями (менеджеральной, сетевой) по праву признается наиболее перспективной. А.И. Соловьев отмечает, что наличие заключенного в политике регулятивного функционала (в виде маневрирования социальных акторов, *de facto* воплощающих их коммуникативный потенциал, связанный с продвижением интересов), не подвластного экономическим и административно-правовым методам организации общественных отношений, усилило способности власти к «производству намеренных действий» (Б. Рассел)⁵⁵. Соответствующим образом это проявилось в способности и тяготении политики к «прокладыванию» правительственного курса, т.е. к осуществлению собственно управленческих акций.⁵⁶ В современном мире, таким образом, происходит усложнение институционального взаимодействия государственной политики и общества, а, следовательно, и их механизмов воздействия.

Ориентация на изучение проактивной деятельности государств и способов формирования политики в неустойчивой среде стала одним из оснований использования современными исследователями категории «динамические

⁵⁵ Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А. И. Соловьев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С.46.

⁵⁶ Там же.

способности государства». И если такие способности как: «способность к эффективному управлению, способность к поддержанию национальной безопасности..., разработанные в рамках концепции нового государственного менеджмента и «governance», учитываются при составлении национальных стратегий развития»,⁵⁷ то именно коммуникационные способности государства в современных условиях оказываются в центре внимания как теоретиков, так и практиков в сфере государственного управления.

В то же самое время, следует отметить, что если институционализм рассматривал институты как правила игры, акцентируя внимание на их формальных законодательных рамках, то «неоинституциональный подход, базирующийся на предпосылках социального конструктивизма, ...доказывает, что все элементы рационального выбора: акторы, интересы, предпочтения, являются социально «сконструированными»...Интерес исследователей в рамках данного подхода сфокусирован преимущественно на неформальных институтах», а «институциональные изменения рассматриваются в данном случае как процесс распространения (диффузии) через механизмы институционализации и легитимации поведенческих сценариев, возникающих в процессах обучения и социальной практики».⁵⁸ Вклад Д. Норта в теорию институтов состоит в том, что он рассматривал институты как главные единицы анализа⁵⁹, опираясь на идеи индивидуального выбора и попытку примирения социальных и экономических наук с точки зрения объяснения индивидуального человеческого поведения⁶⁰. Неоинституционализм, как методологическая установка дает возможность взглянуть на государство, на процессы и элементы государственной политики и

⁵⁷ Ведмецкая Л.В. Динамические способности государства и политика развития: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб.: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2013. – 194 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-sposobnosti-gosudarstva-i-politika-razvitiya> (дата обращения: 14.09.2022).

⁵⁸ Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 226.

⁵⁹ Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д.Норта // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – №283. – С.123.

⁶⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирование экономики [Электронный ресурс] \ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С.20. – (Современная институционально-эволюционная теория). URL: <http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf> (дата обращения: 08.08.2022).

управления с позиции «признания возможности существования множества точек равновесия, учета нестабильности и разнообразия предпочтений в процессе принятия решений»⁶¹, что делает ее крайне востребованной при анализе политических институтов и процессов первой четверти XXI века. Популярность подхода привела к тому, что сегодня в различных социальных науках развиваются собственные версии неoinституционализма, обладающие, наряду с базовыми установками, своими (дополнительными и уникальными) методологическими основаниями.

Концепция транснационализма, потеснившая в последней трети XX в. политический реализм и модернизм, и наиболее полно изложенная в работе Р. Кеохэйна и Дж. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика»⁶² сделала акцент на резком возрастании уровня взаимозависимости между странами и усилении взаимообмена в различных сферах (экономической, политической, социальной), что привело к формированию нового типа отношений и акторов в процессах развития и управления внешней политикой государств.

В условиях, когда государство утрачивает способность полностью контролировать столь разноплановый и интенсивный обмен, «полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и иные предприятия, наконец, отдельные индивиды. К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются различные связи между религиозными, профессиональными, профсоюзными, деловыми кругами этих государств, причем роль последних может иногда равняться роли первых»⁶³, в связи с чем получают распространение и осмысляются

⁶¹ Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 228.

⁶² Keohane R.O. And Nye J. S. (Jr) Ed. *Transnational Relations and World Politics*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. – P. IX-XXIX. (Перевод Ирины Шилобреевой).

⁶³ Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 152.

такие феномены как «мягкая сила», «публичная дипломатия», «агенты влияния» и др. В этой связи публичная дипломатия, являющаяся средством «мягкой силы», выступает коммуникационным инструментом государственной политики, реализуемой через официальные и неофициальные институты с целью оказания влияния на общественное мнение внутри страны, так и за рубежом. Следует признать, что за прошедшие десятилетия концепция не утратила актуальности, так в частности, развитие международного кризиса в связи с российской специальной операцией в Украине показывает всю противоречивость и неоднозначность активности по достижению своих целей Правительства, бизнес структур, учреждений науки и культуры, религиозных организаций и лидеров различного уровня по всему миру.

Не вызывает сомнений, что в современном мире наряду с системой глобальных и региональных международных организаций, официальных договоров и соглашений действуют и активно развивается множество неофициальных договорных стратегий, имеющих как явный, так и латентный характер, продвигающихся как в офлайн, так и онлайн пространствах и имеющих в большинстве случаев сетевую структуру.

В современных международных исследованиях публичная дипломатия рассматривается как неотъемлемый инструмент «мягкой силы». С позиции американского подхода, который наиболее распространен в области концептуального объяснения «мягкой силы», это способность устанавливать предпочтения, обычно связанной с нематериальными активами, такими как привлекательная личность, культура, политические ценности и институты, а также политика, которые считаются законными или имеющие моральный авторитет. С позиции поведенческого подхода и терминологии под «мягкой силой» понимается «сила притяжения»⁶⁴. С этой точки зрения необходимо подробнее рассмотреть концептуальное содержание понятия «мягкая сила» и ее составляющие.

⁶⁴ Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. –2008. –Vol. 616. – Issue 1. – P. 95.

По мнению исследователя Дж. Ная, «мягкая сила» государства основывается на привлекательности трех ее компонентов: *culture* («культура»), *political values* («политические ценности») и *foreign policies* («внешнеполитические установки») ⁶⁵. В международной политике, ресурсы «мягкой силы» в основном вытекают из ценностей любой организации или страны, выраженной в ее культуре в примерах, установленных ее внутренними правилами и политикой, и в отношении взаимодействия с другими. В этом смысле, публичная дипломатия выступает коммуникационным инструментом правительства для привлечения общественности другой страны, а не только их правительств ⁶⁶. Для публичная дипломатия использует телевидение, субсидирует культурный экспорт, организует обмены и т.д. Если деятельность публичной дипломатии неэффективна, то она не может произвести «мягкую силу» ⁶⁷.

Российский исследователь С.И. Белов в своей статье «Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» выделяет различные индексы измерения «мягкой силы». Однако, их значения носят относительный характер и имеют свои недостатки, в связи с сложностью измерения компонентов «мягкой силы». В этом отношении, следует согласиться с концептуальной позицией С.И. Белова, что одни и те же индикаторы, используемые для оценки «мягкой силы» в рамках разных рейтингов, в действительности характеризуют (оценивают) разные аспекты данного концепта ⁶⁸. Кроме того, операционализация понятия «мягкая сила» на сегодняшний день остается не вполне ясной для экспертного сообщества, и это в принципе затрудняет измерение данного явления путем проведения

⁶⁵Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs Press, 2005. – P. 11.

⁶⁶Nye J.S. Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 95.

⁶⁷Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // *Латинская Америка*. – 2021. – №9. – С.27.

⁶⁸Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // *Вестник Московского государственного университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №1. – С. 169.

социологического исследования,⁶⁹ но не снимает необходимость детального анализа и осмысления данного феномена.

Первый сводный индекс мягкой силы (Institute for Government – Monocle Soft Power Index) был разработан в 2010 г. и с тех пор публикуется ежегодно для нескольких стран. Индекс складывается из пяти категорий индикаторов: управление, культуры, дипломатия, образование и бизнес / инновации, а также включает ряд субъективных категорий, предлагаемыми экспертами. Каждый из этих индексов подразделяется на соответствующие подиндексы⁷⁰.

Индекс мягкой силы Ирэн Ву (Wu Rubric for Soft Power) дает сравнительную оценку мягкой силе России и Китая на базе четырех интегральных показателей: 1) динамика числа иммигрантов из различных стран; 2) количество иностранных студентов; 3) количество туристов; 4) аудитория китайских фильмов, российских фильмов и фильмов совместного производства. Описание индекса гласит: «Мягкая сила – это способность страны влиять на международное сообщество, привлекая симпатии других, а не с помощью экономических рычагов или военной силы».⁷¹ Следовательно, данный индекс позволяет измерить страновые показатели «мягкой силы».

Представляется важным отметить, что в современной международной науке существует проблема границ измерения «мягкой» и «жесткой силы». Американский профессор Уэслианского университета Дж. Галларотти в своих исследованиях поднимает методологический вопрос противостояния «жесткой» и «мягкой силы». Автор приводит тезис, что зарубежная помощь содержит значительную «жесткую составляющую», так как в ней присутствует элемент генерирования влияния посредством экономической мощи, которая относится к жесткой силе. Он приводит в качестве примера реализацию проектов Китая и

⁶⁹ Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского государственного университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №1. – С.172.

⁷⁰ Галларотти Дж. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. – 2020. – Т.29. – №1. – С. 89.

⁷¹ Там же. – С. 91-92.

Южной Кореи, которые можно считать инициативами по развитию «мягкой силы», однако концептуальный базис экономических стратегий этих стран таков, что нацеливает их прежде всего на обеспечение доступа к ресурсам и инвестициям (форвардные контракты, связанная помощь)⁷². Отечественные исследователи отмечают как сложность, неоднозначность оценок данного явления, так и неполное соответствие английского термина «soft» и русского «мягкая»⁷³. Таким образом, зарубежными и отечественными исследователями поднимается сложная методологическая проблема измерения и исчисления объема «мягкой силы» различных государств.

Обращаясь к изучению публичной дипломатии в современном мире, прежде всего следует учесть, что такие факторы как глобализация, воздействие новых технологий на ослабление государственного контроля над СМИ, а также возрастающая роль негосударственных акторов в международных отношениях во многом способствовали возникновению публичной дипломатии⁷⁴. В 60-е гг. XX в. Эдвард Галлион, декан Школы права и дипломатии Флетчера Университета Тафтс и основатель Центра Публичной Дипломатии Эдвард Р. Мюрроу ввели понятие «публичная дипломатия». Под классическим определением публичной дипломатией понимается «средства, с помощью которых правительства, частные компании и отдельные личности влияют на отношение к ним и мнения других людей и правительств, таким образом, чтобы повлиять на их внешнеполитические решения»⁷⁵. В более широком значении публичная дипломатия определяется как «инструмент, используемый государствами, ассоциациями государств и некоторыми внутригосударственными учреждениями, и негосударственными акторами для понимания культуры, отношения и поведения; с целью построения

⁷² Березина Е.К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – №1 (39). – С. 69.

⁷³ Кошкар-оол А.А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции [Электронный ресурс] // Международные коммуникации. – 2019. – № 1(10). URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication> (дата обращения: 12.09.2022).

⁷⁴ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.27.

⁷⁵ Там же. – С.27.

отношений и управления ими; и влияния на мысли и мобилизацию действий для продвижения своих интересов и ценностей»⁷⁶. Именно после того, как Дж. Най сформировал концепцию «мягкой силы», термин «публичная дипломатия» получил широкое распространение в 1990-е гг.⁷⁷

Исследователь Ф. Хартиг отмечает, что «мягкая сила» и публичная дипломатия не являются синонимами, а относятся к разным (но связанным) коммуникационным действиям. Публичная дипломатия представляет собой сознательный акт общения с зарубежной общественностью и, следовательно, является важным средством «мягкой силы»⁷⁸. Объяснить понятие публичной дипломатии иногда бывает сложно, поскольку она очень близка к культурной дипломатии, коммуникации, пропаганде, СМИ, связям с общественностью.⁷⁹ В силу того, что общественное мнение может оказать значительное влияние на государство и его структуры, объектом публичной дипломатии выступает массовая аудитория⁸⁰. Ключевой научной проблемой остается отличие пропаганды от публичной дипломатии. В своей работе Ф. Хартиг попытался дать различие терминов «публичная дипломатия» и «пропаганда»: публичная дипломатия похожа на пропаганду в том, что она пытается убедить людей, что думать, но принципиально отличается от нее в том смысле, что публичная дипломатия также прислушивается к тому, что люди говорят⁸¹. Исследуя различия между терминами «публичная дипломатия» и «пропаганда» Дж. Най, утверждает, что простой пропаганде часто не хватает доверия, и поэтому она контрпродуктивна как

⁷⁶ Ayhan K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives // *International Studies Perspectives*. – 2019. – Vol.20. – Issue 1. – P.65.

⁷⁷ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // *Латинская Америка*. – 2021. – №9. – С.27.

⁷⁸ Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – Routledge, New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.49.

⁷⁹ Ngadhnjim B., Nuhui M. F. European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina // *European Journal of Social Science Education and Research*. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

⁸⁰ Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 145.

⁸¹ Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – Routledge, New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.28.

публичная дипломатия⁸². Эффективная публичная дипломатия должна выходить за рамки пропаганды. В отличие от пропаганды, публичная дипломатия также включает в себя построение долгосрочных отношений, которые создают благоприятную среду для государственной политики⁸³, а, следовательно, она способствует формированию долгосрочных, построенных на доверии условий для развития коммуникационных способностей государства.

Теоретические основы публичной дипломатии исследуются с подходов различных дисциплин, начиная от коммуникации до связей с общественностью, от международных отношений (IR) до маркетинга. По мнению ряда исследователей связи с общественностью (PR) оказывают существенное влияние на концептуальную природу публичной дипломатии. Профессор СПбГУ Л.В. Сморгунов, подчеркивает, что в современной международной науке, сравнительная политология, получила значительный импульс к *междисциплинарным исследованиям*, что позволяет оценить эффективность официальных и неофициальных институтов публичной дипломатии с позиции различных теоретико-методологических подходов⁸⁴. Он соглашается с московским исследователем Н.С. Юриной, что неоинституциональный подход исследует политическую действительность с междисциплинарной точки зрения, учитывает многообразные аспекты взаимоотношений государства и индивида⁸⁵.

Американский исследователь Е. Гилбоа признает, что концептуальное понимание публичной дипломатии развивалось параллельно с международными отношениями и коммуникацией⁸⁶. PR и публичная дипломатия имеют одинаковую природу, так как преследуют аналогичные цели и используют аналогичные

⁸² Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 101.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: учебник для вузов / Л. В. Сморгунов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 37 с.

⁸⁵ Юрина Н.С. Неоинституциональный подход в политических исследованиях: теоретические предпосылки формирования // Вестник Московского государственного университета. Серия 7. – 2016. – № 5. – С. 69.

⁸⁶ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P.57.

инструменты⁸⁷. Исследователь Дж. Макнамара, утверждает, что связи с общественностью (PR) имеют возможность вовлечь в развитие публичной дипломатии или «новой дипломатии» так же, как и заимствовать концепции и принципы публичной дипломатии и новой дипломатии в междисциплинарный подход⁸⁸. Многие исследователи в том числе Дж. Макнамара, К. Айхан⁸⁹, Е. Гилбоа придерживаются подхода, что изучение публичной дипломатии носит междисциплинарный характер.

На сегодняшний день публичная дипломатия использует различные средства информационного влияния как на государственном уровне, так с привлечением третьего сектора с целью оказания косвенного воздействия на общественную аудиторию за пределами государства, принятия внешнеполитических решений и реализации программ по улучшению имиджа государства за рубежом.

Профессор МГИМО МИД России М.М. Лебедева выделяет официальный и неофициальный каналы воздействия, значимые для понимания публичной дипломатии в рамках государственной внешней политики.

В первом случае речь идет об воздействии, осуществляемом по официальным каналам или формальными институтами, т.е. путем выступлений официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях и т.п. Тогда как неофициальное воздействие публичной дипломатии организуется с привлечением институтов гражданского общества, а именно через неправительственные организации, фонды, женские и молодежные организации, вузы и т.д.⁹⁰ Отечественный автор М.И. Бережная подчеркивает роль неофициальных институтов в продвижении публичной дипломатии, таких как международный молодежный и научный обмен, создание информационных программ, активное

⁸⁷ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P.57.

⁸⁸ Macnamara J. Corporate and organizational diplomacy: an alternative paradigm to PR // Journal of Communication Management. – 2012. – Vol.16. – No. 3. – P. 322.

⁸⁹ Ayhan K.J. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy // International Studies Review. – 2018. – Vol.20. – Issue 3. – P. 539.

⁹⁰Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты //Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.27.

представление миру выдающихся ценностей своей культуры⁹¹. Несмотря на то, что государственная политика представляет собой целенаправленную деятельность национальных правительств по подготовке и исполнению набора политических решений, выражающую всеобщие интересы населения (или граждан в целом), исследователи В.А. Ачкасов, С.А. Ланцов, упоминают и про самостоятельную роль внутригосударственных групп как субъектов международных отношений, действующих независимо от правительствующих структур⁹².

В современной мировой политике все больше возрастает роль и влияние неправительственных организаций, которые заинтересованы не только в популяризации языка и культуры, но и продвижении программ публичной дипломатии за рубежом. Тем не менее, зарубежный исследователь К. Айхан утверждает, что большинство исследователей публичной дипломатии не указывают точно, какие действия негосударственных акторов следует классифицировать как относящихся к публичной дипломатии и / или какие негосударственные акторы могут быть отнесены к категории как акторы публичной дипломатии. Таким образом, исследователь поднимает проблему отсутствия согласия минимального определения публичной дипломатии и ее границ, имеющее академическое и практическое значение⁹³.

Обратившись к официальным документам, можно обнаружить, что российская интерпретация мягкой силы может быть охарактеризована как *инструменталистская, прагматичная и ориентированная на интересы*⁹⁴. Согласно Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. под «мягкой силой», понимается использование для решения внешнеполитических задач таких инструментов как гражданское общество, информационно-коммуникационные,

⁹¹ Бережная М.И., Щегорцов В.А. Публичная дипломатия как тренд мирового глобального развития // Экономика и политика. – 2014. – № 1(2). – С. 23.

⁹² Мировая политика и международные отношения: Учебник / В.А. Ачкасов, С.А. Ланцов. – М: Аспект Пресс, 2011. – С.74.

⁹³ Ayhan K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives // International Studies Perspectives. – 2019. – Vol. 20. – Issue 1. – P.67.

⁹⁴ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.28.

гуманитарные и другие методы и технологии, в дополнении к традиционным дипломатическим методам⁹⁵. Следовательно, с точки зрения российского подхода под «мягкой силой» понимается комплекс инструментов и методов с акцентом на информационные технологии и участие гражданского общества во взаимодополнении с методами классической межгосударственной дипломатии⁹⁶.

На сегодняшний день в рамках отечественного подхода в науке присутствует дискуссия по поводу определения и цели «мягкой силы», а, следовательно, и публичной дипломатии. Часть политических деятелей считает, что необходимо делать упор на продвижении русского языка и поддержки соотечественников⁹⁷. Многие ученые предпочитают изучать стратегию российской «мягкой силы» через призму различных концепций политической коммуникации, включая имиджмейкинг, политический брендинг и связи с общественностью (PR).⁹⁸ По мнению исследователей А. Сергунина, Л. Карабешкина, отсутствие четко определенной терминологии и использование пересекающихся понятий – еще одна примечательная особенность российской науки о «мягкой силе». В целях достижения дальнейшего теоретического прогресса, главной задачей для российского академического сообщества является разработка своего концептуального аппарата и достижение консенсуса по основным терминам, связанных с «мягкосиловой» проблематикой⁹⁹.

Российские теоретики полагают, что есть экономические измерения «мягкой силы», хотя они могут также эффективно служить в качестве инструментов «жесткой силы» или агрессивной политики¹⁰⁰. Речь идет, в том числе, и о развитии российской экономической и энергетической дипломатии по всему миру, включая

⁹⁵ Концепция внешней политики РФ [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – 2016. – Гл. 2. – Ст. 9. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 21.04.2022).

⁹⁶ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.28.

⁹⁷ Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т.7. – № 2. – С. 137.

⁹⁸ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.28.

⁹⁹ Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. – 2015. – Vol.35. – Issue 3-4. – P. 359.

¹⁰⁰ Там же. – P. 353.

и латиноамериканские страны. Об важности энергетического фактора во внешней политике России в целях обеспечения интересов российских компаний и масс-медиа, на примере Венесуэлы, подчеркивают в своих исследованиях Д.М. Розенталь¹⁰¹, В.Л. Хейфец¹⁰², В. Рувинский¹⁰³. В своих исследованиях, С. Бланк рассматривает Венесуэлу в качестве стратегической платформы в целях обеспечения интересов российских энергетических и экономических компаний по всему региону Латинской Америки¹⁰⁴. Одним из механизмов обеспечения интересов экономического направления российской публичной дипломатии является проведение Петербургского международного экономического форума, где принимают участие многие латиноамериканские страны. Таким образом, в целях обеспечения интересов своих энергетических компаний и привлекательности внешней политики за рубежом, Россия стремится задействовать механизмы и инструменты публичной дипломатии.

Не вызывает сомнений, что несмотря на ряд общих черт и универсальность, «мягкая сила» и «публичная дипломатия» обладают национальной спецификой.

Обратившись к работам современных исследователей публичной дипломатии, можно заметить, что особенностью американской системы публичной дипломатии является ее тесная связь с национальными интересами и национальной безопасностью, включающая два компонента – привлечение союзников (в основном посредством образовательных и культурных программ) и противодействие угрозам (экстремизму и зарубежной пропаганде, прежде всего российской), при помощи стратегических коммуникаций¹⁰⁵. Под стратегическими

¹⁰¹ Розенталь. Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы //Латинская Америка. – 2018. – №10. – С. 49-60.

¹⁰² Rozental D.M., Jefefts V.L. Venezuela's Foreign Policy in the Situation of Instability// Iberoamerica. – 2018. –No.4. – P. 53-76.

¹⁰³ Rouvinski V. Russia's Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update [Электронный ресурс]. – 16 п. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%E2%80%99s%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁰⁴ Blank S.J. Russia is meddling in Latin America, too [Электронный ресурс] // The Hill. – 20.11.2017.URL: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (дата обращения: 03.05.2022).

¹⁰⁵ Великая А.А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С.169.

коммуникациями понимается вид информационного воздействия, подразумевающий не только акцент на вовлечение целевой аудитории, сколько, точечное донесение международной позиции США до специфических групп и осуществление контрпропаганды в ответ на выступления оппонентов (в роли таковых в зависимости от ситуации могут выступать исламистские террористы, Иран, Россия, Китай)¹⁰⁶. В работах Н.А. Цветковой подчеркивается, что американская публичная дипломатия активно сочетает в себе «мягкую силу» и «умную силу»¹⁰⁷. В концептуальной основе американской публичной дипломатии лежит и продвижение либеральных ценностей, что сближает американскую систему с публичной дипломатией ЕС. Стратегическое планирование и деятельность по продвижению американской публичной дипломатии осуществляется сложившейся системой институтов, которая включает: Государственный департамент, Совецательную комиссию по публичной дипломатии и Советом управляющих по вопросам вещания¹⁰⁸, а также Агентство США по международному развитию (USAID), Корпус мира (PeaceCorps), включая ряд аналитических центров, исследовательских институтов и неправительственных организаций¹⁰⁹.

Исследуя институциональное развитие публичной дипломатии в Европейском Союзе можно выделить, как минимум, два основных этапа: период до принятия Лиссабонского договора (1997) и после. Период до Лиссабонского договора ЕС демонстрирует функционирование публичной дипломатии через сложную структуру внешних отношений ЕС (разделенную на три столпа), а также стойкий вестфальский характер дипломатии¹¹⁰. Развитие Европейского Союза после принятия Лиссабонского договора (2007) утвердило создание Европейской службы внешних действий (ЕВСД), где тем не менее отсутствует специальный

¹⁰⁶ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США // Международные процессы. – 2015. – Т.13. – № 3. – С. 121-122.

¹⁰⁷ Там же. – С. 121-124.

¹⁰⁸ Великая А. А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С.173.

¹⁰⁹ Там же. – С.178-179.

¹¹⁰ Ngadhnjim B., Nuhiu M. F. European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina // European Journal of Social Science Education and Research. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

департамент по публичной дипломатии. Зарубежный исследователь С. Дюк подчеркивает весьма децентрализованный характер нынешней внешней публичной дипломатии ЕС¹¹¹. Тем не менее, профессор МГИМО МИД России М.М. Лебедева упоминает про службу «Инструменты внешней политики», которая продвигает публичную дипломатию ЕС с помощью аудиовизуальных средств, интернет-сайтов, печатной продукции, а также путем других средств коммуникации и информационных инициатив¹¹². В целом принятие Лиссабонского договора стало предпосылкой для развития публичной дипломатии ЕС, в основе действий которой лежит культура для укрепления позиции ЕС как глобального игрока¹¹³. Согласно Лиссабонскому договору, ЕСВС отвечает за работу представительств и офисов ЕС по всему миру. На сегодняшний день ЕС представлен примерно 140 представительствами и офисами по всему миру¹¹⁴. Делегация ЕС имеет статус дипломатической миссии, направленной в целом на повышение значимости, продвижение интересов и ценностей ЕС в стране базирования. Делегации несут ответственность за все области политики отношений между ЕС и принимающей страной будь то политические, экономические, торговые или права человека, а также за построение отношений с партнерами в гражданском обществе. Роль делегаций в публичной дипломатии, заключается в повышении видимости, осведомленности и понимания ЕС¹¹⁵. Публичная дипломатия стремится продвигать интересы ЕС путем понимания, информирования и влияния. Это означает четкое разъяснение целей и политической деятельности ЕС и содействие пониманию этих целей посредством диалога с отдельными гражданами, группами, учреждениями и

¹¹¹Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy [Электронный ресурс] // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael' and Antwerp University, Belgium. – 2013. – No.127. – P. 113-136. URL:

https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_71917/fajlovi/EU%20i%20javna%20diplomacija.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

¹¹² Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С.73-74.

¹¹³ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.80.

¹¹⁴ EU delegations [Электронный ресурс] // Website of the European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/eu-delegations_en (дата обращения: 15.04.2022).

¹¹⁵About the European External Action Service [Электронный ресурс] // European External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/about-european-external-action-service_en#8419 (дата обращения: 15.04.2022).

СМИ¹¹⁶. Тем не менее ЕС проигрывает по таким показателям, как интеграция беженцев и защита меньшинств, искоренение нищеты и сокращение неравенства доходов¹¹⁷. Следовательно, специфика публичной дипломатии ЕС заключается в продвижении европейских ценностей (таких, например, как свобода выражения мнений¹¹⁸). Также, на наш взгляд, в качестве основного можно выделить продвижение модели европейской интеграции (схема Б. Балашша) по всему миру в качестве примера для подражания.

Несколько иное понимание публичной дипломатии и ее институтов сформировалось в Китайской Народной республике. Особенностью публичной дипломатии Китая является упор на подход культурного обмена или развития культурной дипломатии, а не на подход медийной дипломатии в американском стиле. Во многом это связано с тем, что китайская культура высокоразвита¹¹⁹ и широко продвигается своим государством, а тоже самое время СМИ Китая еще 15-20 лет назад не были так интегрированы в глобальном масштабе. В настоящий момент ситуация меняется, в том числе – за счёт появления платформ (например, ТикТок) и др. Кроме того, понятие *power* («сила») в западном и китайском подходах полностью различны. Традиционное понимание силы Китая, что сила исходит из морали и мораль исходит из природы, рассматривая «весь мир как одна семья»¹²⁰, в основе которого лежит принцип гармонии¹²¹. Тогда как западный политический дискурс исходит из проблемы идентичности, принципе расщепления, исследовании «своих» и «других»¹²². С точки зрения интерпретации термина публичная дипломатия в китайских публикациях, часто используются еще два термина: «народная дипломатия» (*people-to-people diplomacy*) и

¹¹⁶ Ngadhnjim B., Nuhiu M. F. European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina // European Journal of Social Science Education and Research. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

¹¹⁷ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.84.

¹¹⁸ Там же. – С.81.

¹¹⁹ Wang Y. “Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power”// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 259.

¹²⁰ Там же. – P.262.

¹²¹ Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.25.

¹²² Wang Y. “Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power”// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 262.

«неправительственная дипломатия» (*non-governmental diplomacy*)¹²³. Исследователь И. Ван подчеркивает, что в Китае не существует единого органа публичной дипломатии и эквивалента заместителю государственного секретаря США по общественной дипломатии и связям с общественностью¹²⁴. Китайская система публичной дипломатии имеет сложную структуру, состоящую из различных департаментов и отделов¹²⁵. Основными действующими лицами публичной дипломатии Китая, исследователь Ф. Хартиг, выделяет Управление внешней рекламы Коммунистической партии, организация при Центральном отделе рекламы Коммунистической партии и Информационное бюро Государственного совета (SCIO)¹²⁶. Кроме того, в сфере реализации публичной дипломатии отмечаются такие важнейшие органы как Информационный отдел Министерства иностранных дел Китая, а в 2004 году Министерство иностранных дел создало Отдел публичной дипломатии (*Gonggong Waijiao Chu*) при своем Информационном управлении, а в конце 2009 года преобразовало его в Управление публичной дипломатии (*Gonggong Waijiao Bangongshi*), что было воспринято как признак растущего значения публичной дипломатии. Однако, реальную роль по интерпретации политики и предложениях внешнему миру Китая осуществляет Консультативный комитет по публичной дипломатии при МИДе Китая, в то время как вышеотмеченные структуры больше ответственные за реализацию публичной дипломатии внутри страны¹²⁷.

В настоящее время среди отечественных исследователей преобладает расширительное толкование концепции «мягкой силы», ключевыми компонентами которой выступает не только инновационный характер экономики¹²⁸, но и интерес иностранных граждан к национальной системе образования (в первую очередь

¹²³ Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.58.

¹²⁴ Wang Y. “Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power”// *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 260.

¹²⁵ Там же. – P. 264.

¹²⁶ Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.85.

¹²⁷ Там же. – P.86.

¹²⁸ Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского государственного университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №1. – С. 170.

высшего)¹²⁹. Такая точка зрения базируется, в том числе, и на изучении советского периода: за время существования СССР был накоплен значительный опыт по обучению иностранных студентов, а именно в области подготовки национальных кадров специалистов¹³⁰, в том числе и для стран Латинской Америки, Африки, что способствовало формированию элит, ориентированных на коммуникацию с советским государством. К примеру, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (с 90-х годов Российский университет дружбы народов) с 1965 г. (первый выпуск студентов) до начала 90-х годов закончили более 3 тыс. молодых латиноамериканцев. Большое число латиноамериканистов получило образование во многих советских городах и вузах. Больше всего латиноамериканистов-студентов обучалось в Советском Союзе из Кубы, Перу, Мексике¹³¹. Тем не менее общая статистика обучения иностранных студентов в СССР в период с 1949 по 1991 год, показала, что молодые латиноамериканисты занимали далеко не ведущие позиции. Среди иностранных студентов в СССР преобладали учащиеся из восточноевропейских и балканских стран (33,2%). Большими были диаспоры из стран Средней Азии (26,7%), Ближнего Востока и Северной Африки (12,5%), тогда как Африки к югу от Сахары (12,6%), а студенты из Латинской Америки составляли всего (11,8%)¹³². И неслучайно в настоящий момент перед Россией стоит важная задача повышать конкурентоспособность своей национальной системы высшего образования не только на постсоветском пространстве, но и расширять программы академического обмена по всему миру.

Таким образом, по сравнению с американской и европейской публичной дипломатией в России сложились свои традиции и понимание публичной дипломатии, заложенные еще в советскую эпоху с акцентом прежде всего на общественную (народную) дипломатию. В Советском Союзе широко применялся

¹²⁹ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.28-29.

¹³⁰ Сизоненко А.И. Отношения СССР со странами Латинской Америки в 1945 – 1991 годах // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинко (ред.), М.В. Кирчанова (сост.). – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – С. 6.

¹³¹ Там же.

¹³² Как иностранцы учились в СССР и в России [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». – 24.04.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2715297> (дата обращения: 28.07.2022).

термин «народная дипломатия», который подразумевал идеологически выверенные контакты рядовых граждан и общественных организаций для выстраивания международного сотрудничества. До сих пор этот термин применяется Россотрудничеством для описания деятельности агентства¹³³.

Тем не менее, среди отечественных исследователей встречаются и убежденные критики данного направления. Так, к примеру, Н.В. Бурлиновой, признается факт не структурированности в работе российской народной дипломатии, что позволяет ей делать выводы о фактическом отсутствии выстроенной системы публичной дипломатии. Кроме того, автором подчеркивается низкая эффективность общественных инициатив за пределами политической сферы на международной арене¹³⁴.

Обратившись к анализу научной литературы, можно сделать выводы о том, что наряду с образованием, культурная составляющая публичной дипломатии России много десятилетий формировалась на основе привлекательности российской «высокой» культуры, к примеру, как практика проведения ежегодных театральных фестивалей в соседних странах и по всему миру¹³⁵.

В отличие от американской системы, российская публичная дипломатия не воспринимается как система институтов, но определяется как одно из направлений работы наряду с культурно-гуманитарным сотрудничеством, общественной дипломатией стратегическими коммуникациями; и касается прежде всего конкретных целевых аудиторий: представителей политических и деловых элит, медиасообщества, гражданского сектора, молодых лидеров, экспертов. Таким образом, публичная дипломатия, действующая в политических

¹³³ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy// Politics. – 2015. – Vol.35. – Issue 3-4. – P. 354.

(внешнеполитических) целях, направлена на коммуникацию (взаимодействие) с зарубежными общественными группами¹³⁶.

Термин “*public diplomacy*” переводится на русский язык как «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия». ¹³⁷ Несмотря на близкое сходство, между этими синонимами существуют различия. Публичная дипломатия ориентирована на экспертную аудиторию и представляет собой второй уровень сотрудничества после классической, межправительственной дипломатии.¹³⁸ Инициативы публичной дипломатии в отличие от общественной, нацелены на достижение политических (внешнеполитических) результатов¹³⁹. О.В. Лебедева, А.Н. Панова подчеркивают, что публичная дипломатия ориентирована больше на межличностные отношения, а также на формирования мер доверия¹⁴⁰. В этой связи, в публичной дипломатии немаловажную роль играет психологический фактор, а именно глубокое знание ценностей и установок партнёра, осознание национальных интересов другой стороны, нахождение точек соприкосновения – то есть область общих интересов¹⁴¹.

Заменив близкий по смыслу термин «народная дипломатия» в настоящее время в России получил распространение термин «общественная дипломатия», который рассматривается как отдельное направление публичной дипломатии. Определение «общественная» будет переводиться на другие языки и как социальная, и как гражданская, и как народная. Американская система публичной

¹³⁶ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

¹³⁷ Там же. – С. 5.

¹³⁸ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты //Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.27.

¹³⁹ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁴⁰ Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / Под.ред. А.Н. Панова и О.В. Лебедевой. – М: Издательство «Аспект Пресс, 2018. – С.33.

¹⁴¹ Там же.

дипломатии включает в себя проекты общественной дипломатии. В первую очередь, общественная дипломатия стремится продвигать программы в культурной, научной и гуманитарной областях, и связана с таким термином как «гуманитарное сотрудничество»¹⁴². Российский эксперт А.А. Великая, отмечает, что целевой аудиторией общественной дипломатии являются представители гражданского общества, творческой интеллигенцией, молодые лидеры. В качестве примера, можно привести культурные форумы стран-участниц СНГ¹⁴³.

В зависимости от целей и задач внешней политики государства можно выделить наиболее известные разновидности публичной дипломатии, как например, «культурная дипломатия», «экономическая дипломатия», «научная дипломатия», «экспертная дипломатия» и.т.д. Тем не менее, важно понимать, что данные разновидности не могут заменить понятие «публичная дипломатия» и их применение продиктовано конкретным случаем.

В качестве подвидов публичной дипломатии Н.В. Бурлинова выделяет следующие направления: работа с соотечественниками, тематика сохранения исторической правды и политика противодействия фальсификации истории в международном общественном пространстве, внешние зарубежные связи Русской Православной Церкви, международное сотрудничество регионов и городов-побратимов. В России выделяется парламентская дипломатия, молодежное сотрудничество, сотрудничество по линии обществ дружбы и иных объединений, а также различные форматы культурного и языкового сотрудничества¹⁴⁴.

¹⁴² Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁴³ Великая А.А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. – 2016. – №2. – С.155.

¹⁴⁴ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – С.12. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

Среди разновидностей публичной дипломатии наибольшую популярность и распространение получила *культурная дипломатия*. Зарубежный исследователь Милтон К. Каммингс определяет понятие культурной дипломатии в целом как «обмен идеями, информацией, ценностями, системами, традициями, верованиями и другими аспектами культуры с намерением способствовать взаимопониманию»¹⁴⁵. Как отмечает Ф. Хартиг для осуществления культурной дипломатии у государства есть различные инструменты, в том числе использование искусства, спорта, музыки, образовательных обменов, книжных программ и выставок. Тем не менее, одним из основных секторов культурной дипломатии является продвижение языка¹⁴⁶. Отношения, возникающие в результате участия в культурных мероприятиях, создают сферу диалога, необходимого для достижения «взаимовыгодных» эффектов. В некоторых странах, например, в Германии, культурная дипломатия играет важную роль в предотвращении конфликтов, уделяя особое внимание средствам массовой информации, образованию, культурному обмену и диалогу с иностранными заинтересованными сторонами¹⁴⁷. Исследование, проведенное Берлинским институтом культурной дипломатии, выявило ряд форм культурной дипломатии, используемых разными группами для разных целей:

- (1) поддерживаемая государством культурная дипломатия, которая часто используется правительствами для прямых политических целей;
- (2) независимые или полунезависимые институты культурной дипломатии, такие как Британский Совет и Институт Гёте, которые проводят информационный и биржевой подходы к продвижению национальной культуры;

¹⁴⁵ Pan S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No. 1 – P. 24.

¹⁴⁶ Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.42.

¹⁴⁷ Оciepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies // European Journal of Communication. – 2018. – Vol. 33. – Issue 3. – P 297.

и (3) потенциальная культурная дипломатия, направляемая академическими учреждениями или отдельными художниками, учеными или профессионалами, участвующих в академических обменах и сотрудничестве¹⁴⁸.

С этой точки зрения, зарубежный исследователь С. Пан рассматривает китайский проект Института Конфуция как форму культурной дипломатии, предназначенную для облегчения экономических связей, культурного диалога и политического доверия между Китаем и остальным миром¹⁴⁹.

В качестве важнейших партнеров в реализации «мягкой силы» Европейский Союз (ЕС) признает культурные ассоциации и организации сотрудничества. В декларации ЕС подчеркивается готовность к диалогу с гражданским обществом в рамках Ассоциации дружбы, НПО, профсоюзов и пр. Так, вопросами продвижения публичной дипломатии ЕС в области культуры и ценностей занимается Европейский парламент¹⁵⁰. В ЕС издается ряд документов, положения которых направлены на продвижение, в первую очередь, культурной дипломатии, например, Стратегия ЕС в области международных культурных отношений (2016)¹⁵¹.

В качестве эффективного инструмента продвижения публичной дипломатии в Латинской Америке выступают Региональные программы ЕС в области оказания помощи Латинской Америке в решении оставшихся проблем (например, социально-экономическое неравенство)¹⁵². Тем не менее исследователь М. Стоиан выделяет следующие очевидные слабые места пространства ЕС-ЛАК, а именно недостаток связей и инициатив гражданского общества, наличие межрегиональных

¹⁴⁸ Pan S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No. 1. – P. 24.

¹⁴⁹ Там же. – P. 25.

¹⁵⁰ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 79.

¹⁵¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. Towards an EU strategy for international cultural relations [Электронный ресурс] // Access to the European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN> (дата обращения: 24.08.2021).

¹⁵² Там же.

и экстра-региональных экономических асимметрий, отсутствие у большинства стран ЛАК жизнеспособной модели бизнеса¹⁵³.

Особенностью публичной дипломатии ЕС является применение его важнейшего компонента – *культурной дипломатии* во внешней политике, являясь существенным инструментом для продвижения социальных и экономических благ как внутри ЕС, так и за его пределами¹⁵⁴. В основе культурной дипломатии ЕС была положена Конвенция ООН об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005), определившая принятие документа «Европейская повестка дня для культуры в глобализирующемся мире» (2007), утверждающая культурное измерение неотъемлемым элементом политики ЕС¹⁵⁵.

В целом культурную дипломатию можно определить, как основную составляющую публичной дипломатии, которая проявляется в информировании международной общественности, поддержании и развитии контактов с другими народами в сфере образования и культуры, нацеленной на создание привлекательного образа страны за рубежом¹⁵⁶. Одним из важнейших приоритетов внешней политики и элементом культурной дипломатии по праву являются меры поддержки соотечественников за рубежом, защита их прав и интересов в стране пребывания¹⁵⁷.

Экономическая дипломатия предполагает использование странами инструментов «мягкой силы» одновременно привлекая прямые иностранные инвестиции. Экономизация внешней политики поддержала слияние многих инструментов экономики и публичной дипломатии, а также публичной

¹⁵³ Stoian M. “The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America” // Review of International Comparative Management. Bucharest. – 2021. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 344-345.

¹⁵⁴ Там же. – P. 340.

¹⁵⁵ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.80.

¹⁵⁶ Цвык Г. И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 136.

¹⁵⁷ Лебедева О. В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. – 2016. – № 9. – С. 77.

дипломатии и связей с общественностью¹⁵⁸. С позиции А.А. Великой, экономическое измерение российской публичной дипломатии ставит целью создания условий для привлечения иностранных инвесторов и продвижения российских брендов за рубежом¹⁵⁹. В этом контексте основными структурами по продвижению российской экономической дипломатии является деятельность Российского фонда прямых инвестиций, мероприятия, проводимые Росконгрессом, в том числе региональные экономические форумы, созданные для работы с иностранными инвесторами (к примеру, Дальневосточный, Красноярский, Санкт-Петербургский, Сочинский)¹⁶⁰.

На сегодняшний день в международном сообществе повышается роль экспертного направления публичной дипломатии. Экспертная дипломатия – одно из направлений публичной дипломатии, в которое вовлечены исследовательские институты (think tanks) и индивидуальные эксперты. Представители экспертной дипломатии отвечают за налаживание диалога с зарубежными целевыми группами (главным образом, с экспертами) по линии внешней политики, экономики, безопасности¹⁶¹. В России за продвижение экспертной дипломатии отвечают российские аналитические и исследовательские центры, напрямую взаимодействующие с экспертным сообществом внутри страны и за её пределами. По состоянию на 2020 г. среди высоких показателей в международных рейтингах занимают и российские think tanks как Московский центр Карнеги, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), и Московский

¹⁵⁸ Осиепка В. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies // *European Journal of Communication*. – 2018. – Vol. 33. – Issue: 3. – P. 298.

¹⁵⁹ Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль и развитии двустороннего диалог // *Вестник СПбГУ. Международные отношения*. – 2019. – Т. 12. – Вып. 4. – С.502.

¹⁶⁰ Там же. – С.503.

¹⁶¹ Бурлинова Н.В. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2021. – С.14. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России)¹⁶². С этой точки зрения нельзя согласиться с тем, что Московский центр Каргеги относится в полной мере к российским think tanks.

Наряду с экспертной дипломатии отечественными и зарубежными исследователями выделяется и научная дипломатия.

В 2010 г. Американская ассоциация содействия развитию науки (в 2008 г. учредившая Центр научной дипломатии) и Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе сформулировали три основных направления научной дипломатии:

- «Наука в дипломатии» – помощь науки (пониманию и) достижению внешнеполитических целей;
- «Дипломатия для науки» – дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству;
- «Наука для дипломатии» – использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений¹⁶³.

В настоящий момент существует два основных теоретических подхода к определению научной дипломатии в системе публичной дипломатии. С одной стороны, научная дипломатия как рассматривается подвид культурной (публичной) дипломатии, который широко распространен во Франции и является выражением ее исключительности. С другой стороны, научная дипломатия сохраняет большую автономность от публичной, что характерно для США и Великобритании¹⁶⁴.

¹⁶² Бурлинова Н.В. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2021. – С.14. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁶³ Литвак Н.В. Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах: философский и социополитические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология История. Международные отношения». – 2020. – №1. – С.101.

¹⁶⁴ Гутенёв М.Ю. Научная дипломатия как инструмент внешнеполитических целей // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 6. – С.120.

Российский исследователь М.Ю. Гутенёв определяет научную дипломатию как преднамеренную международную деятельность государства через подконтрольные научные организации и фонды с целью укрепления взаимодействия с другими странами, оказания на них информационного воздействия и продвижения своих интересов на международной арене¹⁶⁵. Сравнительный анализ публичной дипломатии США, ЕС, России и Китая выявил, что каждому актору присущи свои особенности структуры институтов и стратегических направлений публичной дипломатии. При изучении публичной дипломатии зарубежными и отечественными исследователями поднимается методологическая проблема измерения и исчисления объема «мягкой силы» различных государств. В рамках настоящего исследования **публичная дипломатия государства** понимается, как *коммуникационный инструмент* осуществления государственной внешней политики, который развивает и использует «мягкую силу». Таким образом, речь идет о развитии коммуникационных способностей государства (или иного субъекта международных отношений, например, союза). На сегодняшний день существует также и некоторая расплывчатость концептуального понимания термина «мягкая сила», а, следовательно, – и проблема границ и интерпретации публичной дипломатии, что приводит к отождествлению понятий.

Исследованный в данной части работы зарубежный опыт в сфере публичной дипломатии позволяет утверждать, что феномен публичной дипломатии является инструментом «мягкой силы», используемый как официальными, так и неофициальными институтами, частными лицами, направленный на продвижения привлекательности внешней политики и модели развития государства или актора международных отношений.

В контексте происходящих в настоящий момент изменений в системе международных отношений Россия нуждается в целенаправленном выстраивании

¹⁶⁵ Гутенёв М.Ю. Научная дипломатия как инструмент внешнеполитических целей // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 6. – С.125.

комплексной системы инструментов и разработке технологий публичной дипломатии для повышения ее эффективности и развития коммуникативных способностей нашего государства.

1.2. Трансформация публичной дипломатии в цифровую эпоху и возрастание значения латиноамериканского направления

Одной из интересных и перспективных тем в рамках изучения современной публичной дипломатии является интенсификация внедрения цифровых технологий и цифровая трансформация публичной дипломатии, триггером которой явилась пандемия COVID-19 и режим изоляции. Так, в узком смысле цифровая дипломатия является практической деятельностью, нацеленной на использование веб и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для реализации дипломатических задач¹⁶⁶. С другой стороны, цифровая дипломатия как элемент публичной дипломатии является важной составляющей «мягкой силы» мировых держав¹⁶⁷. В этом смысле, «цифровая» версия публичная дипломатия преследует более широкие цели, нежели классическая публичная дипломатия¹⁶⁸. Таким образом, в широком значении цифровая публичная дипломатия выступает универсальной формой по отношению к её разновидностям¹⁶⁹. Трансформацию публичной дипломатии в цифровую эпоху можно представить следующими этапами: 1) появление электронного правительства; 2) появление и развитие социальных сетей; 3) вынужденная цифровизация, вызванная режимом изоляции COVID-19.

Процесс глобализации ускорил развитие информационно-коммуникационных технологий в государствах, став фактором для создания электронного правительства. Современное общество, характеризующейся сетевым

¹⁶⁶ Пермякова Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – 27.09.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrumen/> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁶⁷ Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – 16.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁶⁸ Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2012. – Вып. 4. – С.123.

характером, все активнее использует цифровые средства социального взаимодействия (мессенджеры, социальные сети, блоки). Данный процесс коренным образом затронул и сферу государственного управления. В этой связи, под *цифровизацией государственного управления* понимается процесс трансформации культуры, организации и взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом посредством использования новых цифровых технологий (большие данные, интернет, искусственный интеллект)¹⁷⁰. Власть в сетевой форме позволяет участникам создавать союзы в зависимости от поставленной проблемы или задачи, распределять функции управления внутри сети.

Несмотря на то, сетевые взаимодействия на основе цифровых технологий вызывают повешенный интерес в качестве самостоятельного научного направления, однако, до сих пор нет целостного видения природы цифровых технологий как социотехнической системы¹⁷¹. Тем не менее, на сегодняшний день одним из значимых инструментов государственного управления становится активное использование именно цифровой публичной дипломатии и её инструментов как социальных сетей, блогов и цифровых платформ.

Понятие "*digital diplomacy*" («цифровая дипломатия») было впервые упомянуто в 2010 г., вследствие подготовки Госдепартаментом США документа под названием «Стратегический план развития информационных технологий в 2011-2013 годах: цифровая дипломатия»¹⁷². В этом же документе приведены основные цели «цифровой дипломатии», среди которых можно отметить использование социальных сетей и других подобных инструментов для представления американских ценностей и взглядов, а также использование социальной сети как Facebook («Фейсбук»)* для обращения к зарубежной

¹⁷⁰ Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Коллективная монография. Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. – С.23-24.

¹⁷¹ Там же. – С.12.

¹⁷² Леонов Е. Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях Covid-19 // Международная жизнь. – 2021. – № 1. – С. 20.

* Социальная сеть Facebook официально заблокирована на территории РФ.

аудитории и правительствам¹⁷³. В это же время возникли и другие термины “twiplomacy” и «твиттер-революция», что по мнению российского политолога, Е. Леонова, связано с ускоренным развитием информационно-коммуникационных технологий и популяризацией социальных сетей¹⁷⁴. Профессор Школы коммуникаций Американского университета (США), П. Доши, к инструментам цифровой дипломатии относит любые доступные ресурсы сети Интернет, в том числе web-сайты и блоги¹⁷⁵. Отечественный исследователь МГИМО МИД России О.В. Лебедева выделила сильные стороны технологии цифровой дипломатии, как возможность каждого желающего публично высказывать свое мнение по отношению к тому или иному политическому событию, связываться напрямую с первыми лицами государства, в числе одним из первых узнавать важнейшие внешнеполитические события¹⁷⁶. Благодаря использованию цифровой дипломатии во внешней политике через «мягкую силу» государство может добиваться распространения своих интересов в мире¹⁷⁷. Таким образом, цифровая дипломатия направлена на продвижение имиджа и внешней политики государства с помощью информационных инструментов, социальных сетей с целью оказания влияния на гражданское общество как в конкретных странах, так и на мировой арене.

В период с 2009-2010 гг. правительства таких стран США, Россия, Франция, Германия, Китай и Иран стали активно использовать потенциал цифровой дипломатию для оказания влияния на пользователей социальных сетей. Речь идет о создании данными странами официальных аккаунтов на платформах Facebook, Twitter («Твиттер»)*, YouTube («Ютуб») и др. Этот процесс совпал с запуском

¹⁷³ Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2012. – Вып. 4. – С.124.

¹⁷⁴ Леонов Е. Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях Covid-19 // Международная жизнь. – 2021. – № 1. – С.20.

¹⁷⁵ Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – 16.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁷⁶ Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. – 2019. – №5. – С.107.

¹⁷⁷ Там же. – С.104.

* Социальные сети Facebook и Twitter официально заблокированы на территории РФ.

первых цифровых каналов вещания в социальных сетях таких международных медийных компаний, как Voice of America, Russia Today и Press TV¹⁷⁸.

Историческое становление и развитие цифровой дипломатии подразумевает несколько этапов:

I этап (2009-2012). Основной целью цифровой дипломатии было продвижение позитивного образа государства, на основе концепции «мягкой силы» привлекалась целевая аудитория при помощи убеждения, диалога. Развитие данного периода цифровой дипломатии связано с такими понятиями как твиттер-революция, твипломаси (twiplomacy) и др.¹⁷⁹

II этап (2013-2017). В время данного периода происходит усложнение цифровой дипломатии на основе сочетания стратегий «мягкой силы» и «острой силы» и реализацией ее практического применения во внешней политике государств, аккумулирующего как позитивный, так и негативный эффект. Во время данного периода появились методы анализа поведения пользователей социальных сетей, что сделало цифровую дипломатию крайне эффективным средством для проведения политических кампаний, выборов или протестных акций. Во внешней политике государств стала активно использоваться пропаганда и информационные кампании, критикующие другие страны и правительства. В качестве примера, Н.А. Цветкова приводит президентскую избирательную кампанию в США и обвинения России в осуществлении целенаправленной цифровой дипломатии, которая повлияла на исход выборов¹⁸⁰.

III этап (2018-по настоящее время). Возникновение данного этапа связано с новым витком развития цифровой дипломатии. Обработка больших данных и использование искусственного интеллекта для моментальной подготовки эффективных постов и контрмесседжей, формирование убедительных ответов и

¹⁷⁸ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения.» – 2020. – №2. – С. 38-39.

¹⁷⁹ Там же. – С.39.

¹⁸⁰ Там же.

комментарии пользователей, поиска источников дезинформации и «троллей», выявления ключевых и эффективных блогеров и др. трендами 2020-х гг.¹⁸¹

Латиноамериканский опыт показал, что усилия по профессионализации и модернизации дипломатии в регионе совпали с процессом цифровизации, который начал набирать обороты в первом десятилетии 2000-х годов¹⁸². В период 2018-2020 гг. цифровая дипломатия активно использовалась как инструмент влияния во время политических кампаний в некоторых латиноамериканских странах. Например, во время политического кризиса в Венесуэле оппозиция и правительство страны использовало цифровую дипломатию для влияния на общественное мнение¹⁸³. Также широкое применение цифровой дипломатии во внутривнутриполитической кампании было выявлено в Боливии, Бразилии¹⁸⁴. Чилийские исследователи выделяют четырех лидеров трех латиноамериканских стран – Уго Чавеса и Николаса Мадуро в Венесуэле, Эво Моралеса в Боливии и Кристину Фернандес в Аргентине – всех активных пользователей такого цифрового инструмента как Twitter, которые продолжают поддерживать идею использования социальных сетей в качестве эффективного канала связи со своими гражданами¹⁸⁵. Особенностью латиноамериканского региона стало активное использование цифровых технологий в целях облегчения дипломатической практики представителями различных государств региона, где сильно доминирует коммуникация – концепция, являющейся ядром цифровизации дипломатии¹⁸⁶.

В настоящее время большое внимание привлекает концепция «дипломатия больших данных». Данный термин был введен в 2015 г. профессором Тимоти Даем и описывается как развивающийся феномен. Особую популярность данная

¹⁸¹ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения.» – 2020. – №2. – С.45.

¹⁸² Aguirre D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in Latin America: Challenges and opportunities // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P. 5.

¹⁸³ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С. 28.

¹⁸⁴ Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения.» – 2020. – № 4. – С. 29.

¹⁸⁵ Aguirre D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in Latin America: Challenges and opportunities // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P.10.

¹⁸⁶ Там же. – P.16.

концепция приобрела 2016-2017 гг.¹⁸⁷ Под этим термином профессор Н.А. Цветкова определяет, «новый этап развития цифровой дипломатии, комплекс инструментов, содержащий в себе элементы науки данных, социальных науки о данных, социальных наук и международных отношений и предлагающий государствам новые возможности для достижения результатов в вопросах внутренней и внешней политики, дипломатической и консульской службы, кибербезопасности и технологическом прогрессе благодаря результатам больших данных социальных сетей и других интернет-ресурсов»¹⁸⁸. При изучении «дипломатии больших данных» применяется метод сбора данных социальных сетей (mining social media data)¹⁸⁹.

Применительно к США, О.В. Лебедева выделяет следующие компоненты цифровой дипломатии: открытость доступа к Глобальной сети, возможность использовать социальные сети, наличие способов обойти цензуру, популяризация демократических взглядов посредством создания обучающих программ, которые позволяют желающим из государств авторитарного типа работать в сети «Интернет»¹⁹⁰. В то время как ЕС в качестве продвижения своих ценностей и модели развития по всему опирается на активное использование СМИ в сочетании с пропагандой¹⁹¹. ЕСВД действует в тесной координации с внешнеполитическими акторами стран-членов. М.М. Лебедева отмечает, что проекция имиджа ЕС осуществляется как пассивным способом (посредством веб-сайтов, блогов или материалов и результатов исследований), так и активно (в ходе визитов официальных представителей ЕС в страны мира или посольствами ЕС в этих странах)¹⁹².

¹⁸⁷ Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2020. – № 4. – С. 30.

¹⁸⁸ Там же. – С. 40.

¹⁸⁹ Там же. – С. 32.

¹⁹⁰ Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. – 2019. – №5. – С.103.

¹⁹¹ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 81.

¹⁹² Там же. – С.82.

Частичный переход на онлайн-формат вследствие пандемии COVID-19 способствовал развитию цифровой международной коммуникации, цифровой дипломатии, подразумевающей взаимодействие правительств с иностранной общественностью при помощи социальных сетей в Интернете¹⁹³. Исследователь ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Т.Л. Ровинская, отмечает, что вследствие пандемии COVID-19 цифровой фактор оказал влияние на научную жизнь, которая в основном переместилась в виртуальную область: встречи, конференции, круглые столы проводятся в онлайн-формате; усилилась электронная публикационная активность¹⁹⁴. Таким образом, фактор пандемии стал стимулом для дальнейшего всестороннего развития и продвижения возможностей цифрового инструментария публичной дипломатии.

Схожей позиции придерживается российский политолог Е. Леонов, свидетельствуя, что пандемия COVID-19 ускорила процесс глобальной цифровизации, в том числе и таких сферах, как международные отношения, дипломатия и мировая политика. Речь идет о вынужденном или даже принудительном переходе человечества к более активному использованию интернет-платформ, социальных сетей и иных цифровых сервисов¹⁹⁵.

Исследователь Т.Л. Ровинская справедливо отмечает, что пандемия COVID-19 способствует беспрецедентному рывку «цифровизации» всех сфер жизни, «катализирует», начавшуюся ранее «цифровую трансформацию», что будет иметь далекоидущие последствия¹⁹⁶. При этом автор выделяет как положительные эффекты от цифровизации (например, углубление виртуальной коммуникации, виртуализация образования, культуры, спорта, сферы досуга), так и отрицательные

¹⁹³ Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2021. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁹⁴ Ровинская Т.Л. Роль новых цифровых технологий в период кризиса (Пандемия 2019-2021) // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т.65. – № 6. – С.100.

¹⁹⁵ Леонов Е. Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях Covid-19 // Международная жизнь. – 2021. – № 1. – С. 22.

¹⁹⁶ Ровинская Т. Роль новых цифровых технологий в период кризиса (Пандемия 2019-2021) // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т.65 – № 6. – С.96.

как явное усиление «цифрового контроля» над гражданами со стороны государства и заинтересованных групп в большинстве стран мира¹⁹⁷. Вследствие пандемии коронавируса крупнейшие международные и российские мероприятия в сфере публичной дипломатии были отменены или переведены в Zoom или на другие платформы с похожим функционалом. В этой связи экспертом по публичной дипломатии Н.В. Бурлиновой было введено понятие как «Zoom-дипломатия»¹⁹⁸.

В эпоху ковидной реальности цифровая трансформация охватила все направления российской публичной дипломатии, особенностью которой является активное продвижение имиджа и внешней политики государства и ее лиц, используя при этом сайты, аккаунты в социальных сетях, блоги. Таким образом, внешняя политика государств становится более открытой и доступной для желающих высказать свое мнение, получать информацию по тем или иным вопросам. Кроме того, фактор пандемии COVID-19 во многом ускорил процесс перехода вузов, научно-исследовательских учреждений на онлайн-формат, расширив возможность географию его участников и средств коммуникации через интернет-платформы и социальные сети. Потенциал цифрового инструментария активно используется в латиноамериканских странах как во время внутриполитической кампании, так и популярен среди отдельных политических лидеров в качестве эффективного средства коммуникации с гражданским обществом.

Однако, использование цифровых технологий влечет за собой ряд существенных вызовов, в частности утечку персональных данных или тотальный контроль над личностью¹⁹⁹. Таким образом, речь идет об проблеме обеспечения

¹⁹⁷ Ровинская Т.Л. Роль новых цифровых технологий в период кризиса (Пандемия 2019-2021) // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т.65 – № 6. – С.96.

¹⁹⁸ Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2021. – С.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁹⁹ Леонов Е. Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях Covid-19 // Международная жизнь. – 2021. – № 1. – С.22.

полной конфиденциальности пользователей, касаясь вопросов местоположения и передвижения людей, доступа к персональным данным и файлам.

В целом цифровая трансформация в области публичной дипломатии имеет следующие недостатки, в частности, психологически падает восприятия собеседника с точки зрения невербальных контактов (например, мимика, эмоции, жесты). Кроме того, онлайн-средства позволяют собеседникам не видеть друг друга. Все эти факторы снижают эффективность цифровой дипломатии²⁰⁰.

Под воздействием тенденций в мировой политике публичная дипломатия в зависимости от целей и задач внешней политики государства располагает каналами коммуникаций, реализуемых официальными и неофициальными институтами, а также обладает множеством форм и разновидностей. Таким образом, была выявлена схема межгосударственного взаимодействия в области публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы» (табл.2).

Табл. 2.

Схема межгосударственного взаимодействия в области публичной дипломатии²⁰¹

²⁰⁰ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты //Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.30-31.

²⁰¹ Березина Е.К. Схема межгосударственного взаимодействия в области публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы». Составлено автором.

В этом контексте необходимо выявить, как фактор пандемии COVID-19 и обострение кризиса на постсоветском пространстве 2022 г. повлияли на цифровизацию официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки, включая Аргентину.

1.3. Соотношение формальных и неформальных институтов публичной дипломатии России в странах Латинской Америки и особенность аргентинского направления

Россия стремится развивать публичную дипломатию в сфере культуры и образования со своими зарубежными партнерами, повышая роль цифрового и информационного инструментария взаимодействия, вызванного в первую очередь пандемией COVID-19. Как отмечает Ю.Н. Саямов, на глобальном уровне растет роль Латинской Америки в качестве действующей силы в целях реструктуризации мира согласно принципам многополярности, а также участия региона в формировании новой системы международных отношений в контексте

неустойчивости современного мира²⁰². В условиях глобальной трансформации мира, Латинская Америка рассматривается сегодня как один из центров формирующегося многополярного мира, заинтересованный в том числе и в культурных и образовательных программах и обменах.

После распада Советского Союза Россия утратила свое влияние Латинской Америке, в основном сосредоточив свое сотрудничество со странами Европы и США. Высокая степень экономической зависимости от международных структур (МВФ), последствия шоковых реформ в начале 1990-х, либеральные ценностные установки и ориентация элит на сотрудничество со странами Запада определяли и риторику российских дипломатов. Так, к примеру, министр иностранных дел А.В. Козырев (1990-1996 гг.), утверждал, что «у России нет национальных интересов, а есть только общечеловеческие»²⁰³. В своей фразе, обращенной к экс-президенту США Ричарду Никсону, он допускает суждение, которое как нельзя лучше иллюстрирует слабость российской позиции: «...Если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен»²⁰⁴. Это, по сути, означало признание Россией однополярного мира во главе США и приоритет западных либеральных ценностей. Изменения в экономической политике и развитие внутривластной ситуации к 1996 г. отразились и на способности российского государства формулировать и отстаивать национальные интересы в международной политике. По сравнению внешнеполитическим курсом А.В. Козырева, российский министр иностранных дел Е.М. Примаков (1996-1998), твердо заявлял о наличии национальных интересов России без конфронтации, заложив принципы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, формирования концепции многополярности, а именно создание РИК – стратегического "треугольника" Россия - Индия - Китай, таким образом,

²⁰² Sayámov Y.N. América Latina en la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales // Iberoamérica. – 2019. – No. 1. – P. 62.

²⁰³ "Жар птица" Мистера Да: Андрею Козыреву чужды интересы России [Электронный ресурс] // Вести.ру. – 27.10.2019. URL: <https://www.vesti.ru/article/1367726> (дата обращения: 05.04.2019).

²⁰⁴ "Теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях" [Электронный ресурс] // Риа Новости. – 03.04.2011. URL: <https://ria.ru/20110403/360861715.html> (дата обращения: 05.07.2022).

прообраз БРИКС²⁰⁵. В докладе Службы внешней разведки (СВР) Е.М. Примаков подчеркнул, что «Россия не индифферентна в отношении развития событий, которые затрагивают ее интересы. Россия имеет все основания соизмерять ход этих событий с возможными изменениями в геополитической и военной ситуации. Обновленная Россия вправе рассчитывать на учет своего мнения»²⁰⁶. В Указе Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 есть упоминание про обеспечение национальных интересов России в различных сферах²⁰⁷. В период с 1990-2000 гг., Россия отказалась от советской модели внешней политики в Латинской Америке, заменив идеологическую солидарность реализацией конкретных военно-политических и экономических интересов²⁰⁸. В этот период несмотря на ряд заключенных соглашений о сотрудничестве с крупными игроками как Бразилия, Аргентина, интерес к сотрудничеству с Латинской Америкой оставался крайне незначительным среди геополитических приоритетов России.

Дальнейший период внешней политики России связан с деятельностью министра иностранных дел И.С. Иванова (1998-2004 гг.), который определил российскую дипломатию «с четким видением национальных интересов страны в современном мире и конкретными задачи по их обеспечению»²⁰⁹. Внешнеполитический курс И.С. Иванова связан со стабилизацией экономического положения в России, продолжением договоренностей по достижению стратегической стабильности с США и по вопросам в области разоружения²¹⁰,

²⁰⁵ Лавров: заложенные Примаковым принципы позволяют достигать результата без конфронтации [Электронный ресурс] // ТАСС. – 29.10.2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/7056003?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 06.07.2022).

²⁰⁶ Рудаков В. «Я твердо все решил...» [Электронный ресурс] // Журнал Историк. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/posts/2020/06/26/ya-tverdo-vse-reshil.html> (дата обращения: 06.07.2022).

²⁰⁷ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 № 1300. – 1997. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1> (дата обращения: 05.07.2022).

²⁰⁸ Хейфец В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка. – 2021. – №5. – С.55.

²⁰⁹ Иванов И. Голос России все увереннее звучит в мировых делах [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (дата обращения: 07.09.2022).

²¹⁰ Иванов И. Голос России все увереннее звучит в мировых делах [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (дата обращения: 07.07.2022). Министр Игорь Иванов: Односторонние акции могут дорого обойтись цивилизации // Комсомольская правда. – 25.09.2001. URL: <https://www.kp.ru/daily/22640/12392/> (дата обращения: 07.07.2022).

активным участием России в глобальных институтах как G8, саммит АТЭС. Кроме того, министр отмечает и развитие плодотворных контактов со странами Латинской Америки и Африки²¹¹. В тот период Россия начала осуждать односторонние действия со стороны США и их союзников, однако позиция России и ее влияние оказались тогда слабыми на ход влияния глобальных процессов.

С 2004 г. министр иностранных дел, С.В. Лавров продолжает линию своих предшественников в контексте построения многополярного мира, где Россия выступает в качестве самостоятельного и независимого центра формирующейся полицентричной системы, отстаивающая свои национальные интересы на международной арене. Риторика С.В. Лаврова подчеркивает возрастающий фактор цивилизационного измерения на международной арене²¹², выступает за равную и неделимую безопасность²¹³, отмечая при этом создание западными партнерами

²¹¹ Иванов И. Голос России все увереннее звучит в мировых делах [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (дата обращения: 07.07.2022).

²¹² Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февраля 2012 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 04.02.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (дата обращения: 08.08.2022).

²¹³ Выступление С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам заседания Совета Россия-НАТО на уровне министров иностранных дел, Брюссель, 8 декабря 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 12.12.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8121> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на IV Московской конференции по международной безопасности, Москва, 16 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 17.04.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (дата обращения: 06.07.2022). Выступление и ответы на вопросы СМИ С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году, Москва, 26 января 2016 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 26.01.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14553> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РИК, Москва, 18 апреля 2016 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 19.04.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15112> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе VI Московской конференции по международной безопасности, Москва, 26 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 27.04.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17438> (дата обращения: 06.07.2022). Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1453878/ (дата обращения: 06.07.2022). Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 56-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», Мюнхен, 15 февраля 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1427365/ (дата обращения: 06.07.2022). Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на IX Московской конференции по международной безопасности, Москва, 24 июня 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (дата обращения: 06.07.2022).

разделительных линий на европейском континенте, негативную тенденцию разделение на «свои» и «чужие».²¹⁴

По сравнению с внешнеполитическим курсом России в начале 90-х гг. XX в., современные действия отличаются, это отражает высказывания С.В. Лаврова, что «кумулятивный эффект имело осознание Западом: Россия – самостоятельная держава. У России всегда на первом месте будут национальные интересы. Она готова честно и равноправно сопрягать их с национальными интересами любой другой страны на основе международного права, но никогда не будет «брать под козырек»²¹⁵. Кроме того, нынешний российский министр иностранных дел подчёркивает, что «темпы и характер демократических процессов в нашей стране будут диктоваться исключительно внутренними потребностями, а не советами извне»²¹⁶, а также признает независимый и самобытный путь российской внешней политики. Неоднократно в своих выступлениях,²¹⁷ С.В. Лавров подчёркивает роль ключевую роль БРИКС в контексте формирования полицентричного мира.

²¹⁴Выступление Министра С.В. Лаврова на 49-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности <https://interaffairs.ru/news/show/17438> безопасности, Мюнхен, 2 февраля 2013 года // Международная жизнь. – 02.02.2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9119> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление С.В. Лаврова на 50-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 1 февраля 2014 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 02.02.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10526> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности, Москва, 5 апреля 2018 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 05.04.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19659> (дата обращения: 06.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (дата обращения: 06.07.2022).

²¹⁵Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу «РТ», Москва, 10 декабря 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1448933/ (дата обращения: 06.07.2022).

²¹⁶Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февраля 2012 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (дата обращения: 06.07.2022).

²¹⁷Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 27 сентября 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 03.10.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7927> (дата обращения: 05.04.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Бразилии А. Патриотой, Москва, 4 сентября 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 06.09.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7874> (дата обращения: 05.07.2022). Выступление С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и культуры Аргентинской Республики Э. Тимерманом, Москва, 28 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 29.05.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11229> (дата обращения: 06.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на IV Московской конференции по международной безопасности, Москва, 16 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 17.04.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (дата обращения: 06.07.2022). Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу «Раша Тудей», Москва, 25 декабря 2017 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 26.12.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19063> (дата

Современный российский подход к взаимодействию с латиноамериканцами строится на принципах непротивостояния, отсутствия разделительных линий и искусственных барьеров, а также укрепления сотрудничества на основе взаимной поддержки, солидарности. Как отмечают А.В. Щетинин²¹⁸, А.Г. Левагги²¹⁹, нынешнее сотрудничество России с латиноамериканским регионом строится на деидеологизированных, прагматичных подходах, не направленных против кого-то. Соглашаясь с отечественным латиноамериканистом В.Л. Хейфецом, что в контексте многополярности внешнеполитическая линия России в Латинской Америке является комплексной, то есть сочетает ряд моделей – от прагматичного экономического сотрудничества до союза с антиамерикански настроенными странами²²⁰. Тем не менее, одним из проблемных аспектов взаимоотношений России и стран ЛАК остается по-прежнему не диверсифицированный товарооборот,²²¹ а также усложненная транспортно-логическая система.

На сегодняшний день Россию и страны Латинской Америки во многом объединяют, во-первых, схожие позиции касательно оценки международных явлений и процессов; во-вторых, приверженность многополярности и антиамериканизма; в-третьих, в латиноамериканских странах до сих пор проживают крупные общины российской диаспоры.

В связи с обострившейся в 2020 г. пандемией COVID-19, латиноамериканские страны одними из первых выразили желание в получении и производстве российской вакцины «Спутник V». В перспективе это можно рассматривать как развитие и усиление российской «мягкой силы» в области

обращения: 06.07.2022). Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании министров иностранных дел стран БРИКС, Рио-де-Жанейро, 26 июля 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1466698/ (дата обращения: 06.07.2022).

²¹⁸ Щетинин А.В. Латинская Америка – неизменно важное направление внешней политики России // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С.42.

²¹⁹ Levaggi A.G. Towards the peripheries of the Western World, Eurasian regional policies in Latin America [Электронный ресурс] // Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. – 2016. – No. 13. – P. 68. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2017/04/anuario-2016.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

²²⁰ Хейфец В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка. – 2021. – №5. – С.56.

²²¹ Там же. – С.69.

научно-исследовательского взаимодействия с латиноамериканскими странами, а, следовательно, и развитие новых направлений публичной дипломатии.

В этом контексте необходимо проанализировать соотношение формальных и неформальных институтов российской публичной дипломатии по латиноамериканскому направлению с точки зрения особенностей структуры и эффективности деятельности на основе представленности на сайтах и в социальных сетях.

Россия осуществляет взаимодействие с латиноамериканскими странами в области публичной дипломатии через:

- 1) официальные ведомства
- 2) некоммерческие/неправительственные организации, образовательные учреждения, научно-исследовательские центры²²².

Согласно классификации Н.В. Бурлиновой официальные ведомства публичной дипломатии представлены следующей структурой:

1. Министерство иностранных дел России, включая – Департамент по связям с субъектами Федерации, Парламентом и общественными объединениями, в рамках которого существует отдел по взаимодействию с неправительственными организациями (информационно-аналитическая и сводная работа по линии российских НПО-международников); – Департамент информации и печати (информационно-разъяснительная работа по линии публичной дипломатии); – Департамент международных организаций (работа с международными организациями и НПО); – Департамент по работе с соотечественниками за рубежом; а также Латиноамериканский департамент.

2. Парламент Российской Федерации (парламентское измерение публичной дипломатии) в лице Комитета Совета Федерации по международным делам и Комитета Государственной Думы по международным делам. Одним из

²²² Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.31.

направлений работы Комитета Государственной Думы является развитие межпарламентских связей со странами Южной и Центральной Америки, и участие в деятельности Парламентского форума BRICS.

3. *Министерство науки и высшего образования РФ* (в части содействия обучению иностранных студентов в России). В рамках министерства действует Департамент международного сотрудничества, одним из направлений деятельности которого является координация взаимодействия с BRICS в области образования и поддержания устойчивого развития²²³.

Среди системообразующих институтов государственной власти России деятельность по продвижению публичной дипломатии реализуют также прочие профильные министерства и ведомства²²⁴, а именно Министерство культуры, Министерство просвещения, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Министерство спорта²²⁵.

Одним из важнейших официальных институтов в области продвижения российской публичной дипломатии в зарубежных странах является *Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества)*, созданное в соответствии с Указом президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315²²⁶. На сегодняшний день можно выделить основные направления работы Россотрудничества по продвижению публичной дипломатии в латиноамериканских странах. В первую очередь, это международное содействие в условиях пандемии COVID-19, когда Россия оказывала помощь Бразилии, Венесуэле, Гватемале, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Кубе, Никарагуа, Панаме и Сальвадору. Однако при доставке гуманитарной помощи в

²²³ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.31-32.

²²⁴ Ворочков А. П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7. – С. 90.

²²⁵ Там же. – С 92.

²²⁶ Указ Президента РФ от 06.09.2008 N 1315 (ред. от 24.10.2018) "О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества" (вместе с "Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству")[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfaa166410dc332cad218c75a6a94aca5/ (дата обращения: 25.04.2022).

латиноамериканские страны РФ столкнулась с проблемой информирования касательно качества публикуемых госорганами сообщений о предоставлении гуманитарной помощи, а именно таких моментов как неполнота и неточность сведений о помощи. Так, например, проблема информирования касалась оказания Россией гуманитарной помощи Перу на предмет поставки тест-систем, о которой сообщал в интервью российский посол в этой стране²²⁷.

Несмотря на активное присутствие Китая в регионе, Россия обладает конкурентоспособностью по поставкам и производству российской вакцины «Спутник V» в ЛАК. По данным Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) российская вакцина «Спутник V» одобрена в более чем 65 государствах мира, среди которых Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Парагвай, Мексика, Никарагуа, Гватемала, Гондурас, Эквадор, Чили²²⁸. В июне 2021 В. Путин и А. Фернандес договорились о производстве российской вакцины «Спутник V» в Аргентине.²²⁹ Следовательно, можно говорить об успехе российской «дипломатии вакцины» в латиноамериканских государствах.

Одним из ключевых направлений деятельности Россотрудничества является популяризация и изучение русского языка и культуры в странах Латинской Америки. Вопросы изучения русского языка курируют представительства Россотрудничества, которые действуют в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Кубе, Мексике, Никарагуа, Перу и Чили. В основном эти представительства являются Российскими центрами культуры и науки, при которых работают курсы русского языка, проводятся различные культурные мероприятия. Тем не менее, пока что эти

²²⁷Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.32.

²²⁸ Индонезия стала 70-й страной, одобрившей вакцину «Спутник V» [Электронный ресурс] // Российский фонд прямых инвестиций. – 25.08.2021. URL: <https://sputnikvaccine.com/rus/newsroom/pressreleases/indoneziya-stala-70-y-stranoy-odobrivshey-vaktsinu-sputnik-v/> (дата обращения: 25.04.2022).

²²⁹ Путин и Фернандес запустили производство "Спутника V" в Аргентине [Электронный ресурс] // Российская газета. – 04.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/04/putin-i-fernandes-zapustili-proizvodstvo-sputnika-v-v-argentine.html> (дата обращения: 23.11.2022).

инициативы не создают долгосрочного эффекта в области продвижения российской публичной дипломатии в странах региона²³⁰.

В области образования Россотрудничество ежегодно реализует проекты и программы, направленные на экспорт российского образования, содействие развитию международного научного сотрудничества, привлечение иностранных граждан на обучение в РФ, а также взаимодействие с выпускниками российских (советских) вузов. Тем не менее статистические данные Россотрудничества показывают слабые результаты в области направления ЛАК. За период 2019—2020 гг. при поддержке Россотрудничества были проведены две образовательные выставки российских вузов в Мексике и одна в Перу, а как количество заявлений на обучение в РФ в 2020/2021 учебном году, поданных молодыми людьми, проживающими в латиноамериканских странах, составляет всего лишь 4%.²³¹

К официальным институтам по обеспечению информационной направленности публичной дипломатии относятся Международное информационное агентство «Россия сегодня», в которое, в том числе, входят Sputnik (международное новостное агентство), а также система информационных каналов на иностранных языках Russia Today (RT). Деятельность по вещанию данных информационных агентств распространяется и на латиноамериканские страны. В этом контексте сравнительный анализ, проведенный сотрудником Лидсского университета (Великобритания) Пабло Себастьяном Моралесом, показывает, что российский канал RT более привлекателен и культурно близок латиноамериканцам, в частности, жителям Аргентины и Мексики, чем иранский HispanTV или китайский CCTV²³². Таким образом, это зарубежное исследование демонстрирует успех в восприятии российских СМИ у жителей Латинской Америки.

²³⁰ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.32-33.

²³¹ Там же. – С.33.

²³² Там же.

Вопросами продвижения российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах занимаются также неофициальные, некоммерческие структуры и организации, образовательные и научные учреждения.

В своей деятельности Россотрудничество взаимодействует и со старейшей общественной организацией «*Российская ассоциация международного сотрудничества*» (РАМС), членами которой являются Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Российское общество дружбы с Кубой, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна²³³. РАМС была учреждена в 1992 г. и является правопреемницей ранее созданного Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), образованными в 1958 и 1925 гг.²³⁴ На сегодняшний день РАМС занимается вопросами продвижения российской публичной дипломатии, развитие дружественных связей с зарубежными государствами, содействие всесторонним обменам в области культуры, науки, образования и спорта, стимулирование изучения и популяризации русского языка за рубежом, поддержка российских соотечественников за рубежом²³⁵.

Одной из ключевых некоммерческих организаций по продвижению публичной дипломатии по направлению популяризации русского языка за рубежом является Фонд «Русский мир». Фонд был основан во исполнение Указа Президента РФ В. В. Путина от 21 июня 2007 г.²³⁶ Целями Фонда являются популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом. Также в вопросе

²³³ Члены РАМС [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). URL: <http://rams-international.ru/members/> (дата обращения: 25.04.2022).

²³⁴ История РАМС [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). URL: <http://rams-international.ru/history/> (дата обращения: 25.04.2022).

²³⁵ Направления деятельности (РАМС) [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). URL: <http://rams-international.ru/activity/> (дата обращения: 25.04.2022).

²³⁶ Указ Президента РФ 21 июня 2007 г. № 796 «О создании фонда "Русский мир" [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902047878> (дата обращения: 23.11.2022).

продвижения русского языка и культуры Фонд взаимодействует с Русской православной церковью и другими конфессиями²³⁷.

В области образования деятельность Фонда направлена на поддержание экспорта российских образовательных услуг и содействие экспертным, научным и образовательным обменам. Не менее важным направлением работы Фонда «Русский мир» является предоставление грантов на проекты по продвижению русского языка и по культурно-гуманитарной направленности²³⁸.

На сегодняшний день в рамках Фонда «Русский мир» действует 3 русских центра в Латино-Карибской Америке (Куба, Коста-Рика, Никарагуа)²³⁹. Кроме того, действуют целевая программа Фонда «Кабинеты Русского мира», по поддержанию деятельности некоммерческих организаций по продвижению русского языка и популяризации русской литературы и культуры. Кабинеты Русского мира действуют в 5 государствах Латино-Карибской зоны (Бразилия, Колумбия, Куба, Перу, Чили)²⁴⁰. Помимо этого, Фонд издает свой журнал, публикации, новости, также действует своя телерадиокомпания о России, Русском мире, русском языке и культуре.

В 2010 г. в России возникло два ключевых института публичной дипломатии: Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. Горчакова и Некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам». Фонд им. А. Горчакова был создан Распоряжением Президента РФ от 2 февраля 2010 г. № 60-рп.²⁴¹ Являясь некоммерческой организацией, деятельность Фонда направлена на поддержку публичной дипломатии, содействие участию российских неправительственных организаций в международном сотрудничестве, активное вовлечение институтов

²³⁷ Устав Фонда «Русский мир» от 28 марта 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». URL: <https://ruskiymir.ru/ustav.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

²³⁸ Ibid.

²³⁹ Каталог русских центров [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». URL: <https://ruskiymir.ru/rucenter/> (дата обращения: 06.07.2022).

²⁴⁰ Кабинеты Русского мира [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». URL: <https://ruskiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (дата обращения: 06.07.2022).

²⁴¹ Распоряжение Президента РФ от 2 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6633399/> (дата обращения: 25.04.2022).

гражданского общества во внешнеполитический процесс. Одной из стратегических задач является то, что Фонд формирует финансовые и иные средства и направляет их на реализацию проектов международного сотрудничества неправительственных организаций, как в рамках своей программной деятельности, так и во взаимодействии с другими общественными и государственными институтами. Таким образом, Фонд предоставляет гранты в целях продвижения публичной дипломатии для НКО²⁴². В рамках Фонда проходят различные мероприятия по продвижению публичной дипломатии, публикуются аналитические материалы и новости.

Среди ключевых механизмов по поддержке публичной дипломатии Фонда можно отметить научно-образовательную программу «Диалог во имя будущего», Иberoамериканский форум. Министр иностранных дел С.В. Лавров, отмечает в своем выступлении, «усилия Фонда по экспертному сопровождению интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также по укреплению сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС», а именно международной научно-образовательной программы «Школа БРИКС»²⁴³. На сегодняшний день Иberoамериканский форум является ключевой дискуссионной научной площадкой, где собираются представители дипломатического корпуса, академического сообщества, НПО и независимые эксперты²⁴⁴.

Среди разновидностей публичной дипломатии можно выделить экспертную дипломатию, одним из важнейших научно-аналитических и экспертных центров можно отнести Некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам» (РСМД) в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02 февраля 2010 г. № 59-рп.²⁴⁵ Миссия Партнерства

²⁴² Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.35.

²⁴³ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Попечительского совета Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Москва, 27 марта 2019 года // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1457021/ (дата обращения: 06.07.2022).

²⁴⁴ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.35.

²⁴⁵ Распоряжение Президента РФ «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам»» [Электронный ресурс] // Сайт АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196319> (дата обращения: 25.04.2022).

осуществляется во имя содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами и призвана служить предотвращению международных конфликтов и кризисному регулированию²⁴⁶.

В целом РСМД реализует консультационную, экспертно-аналитическую и публицистическую виды деятельности. Например, проведение научных исследований, включая научное изучение и обсуждение внешнеполитических и международных проблем; а также экспертных заключений по внешнеполитическим вопросам. В области публицистической направленности РСМД издает монографии, сборники статей, иные научные и информационные материалы, а также осуществляет издательско-полиграфическую деятельность и издает аудиовизуальную продукцию²⁴⁷.

РСМД проводит исследование процессов и прогнозирование ситуации в Латино-Карибской Америки. По этому направлению издаются аналитические статьи, доклады РСМД, новости, комментарии членов РСМД и т.д.

Кроме того, в вопросах продвижения публичной дипломатии можно отметить такие российские академические институты и аналитические центры (think tanks)²⁴⁸, как Международный дискуссионный клуб «Валдай», Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Институт Латинской Америки РАН, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ и др.

В рамках настоящего исследования был осуществлен экспертный опрос на тему «Формирование российской публичной дипломатии в Аргентине», в котором приняли участие представители органов государственной власти, преподаватели вузов, сотрудники исследовательских организаций, а также независимые эксперты.*

²⁴⁶Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.35.

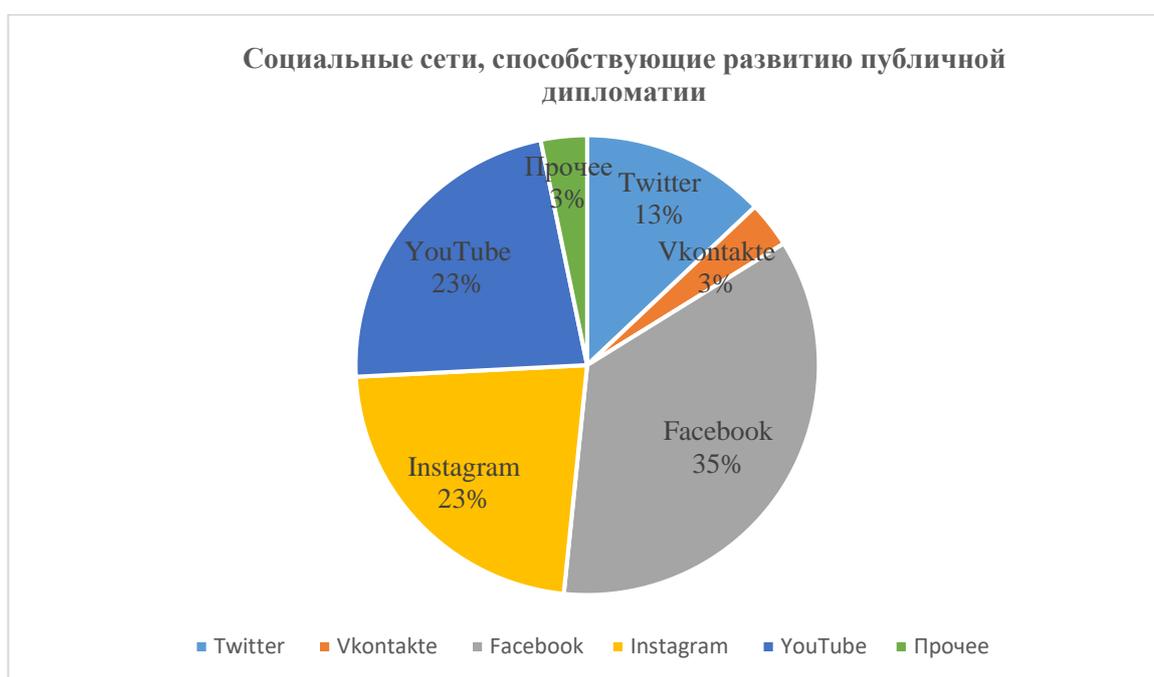
²⁴⁷Устав РСМД [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (дата обращения: 25.04.2022).

²⁴⁸ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С.37.

* Количество опрошенных респондентов – 15.

По результатам опроса, проведенного в период с октября 2021 г. по январь 2022 г. среди респондентов (Диаграмма 3.) были выявлены социальные сети, способствующие развитию публичной дипломатии, среди которых, наибольшее оценку получила социальная сеть – Facebook* (35 %), а также YouTube и Instagram («Инстаграм»)** – 23 %, тогда как российская сеть «ВКонтакте» (Vkontakte) показала лишь 3 %. По мнению одного эксперта, сети/мессенджеры являются инструментами и их должно быть много и разных.

Диаграмма 3.²⁴⁹

Результаты исследования подтверждают, что сегодня в условиях «новой реальности» пандемии COVID-19 заметно повышается роль информационно-коммуникационных средств и цифровизации в области продвижения публичной дипломатии России в латиноамериканских странах. Также исследователь М.Г. Троянский считает, что перед Россией в Латинской Америке стоит задача формирования инфраструктуры общественной дипломатии, которой сейчас явно не хватает, повсеместное распространение и поддержка российских культурных и

* Социальная сеть Facebook официально заблокирована на территории РФ.

** Социальная сеть Instagram официально заблокирована на территории РФ.

²⁴⁹Березина Е.К. Социальные сети, способствующие развитию публичной дипломатии. Составлено автором. (данные: октябрь 2021- январь 2022).

гуманитарных проектов²⁵⁰. Одним из важнейших направлений должно стать развитие парламентских обменов²⁵¹, а, следовательно, и парламентской дипломатии.

Однако геополитические изменения на постсоветском пространстве, произошедшие в начале 2022 г. в ходе проведения спецоперации Россией и на фоне санкций, во многом позволили пересмотреть стратегию информационной и цифровой безопасности с точки зрения доступа и использования информационно-коммуникационных средств, социальных сетей в России. В результате в марте 2022 г. в России организация Meta (социальные сети Instagram и Facebook)* была официально признана экстремистской, тем самым запретив ее деятельность в России²⁵². При этом физические и юридические лица, использующие продукты Meta, не будут привлекаться к ответственности за экстремизм. Ограничение доступа к социальным сетям Instagram и Facebook*, принадлежащим американской транснациональной компании Meta Platforms Inc, на территории России связано с призывами к насильственным действиям против граждан России, в том числе военных²⁵³. Данный факт, дает возможность развитию в России собственной IT индустрии и создание российских аналогов социальных сетей как Россограм, поддержание и брендинг существующих социальных сетей и мессенджеров как ВКонтакте, Telegram, Retube («Рутуб»), Одноклассники, Яндекс Дзен.

На сегодняшний день латиноамериканскому направлению российской публичной дипломатии не хватает системности и представленности неофициальных институтов на информационном пространстве и в социальных сетях²⁵⁴. Существенным недостатком деятельности российской публичной

²⁵⁰ Троянский М.Г. Современный латиноамериканский вектор внешней политики России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 3 (17). – С. 31.

²⁵¹ Там же.

* Социальные сети Facebook и Instagram официально заблокированы на территории РФ.

²⁵² Россия не накажет за использование Facebook* и Instagram* [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 28.03.2022. URL: https://ria.ru/20220328/instagram-1780424070.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 28.03.2022).

* Социальные сети Facebook и Instagram официально заблокированы на территории РФ.

²⁵³ Россия запретила Instagram и Facebook за экстремизм [Электронный ресурс] // ТАСС. – 21.03.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135927> (дата обращения: 28.03.2022).

²⁵⁴ Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С. 37.

дипломатии остается низкий эффект от проводимых мероприятий в латиноамериканском регионе. В настоящее время актуальной задачей для России является выстраивание комплексной или плюралистической системы публичной дипломатии с усилением цифровых инструментов в целях повышения эффективности работы за рубежом²⁵⁵.

В целом публичная дипломатия государства, являющаяся инструментом «мягкой силы», может быть определена как коммуникационная способность государства в целях реализации государственной внешней политики с использованием инструмента международно-гражданского сотрудничества. В настоящее время у каждого государства есть так или иначе подразделения, в компетенции которых входят вопросы информационного и экспертного продвижения государства за рубежом. Тем не менее не все государства мира выработали систему и национальные стратегии по продвижению публичной дипломатии, по сравнению с США. Во многом это связано с размытым пониманием составляющих «мягкой силы», а, следовательно, толкования публичной дипломатии и границ применения данного термина. В России «public diplomacy» переводится как публичная дипломатия, общественная дипломатия и народная дипломатия, однако, большей популярностью пользуется мероприятия общественной дипломатии. В целом изучение публичной дипломатии строится на междисциплинарном подходе.

В зависимости от национальных целей и задач, а также глобальных тенденций публичная дипломатия продвигает интересы государства в экономической, культурной, научной и в других сферах. В эпоху цифровизации публичная дипломатия стало активно использовать сайты, социальные сети, различные платформы в качестве инструмента взаимодействия с целевой аудиторией за рубежом. Преимуществом России в период пандемии COVID-19 является успех в области продвижения национальной вакцины в Аргентину, которая первой из стран Латинской Америки зарегистрировала российскую

²⁵⁵Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С. 37.

вакцину. Речь идет о развитии таких новых направлений публичной дипломатии как «дипломатия вакцины», фармацевтическая дипломатия.

В качестве преимуществ цифровой публичной дипломатии можно отметить, во-первых, возможность подключаться к научным дискуссиям и образовательным мероприятиям из любой точки мира; во-вторых, доступно высказывать и популяризировать свою точку зрения; в-третьих, способствует ускоренному обмену информацией.

Однако, цифровизация публичной дипломатии обладает недостатками и влечет за собой ряд рисков, во-первых, использование онлайн формата снижает качество воспринимаемой собеседником информации, во многом из-за ограниченности невербальных контактов. Во-вторых, существуют риск утечки персональных данных и установления контроля над личностью со стороны государства и заинтересованных групп. В-третьих, современные события на международной арене и информационные войны показывают, что активное использование социальных сетей и вовлечение граждан в цифровую коммуникацию, создают условия для распространения дезинформации и масштабного применения манипулятивных технологий со стороны внешних игроков, что негативно сказывается на управляемости государства.

В контексте современной российской внешней политики повышается значение во взаимодействии с удаленными регионами, а том числе и со странами латиноамериканского региона. Данное положение обусловлено, во-первых, продвижением и развитием Россией концепции многополярности, во-вторых, обострение кризиса на постсоветском пространстве 2022 г. заставили Россию пересмотреть концепцию международного сотрудничества в пользу развивающихся стран, включая Аргентину; в-третьих, фактор пандемии COVID-19 способствовал продвижению Россией новых направлений международного сотрудничества как «дипломатия вакцины», которая получила признание в латиноамериканских странах.

Анализ соотношения официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии показал, что неофициальные институты, оказывая влияния на принятие внешнеполитических решений официальными институтами, выполняют функцию поддержки, трансляции инициатив официальных институтов, продвижения их ценностей, установок и национального имиджа в коммуникационной среде Аргентины.

Результаты экспертного опроса позволяют утверждать, что слабыми сторонами российской публичной дипломатии является низкий рейтинг российских социальных сетей по сравнению с американскими разработчиками. Таким образом, перед российской публичной дипломатией стоит актуальная задача популяризации и продвижения российских социальных сетей в международное коммуникационное пространство. Также необходимо увеличить проведение онлайн мероприятий и выставок (в сфере образования), на основе разработанных российских цифровых платформ. Одной из ключевых задач должно стать увеличение финансирования на мероприятия российских официальных институтов публичной дипломатии, поддержки инициатив неофициальных институтов в Аргентине со стороны государства, частных лиц.

В этом контексте необходимо проанализировать особенности институтов и перспективных инструментов российской публичной дипломатии на примере российско-аргентинских отношений в области культуры и образования как неотъемлемых элементов «мягкой силы».

Глава 2. Особенности цифровой публичной дипломатии России в Аргентине: культурная политика

2.1. Принципы и институты формирования российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования

В настоящее время Россия стремится укрепить свой фактор присутствия в Латинской Америке, основываясь на принципах многополярности и прагматизма. На сегодняшний день Аргентина является одним из ключевых российских партнеров в области двустороннего торгово-экономического сотрудничества, так взаимодействия в рамках международных организаций и форумов (ООН, G20, Петербургский международный экономический форум). В ходе XVI саммита БРИКС, состоявшемся в июне 2022 г., президент Аргентины выразил желание выступление Аргентины в БРИКС²⁵⁶, что говорит о приверженности многополярного мира и заинтересованности Аргентины в обеспечении продовольственной безопасности на мировой арене. Помимо полноправного вступления Аргентины в БРИКС, возможным и наиболее реалистичным сценарием является участие Аргентины в формате БРИКС+, что предполагает создание постоянного круга в работе объединения новых государств-единомышленников из Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока²⁵⁷.

В XXI в. основной упор в развитии российско-аргентинского двустороннего сотрудничества должен делаться на сфере науки и технологий, парламентской дипломатии. Наиболее заметно это проявляется в поддержании контактов городов-побратимов Москвы и Буэнос-Айреса в области борьбы с пандемией COVID-19²⁵⁸.

По данным результатов опроса, согласно диаграмме 4.²⁵⁹ рейтинг региона Латинская Америка и Карибский бассейн занимает постепенно набирает свои позиции относительно системы приоритетов российской внешней политики, в

²⁵⁶ Президент Аргентины заявил о намерении страны вступить в БРИКС [Электронный ресурс] // Риа Новости. – 24.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220624/argentina-1797934776.html> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁵⁷ «Не просто международное объединение». Аргентина и Иран идут в БРИКС [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 27.06.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/27/15047258.shtml?updated> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁵⁸ Немцев Ю. Россия и Аргентина продолжают диалог несмотря на пандемию COVID-19 [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 23.11.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28183> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁵⁹ Березина Е.К. Расположение региона Латинская Америка и Карибский бассейн согласно текущим приоритетам российской внешней политики. Составлено автором (данные: октябрь 2021- январь 2022).

котором Аргентина (диаграмма 5.²⁶⁰) на сегодняшний день, занимает далеко не отстающую позицию. В многом это обусловлено переориентацией российской внешней политики в связи с противостоянием со странами Запада и их союзниками, а, следовательно, и стремлением к поиску новых партнёров и возможностей в развивающихся регионах.

Диаграмма 4.

²⁶⁰ Березина Е.К. Расположение Аргентины согласно текущим приоритетам российской внешней политики. Составлено автором (данные: октябрь 2021 - январь 2022).

События и кризисы на постсоветском пространстве 2022 г. и параллельно разворачивающаяся информационная война между Россией и союзниками во главе с США, показали, что латиноамериканские страны придерживаются политики невмешательства в отношении России и поддержки принципов и норм международного права во главе с ООН. Тем не менее анализ украинского кейса, показал, что Аргентина поддержала резолюцию Генассамблеи ООН по действиям России на Украине, которая содержит осуждение проводимой Россией специальной военной операцией. За резолюцию проголосовали 141 страна, против – 5, воздержались – 35. Среди латиноамериканских стран, которые воздержались – Боливия, Куба, Никарагуа, а Венесуэла не отдала свой голос²⁶¹. При этом Аргентина не планирует вводить санкции в отношении России²⁶². В интервью аргентинского СМИ посол России в Аргентине Д.В. Феоксиков подчеркнул, что несмотря на всю сложность складывающейся ситуации, контакты России и Аргентины продолжают. По его мнению, Аргентина, как и Россия, является главным противником стратегии санкционного давления на суверенные

²⁶¹ Генассамблея ООН приняла резолюцию по действиям России на Украине [Электронный ресурс] // ТАСС. – 02.03.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13938357> (дата обращения: 01.05.2022).

²⁶² Аргентина не планирует вводить санкции против России [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 26.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3518143.html> (дата обращения: 29.03.2022).

государства²⁶³. Среди позитивных факторов российско-аргентинского сотрудничества, Д.В. Феоксистов, отмечает, преемственность лицензии телеканала «Russia Today Español» на возможность круглосуточного вещания на территории Аргентины, а также торговые связи и сотрудничество в области науки, техники и сельского хозяйства²⁶⁴.

Состоявшейся визит действующего аргентинского президента Альберто Фернандеса в Россию в феврале 2022 г. свидетельствует о признании российской вакцины со стороны руководства, стремление аргентинского президента преодолеть зависимость от США, рассматривая Аргентину «воротами в Латинскую Америку» для России. Кроме того, с аргентинской стороны было выражено стремление ускорить реализацию соглашения о стратегическом партнёрстве, которое было подписано во времена правления президента Кристины Фернандес Киршнер в 2015 г.²⁶⁵ Однако стоит понимать, колеблющиеся противоречивые настроения действующего аргентинского правительства, которое с одной стороны остается зависимым от США в торгово-экономических вопросах, с другой стороны, выступающее за антиамериканизм и многополярный мир. Поэтому заявление Ф. Фернандес об отходе от США, не является полностью оправданным. Об особой роли Аргентины в решении дипломатических и политических вопросах, отмечает и бывший вице-канцлер, и бывший посол в ООН Фернандо Петрелла заявив, что Аргентина должна вернуться к своей традиции сотрудничества в разрешении споров, опираясь на опыт войны между Индией и Пакистаном, в миротворческих операциях в войнах на Балканах, а не просто давать декларации²⁶⁶. Таким образом,

²⁶³ En una entrevista exclusiva, el embajador de Rusia en Argentina desafía: "No tememos a las sanciones" [Электронный ресурс] // El Cronista. – 07.03.2022. URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/el-embajador-de-rusia-en-argentina-asegura-que-no-tememos-a-las-sanciones-y-la-paz-depende-de-ucrania-tambien/> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁶⁴ Rusia calificó a la Argentina como "un amigo verdadero" y elogió al Gobierno // El Cronista. – 21.06.2022. URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/rusia-califico-a-la-argentina-como-un-amigo-verdadero-y-elogio-al-gobierno/> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁶⁵ Президент Аргентины назвал отношения с Россией братскими [Электронный ресурс] // ТАСС. – 03.02.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13607695?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 26.04.2022).

²⁶⁶ Argentina cambia de rumbo y condena invasión de Rusia a Ucrania // Vozdeamerica. – 16.03.2022. URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/argentina-cambio-rumbo-condena-rusia-ucrania/6487520.html> (дата обращения: 27.07.2022).

Аргентина стремится диверсифицировать отношения со странами мира, включая Россию как одним из центров многополярного мира.

Выступление посла Аргентины в ООН подтвердило, поворот правительства Альберто Фернандеса, которое изначально не хотело осуждать военное наступление В.В. Путина и ограничивалось призывом к разрешению конфликта путем диалога. В то время США, которые поддержали правительство в переговорах с МВФ, заявили о своем несогласии, и Аргентина начала перестраивать эти отношения с помощью публичных и частных жестов²⁶⁷. Так, Аргентина проголосовала за резолюцию ООН, приостанавливающую работу России в Совете по правам человека²⁶⁸. Тогда как на региональном уровне, Аргентина и Бразилия отказались подписывать заявление ОАГ, осудивших специальную военную операцию России на Украине. Аргентинский представитель объяснил отказ Буэнос-Айреса тем, что конфликт не входит в компетенцию ОАГ, поскольку происходит на другом континенте. Для сравнения кроме Аргентины и Бразилии, документ не стали подписывать Боливия, Сальвадор и Уругвай. В число поддержавших заявление вошли США, Канада, Мексика, Перу, Чили, Колумбия и еще ряд страны²⁶⁹. Аргентинский источник La Nación отмечает, что события на Украине косвенно затронули и Аргентину, как и другие страны с развивающейся экономикой, в том числе от роста мировых цен на сырье, что уже влияет на инфляцию. Прогноз Валютного фонда был особенно пессимистичным для Латинской Америке, где ожидается, что инфляция «значительно» ускорится из-за роста цен на продукты питания и энергоносители²⁷⁰.

²⁶⁷ Desde la Embajada de Estados Unidos, Juan Manzur reafirmó el compromiso del Gobierno con Ucrania [Электронный ресурс] // La Nación. – 16.03.2022. URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/desde-la-embajada-de-estados-unidos-juan-manzur-reafirmo-el-compromiso-del-gobierno-con-ucrania-nid16032022/> (дата обращения: 04.05.2022).

²⁶⁸ Генассамблея приостановила участие России в СПЧ ООН [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 07.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220407/oon-1782378335.html> (дата обращения: 14.04.2022).

²⁶⁹ Аргентина и Бразилия не подписали заявление ОАГ по Украине [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 26.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3518135.html> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁷⁰ Ruiz R.M. El FMI reconoció que la guerra en Ucrania complica el programa acordado con la Argentina [Электронный ресурс] // La Nación. – 17.03.2022. URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/el-fmi-reconocio-que-la-guerra-en-ucrania-complica-el-programa-acordado-con-la-argentina-nid17032022/> (дата обращения: 04.05.2022).

Немаловажный фактор сыграла и пандемия COVID-19, которая открыла возможности для России экспортировать вакцины и их разработки, научно-медицинские технологии в те страны, где это оказалось востребованным, в число которых входят и латиноамериканские страны.

По мнению ведущего научного сотрудника ИЛА РАН, Н.М. Яковлева, аргентинско-российские отношения поступательно развиваются независимо от наличия глобальных вызовов, экономических трудностей или меняющейся политической конъюнктуры²⁷¹. Кроме того, Аргентина проявляет интерес к двустороннему сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) в области региональной экономической интеграции в рамках Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Правительственным Секретариатом по агроиндустрии Министерства производства и труда Аргентинской Республики о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса²⁷².

В условиях современной геополитической турбулентности, необходимо дальнейшее укрепление сотрудничества между ЕАЭС и латиноамериканским регионом в целях преодоления торговых, в том числе и логистических барьеров, которые возникли в условиях западной санкционной политики²⁷³. В рамках проведения ПМЭФ-2022, С.Ю. Глазьевым был поставлен вопрос о переходе на новую валютную систему товарных расчетов, создания новой торгово-экономической архитектуры, ядром которого мог быть стать БРИКС²⁷⁴.

В настоящее время Аргентина является одним из старейших российских торгово-экономических партнеров в Латинской Америке. Так, в 2021 г. российско-аргентинский товарооборот увеличился по сравнению с 2020 г. в 1,5 раза и составил

²⁷¹ Яковлева Н.М. Аргентина: актуальная повестка новых властей // Латинская Америка. – 2020. – №3. – С.12-13.

²⁷² Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительственным Секретариатом по агроиндустрии Министерства производства и труда Аргентинской Республики о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). – 01.08.2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (дата обращения: 31.10.2022).

²⁷³ Березина Е.К. Андское сообщество — Евразийский экономический союз: есть ли перспективы? // Латинская Америка. – 2023. – №3. – С. 96.

²⁷⁴ Там же. – С.96- 97.

1,4 млрд долл. США. При этом российский экспорт вырос в 4 раза до 383,4 млн долл. США, а импорт из Аргентины увеличился на 24,3% до 1 млрд долл.²⁷⁵. В январе-марте 2022 г. товарооборот вырос по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. в 1,7 раза и составил 333,4 млн долл. США. Российский экспорт увеличился в 2,3 раза до 107,9 млн долл. США, импорт из Аргентины – на 47,5% до 225,5 млн долл. США²⁷⁶.

Отечественный латиноамериканист В.Л. Хейфец отмечает участие России в строительстве и развитии гидроэлектростанций в Аргентине, нефтегазовой промышленности. Так, одним из результатов российско-аргентинского сотрудничества стало участие компании «Росатом» в строительстве АЭС в Аргентине²⁷⁷.

В связи с пандемией COVID-19, значимую роль в расширении и поддержании российско-аргентинских торгово-экономических отношений выполняет Российский фонд прямых инвестиций и Национальный Комитет содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА).

Несмотря на сложившуюся геополитическую турбулентность, Аргентина и Россия выступают за разрешение основных проблем современности на основе принципов многосторонности, открытости, предсказуемости, верховенства международного права, а также признания координирующей роли ООН в международных делах²⁷⁸.

Вследствие пандемии COVID-19, Аргентина заинтересована в поставках и производства российской вакцины «Спутник V». В латиноамериканском регионе Аргентина стала первой страной, зарегистрировавшей вакцину «Спутник V».

²⁷⁵ Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс]. // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (дата обращения: 25.11.2022).

²⁷⁶ Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (дата обращения: 06.02.2023).

²⁷⁷ Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т.20. – № 3. – С.527-528.

²⁷⁸ Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (дата обращения: 31.10.2022).

Аргентинский посол в России Эдуардо Антонио Зуайн признает, среди главнейших целей «работу над поставками российской вакцины от коронавируса «Спутник V»»²⁷⁹. Результатом российской дипломатии вакцины стал запуск производства компанией Richmond вакцины «Спутник V» в Аргентине²⁸⁰. Так, согласно аргентинским исследованиям российская вакцина в Аргентине доказала свою эффективность²⁸¹. Данный факт можно рассматривать как распространение российской «дипломатии вакцины» в латиноамериканские страны по направлению научно-исследовательских разработок.

Успешный опыт медицинской дипломатии известен еще с кубинской модели общественного развития. Отечественный исследователь ИЛА РАН А.В. Борейко отмечает, что медицинские миссии Гаваны с самого начала были ключевым инструментом мягкой силы, которую политическое руководство умело конвертировало в дипломатическую и финансовую поддержку²⁸². Популярность мягкой силы в основном объясняется тем, что кубинские врачи работают с беднейшими гражданами в районах, где отсутствует какая-либо медицинская помощь²⁸³.

Согласно проведенному опросу в исследовании, в условиях продолжающейся пандемии COVID-19, наиболее перспективными сферами сотрудничества между Россией и Аргентиной станут следующие направления: 1) торговля; 2) сфера медицины и здравоохранения (поставка и разработка вакцин, сотрудничество в области медтехнологий, фармакологии); 3) цифровые технологии и цифровизация; 4) культура (культурная дипломатия, культурно-гуманитарные связи, наука, образование); 5) отраслевые направления (сельское хозяйство,

²⁷⁹ Моисеев А. Аргентина высоко ценит российскую вакцину. И не только [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 17.06.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30499> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁸⁰ Аргентинская фармкомпания сообщила об одобрении ее партии "Спутника V" Центром им. Гамалеи [Электронный ресурс] // ТАСС. – 16.07.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (дата обращения: 12.08.2021)

²⁸¹ Costa J.M. Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación [Электронный ресурс] // El Nacion. – 25.08.2021. URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁸² Борейко А.В. Эволюция кубинской медицинской дипломатии // Иberoамериканские тетради. – 2020. – Т.8. – № 4. – С. 101.

²⁸³ Там же.

тяжелая промышленность, ядерные технологии (не только АЭС), транспорт и логистика, космос, энергосотрудничество и энергобезопасность; визовые вопросы; вопросы миграции)). Также в опросе затрагивались такие направления сотрудничества как безопасность, а именно борьба с транснациональной преступностью и терроризмом, антинаркотическое сотрудничество. При этом один респондент считает, что в условиях продолжающейся пандемии COVID-19, наиболее перспективные сферы сотрудничества между Россией и Аргентиной не изменятся и вакцины в этом мало помогут. Таким образом, экономический баланс слабо поменяет свою структуру.

Исторически начало официальных отношений между Россией и Аргентиной было положено в конце XIX в. Дипломатические отношения были установлены 22 октября (3 ноября) 1885 г. После 1917 г. официальные отношения были приостановлены и возобновлены в 1946 г. В декабре 1991 Аргентина признала Россию в качестве государства-правопреемника Советского союза²⁸⁴.

На сегодняшний день правовую основу российско-аргентинских отношений составляют соглашения об основах отношений между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой (1998 г.), о культурном сотрудничестве (1997), о правовой помощи по гражданским делам (2000 г.), о военно-техническом сотрудничестве (2004 г.), о безвизовых поездках по общегражданским паспортам (2009 г.), межгосударственные договоры о взаимной правовой помощи по уголовным делам, о выдаче и о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (2014 г.), о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях (2014 г.), межправпротокол о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (2019 г.).

Соглашение о культурном сотрудничестве (1997) нацелено на взаимную популяризацию художественных и культурных ценностей стран, поддерживая

²⁸⁴Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/ar/?currentpage=main-country> (дата обращения 24.04.2022).

соответствующие государственные, негосударственные и частные инициативы на всех уровнях²⁸⁵, а также сотрудничество в области образования, предусматривающее:

- обмен специалистами, научными работниками, преподавателями, студентами и учащимися;
- развитие прямых связей между учебными заведениями, учреждениями и организациями культуры и искусства;
- содействие сотрудничеству в области профессиональной подготовке и переподготовке кадров²⁸⁶.

Стороны признают важность преподавания и распространения языков обеих стран в системе общего и профессионального образования, а также в других учебных заведениях²⁸⁷.

В ходе состоявшегося 21-23 апреля 2015 г. официального визита президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер в российскую столицу было подписано «Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Аргентинской Республики К. Фернандес де Киршнер об установлении российско-аргентинского всеобъемлющего стратегического партнерства»²⁸⁸. Результатом реализацией плана действий стало проведение в 2015 г. перекрестных Дней культуры России в Аргентине и Аргентины в России, приуроченные к 130-летию установления дипломатических отношений.

Фактором сближения российско-аргентинских отношений является то, что в Аргентине проживает многочисленная русскоязычная диаспора. По состоянию на 2019 г. русская диаспора в Аргентине составляет около 350 тысяч человек, в

²⁸⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Аргентины о культурном сотрудничестве [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – 1997. – Ст.1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824870> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁸⁶ Там же. – Ст.12

²⁸⁷ Там же. – Ст.13.

²⁸⁸ Пашенцев Е. Н. Россия и Аргентина: от консульских отношений до стратегического партнерства. Что дальше? // Латинская Америка. – 2016. – № 11. – С. 61.

основном это внуки эмигрантов, приехавших в страну в начале XX века.²⁸⁹ Исторически с конца XIX века в Аргентину прибыло несколько волн русской эмиграции, представители которых отличались этнически, а также имели разный образовательный и культурный уровень²⁹⁰.

Одним из важнейших официальных институтов по продвижению публичной дипломатии в Аргентине выступает Россотрудничество, приоритетными задачами которого является популяризация и изучение русского языка и культуры. Среди ключевых результатов деятельности Россотрудничества можно отметить запуск в ноябре 2020 г. «Единой дорожной карты по работе в сфере поддержки и продвижения русского языка в Аргентине на 2020-2022 гг».

Кроме того, к официальным институтам российской публичной дипломатии в Аргентине относится эфирное вещание на испанском языке телеканала «RT» (с октября 2014 г.),²⁹¹ в том числе и Sputnik в регионе ЛАК²⁹². Именно на RT было взято первое международное интервью нынешнего президента Аргентины А. Фернандеса²⁹³.

Согласно проведенному опросу в исследовании по вопросу международных мероприятий, способствующих усилению российской публичной дипломатии в Аргентине, 90% респондентов считают Международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», 70 % – G20, Петербургский международный экономический форум – 60 %, Парламентский форум стран БРИКС – 50 %, Восточный экономический форум 0 %. При этом один респондент оценивает роль культурных и деловых миссий в Аргентину. Другой подчеркивает, что сегодня латинское направление (включая Венесуэлу и Кубу)

²⁸⁹ Имитиан Э. La Nación (Аргентина): почему в Аргентине столько русских, а в России так мало аргентинцев? [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – 21.05.2019. URL: <https://inosmi.ru/asviewedby/20190521/245110946.html> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁹⁰ Астахов Е.М. Русский мир в Аргентине // Латинская Америка. – 2015. – № 2. – С. 62.

²⁹¹ Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: <https://mid.ru/ru/maps/ar/> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁹² Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т.20. – № 3. – С.531.

²⁹³ Там же.

провалено и требует подхода путём внедрения в работу новых подходов в трансляции культурных ценностей, идеологии равноправия и защиты личных свобод граждан на примере осуществления Россией политики невмешательства в дела иностранных государств.

Российскую публичную дипломатию в Аргентине продвигают и *неофициальные институты*. Посольство РФ в Аргентине взаимодействует с целым рядом неправительственных организаций, прежде всего речь идет о Координационном совете организаций российских соотечественников (КСОРС). Деятельность Совета направлена на консолидацию российской диаспоры в Аргентине, сохранения и развития здесь российского этнокультурного наследия, распространения русского языка. Ежегодно, в Аргентине проходит конференции организаций российских соотечественников. В условиях пандемии COVID-19, на онлайн XIV-й Конференции организаций российских соотечественников в Аргентине представителям российской диаспоры была высказана признательность за помощь российским туристам, заблокированным в Аргентине в период пандемии, а также за усилия по популяризации и продвижение вакцины «Спутник V» в странах региона²⁹⁴. При поддержке КСОРС в 2012 г. была создана специальная молодёжная структура – Молодёжный Координационный Совет²⁹⁵. Важно подчеркнуть, что Аргентина – единственная страна в Латинской Америке, где проходит самостоятельный форум молодых соотечественников²⁹⁶. Среди ключевых механизмов российско-аргентинского молодежного взаимодействия можно отметить Международный форум российских соотечественников, проживающих за рубежом, Международный молодежный форум “Eurasia Global”.

²⁹⁴ О XIV-й Конференции организаций российских соотечественников в Аргентине [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_xiv_y_konferentsii_organizatsiy_rossiyskikh_sootechestvennikov_v_argentine/ (дата обращения: 26.04.2022).

²⁹⁵ Молодежный координационный совет [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. URL: https://argentina.mid.ru/ru/sootchestvenniki/molozhvezhnyy_koordinatsionnyy_sovet/ (дата обращения: 26.04.2022).

²⁹⁶ Немцев Ю. Соотечественники в Аргентине за формирование объективного образа России [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 16.07.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23173> (дата обращения: 26.04.2022).

В настоящее время в Аргентине действует множество различных организаций российских соотечественников, которые по своему организационно-правовому статусу представлены НКО/НПО и классифицируются на: культурные дома или центры, организации, движения, представляющих интересы определенных групп российских эмигрантов и соотечественников. Отдельного анализа заслуживают культурные и спортивные клубы, названные в честь российских писателей и поэтов. Большинство организаций российских соотечественников в Аргентине было создано в период до после распада СССР, в основном русскоязычными с целью сохранения общинности и традиций своих предков из славянских республик независимо от границ. Старейшей организацией является Библиотека им. А.С. Пушкина (1916 г.), которой уже более 100 лет. Несколько организаций было создано в 50-е гг. XX в. как Культурный и спортивный клуб «DNIPRO- А. Толстой», Культурно-спортивное общество им. В.К. Маяковского (1952), Культурный и спортивный клуб им. В.Г. Белинского (1953). В конце 80-х гг. на волне очередной миграции в Аргентину, связанной с геополитическим распадом СССР был создан Русский Дом в Мар дель Плата и Культурный центр «Аврора» (1987). Есть организации, которые были созданы сравнительно недавно как Русский дом в Паране (2018), Барилоче Ликуй (2016), Театр «Сновидения» (2010). На сегодняшний день данные клубы включают потомков 2, 3, 4 поколений. В основном участники клубов демонстрируют свое национальное искусство, танцы, блюда и народные песни. В некоторых клубах проводятся курсы русского языка, как Клуб ДНИПРО-А. Толстой, Клуб В. Маяковского, Клуб Максима Горького, Библиотека А. Пушкина. Координационный совет российских соотечественников в Аргентине стремится сотрудничать и организовать совместные мероприятия с большинством организаций российских соотечественников в Аргентине.

В рамках настоящего исследования в ноябре 2021 г. был осуществлен сравнительный анализ 20 организаций российских соотечественников, включая

гражданские движения в Аргентине. Для оценки уровня представленности в сети Интернет в качестве критериев были выбраны:

- наличие собственного сайта;
- наличие аккаунтов в социальных сетях;
- количество подписчиков;
- основные проводимые культурно-гуманитарные мероприятия.

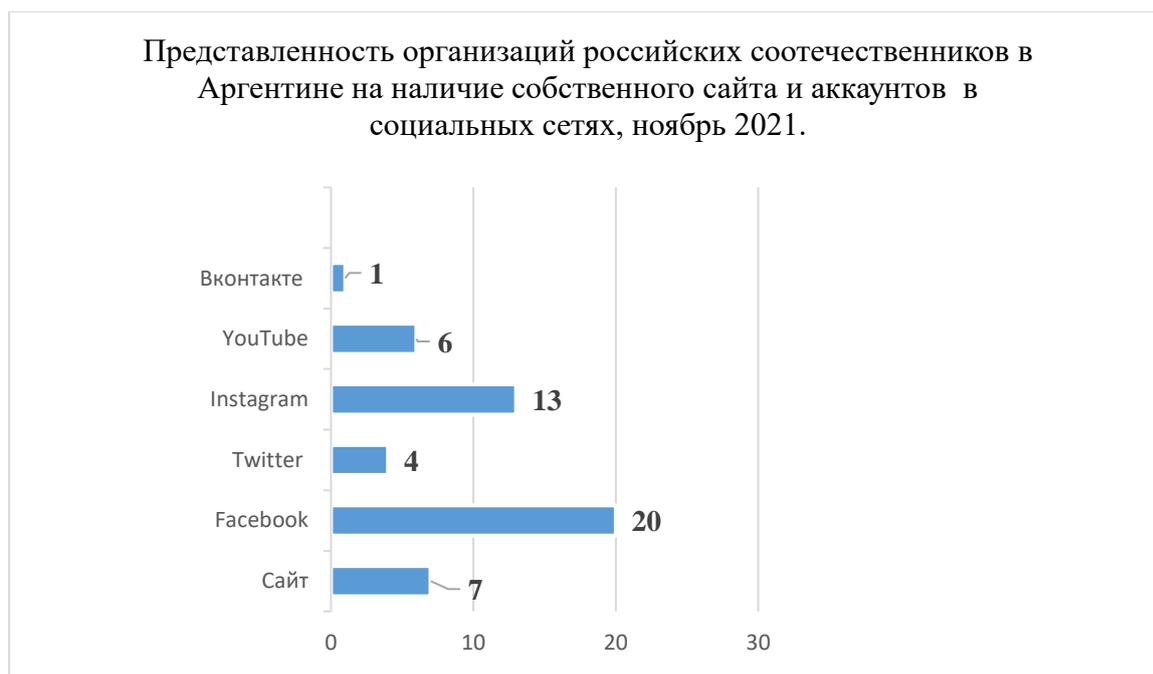
Исследование показало (диаграмма 6.)²⁹⁷, что в основном организации активно представлены в *Facebook* и *Instagram**. По данным на ноябрь 2021 г. наибольшим количеством подписчиков обладал Русский Дом в Мар дель Плата, Координационный совет организаций российских соотечественников. Наиболее широко в социальных сетях представлена Аргентинская и Южноамериканская епархия Русской православной Церкви (есть аккаунты в *Facebook*, *Instagram*** , *ВКонтакте*, *YouTube*, *Twitter****), однако количество подписчиков меньше, чем в вышеперечисленных организациях. В целом, в Аргентине действует очень много различных организаций российских соотечественников, которые представлены в системе КСОРС. Тем не менее, есть организации, которые вообще не представлены отдельным сайтом и аккаунтами в социальных сетях, и соответственно найти информацию о них довольно затруднительно, например, Движение дружбы и солидарности с ветеранами, героями Второй мировой войны и Фондом российских инвалидов войны, Клуб соотечественников в Аргентине FICIBRU, Федерация Советских Клубов, Ассоциация выпускников творческих вузов России и стран СНГ в Аргентине, Ассоциация международной гуманитарной помощи эмигрантов «Аист», Детский хор «Родничок», Театр «Сновидения», Школа фигурного катания.

²⁹⁷ Березина Е.К. Представленность организаций российских соотечественников в Аргентине на наличие собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях. Составлено автором (данные: ноябрь 2021).

* Социальные сети *Facebook* и *Instagram* официально заблокированы на территории РФ.

** Там же.

*** Социальная сеть *Twitter* официально заблокирована на территории РФ.

Таким образом, неофициальные институты публичной дипломатии, то есть организации российских соотечественников в Аргентине, стремятся развивать цифровую дипломатию, в соответствии с анализом аккаунтов 20 организациями российских соотечественников. Фактор пандемии COVID-19 и особенности современной международной обстановки ставят перед организациями российских соотечественников задачу повышения представленности на наличие собственного сайта и продвижению аккаунтов, в первую очередь, в российских социальных сетях на различных форумах и мероприятиях в Аргентине.

**** Примечание. Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС) в Аргентине, Молодёжный Координационный совет организаций российских соотечественников в Аргентине, Русский центр в Университете Буэнос-Айреса, Бессмертный Полк Аргентина, Комодоро – Ривадавия, Библиотека А.С. Пушкина, Культурный и спортивный клуб «ДНИПРО – А. Толстой», Культурный и спортивный клуб «Виссарион Г. Белинский», Культурный и спортивный клуб «В. Маяковский», Культурный и спортивный клуб «Максим Горький», Культурное сообщество «Николай А. Островский», Русский Дом в Мар дель Плата, Русский Дом в Паране, Русский Дом в Росарио, Русское сообщество Барилоче, Русский Дом на Краю Света (г. Ушуае), Российско-белорусское сообщество в Мисьонес, Ассоциация боевых искусств в Латинской Америке (филиал в Аргентине), Культурный центр «Аврора», Аргентинская и Южноамериканская епархия Русской Православной Церкви.

2.2. Ключевые направления и перспективные инструменты российской публичной дипломатии в Аргентине в сфере культуры и образования

Посольство России в Аргентине совместно с организациями российских соотечественников проводят различные культурно-массовые мероприятия, как и ежегодные, так и разовые, приуроченные к значимым датам в российской истории. Государственные и местные власти, культурные центры и университеты Аргентины также содействуют в поддержке проведения российских мероприятий по публичной дипломатии. В целом это соответствует задачам России в области укрепления позитивного восприятия России и ее культурно-гуманитарного влияния в мире,²⁹⁸ а, следовательно, поддержания общественной дипломатии.

Юбилейные и памятные даты: День защитника Отечества, День России, День Победы, День народного единства, День Космонавтики, Международный день молодежи, День дружбы единения славян, День славянской письменности и культуры, День иммигранта. Анализ аккаунтов организаций российских соотечественников в социальных сетях, показал, что часто публикуются посты, посвящённые истории и событиям Великой отечественной войны, российского космоса. Кроме того, отмечаются памятные даты, посвященные русским писателям, особенно А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского.

Массовые мероприятия: политические. При поддержке мэрии Буэнос-Айреса с 2016 г. ежегодно проводится политическая акция «Бессмертный полк». В 2018 г. в акции приняло участие 150 человек, а в 2019 г. в акции только в аргентинской столице приняло участие около 200 человек²⁹⁹. По состоянию на 2022 г. в аргентинской столице количество участников акции превысило 50 человек, включая сотрудников Посольства России и других росзагранпредставительств,

²⁹⁸ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. N 259) [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента России. – II. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201404210023.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).

²⁹⁹ Бессмертный полк прошел по городам Аргентины [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 04.05.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyy_polk_proshel_po_gorodam_argentiny_el_regimiento_inmortal_desfil_en_argentina/ (дата обращения: 26.04.2022).

соотечественников и представителей общественных организаций Аргентины³⁰⁰. Данное мероприятие направлено на развитие патриотического воспитания среди российских соотечественников и особенно молодежи в Аргентине.

Культурно-массовые мероприятия. Ежегодно в Буэнос-Айресе соотечественники проводят Фестиваль славянской культуры «Матушка Русь» (с 2009 г.). По состоянию на 2019 г. Фестиваль посетило около 10 тыс. человек³⁰¹. Из числа массовых мероприятий в Аргентине можно отметить проведение Всероссийского Географического диктанта (по состоянию на 11 ноября 2018 г., в нем приняли участие более 30 человек, включая дипломатов Посольства РФ)³⁰². С 2019 г. проводится Фестиваль российских фильмов³⁰³.

Проекты культурно-гуманитарного характера (фотовыставки, кинопоказы). В рамках укрепления культурно-гуманитарных связей в Аргентине проводятся различные выставки и кинопоказы. Среди исторических кинопоказов можно отметить в 2018 г. показ режиссерского дебюта К. Хабенского – художественного фильма «Собибор» в день 75-летия восстания под предводительством советского офицера А. Печерского в нацистском концлагере «Собибор», в столичном аргентинском кинотеатре «Космос» при поддержке Посольства России, представительства Россотрудничества и Гильдии кинорежиссеров Аргентины³⁰⁴. Одним из недавних мероприятий в области кинопоказа стало проведение кинофестиваля, посвящённого 90-летию со дня рождения выдающегося советского режиссера Андрея Тарковского в рамках реализуемой Фондом «Русский мир» программы Pax Russika в Русском доме в

³⁰⁰ Бессмертный полк в Аргентине [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 07.05.2023. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyu_polk_v_argentine/ (дата обращения: 31.01.2023).

³⁰¹ В Аргентине прошел юбилейный фестиваль «Матушка Русь» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 08.06.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_proshel_yubileynny_festival_matushka_rus/ (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰² О проведении в Аргентине Географического диктанта [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 27.10.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_argentine_geograficheskogo_diktanta/ (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰³ В Аргентине состоялось открытие Фестиваля российских фильмов [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 21.11.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_sostoyalos_otkrytie_festivalya_rossiyskikh_filmov/ (дата обращения: 25.04.2022).

³⁰⁴ О проведении в Буэнос-Айресе показа фильма К. Хабенского «Собибор» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 15.10.2018. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_buenos_ayrese_pokaza_filma_k_khabenskogo_sobibor/ (дата обращения: 26.04.2022).

Буэнос-Айресе. В программу фестиваля включены такие шедевры Тарковского, как «Иваново детство», «Сталкер», «Солярис», «Андрей Рублёв»³⁰⁵.

Среди выставок можно отметить фотоэкспозицию Русского географического общества «Самая красивая страна», а также выставку фотоматериалов из архивов Российского этнографического музея Санкт-Петербурга «Другие границы. Фотографируя далекий восток» (2018)³⁰⁶. В организациях российских соотечественников проводятся выставки, посвященные истории российского космоса, так и тематические проекты среди которых можно отметить Международную выставку фотографии «Санкт-Петербург - Поэтический город, отражение в зеркале» (2021) аргентинского престижного фотографа Диего Бланко, который выиграл международный проект «Санкт-Петербург. Взгляд иностранца».

Одним из направлений в области продвижения российской культуры является популяризация русских *фольклорных танцев и народных песен*, которые демонстрируют культурные и спортивные клубы, проводя танцевально-музыкальные фестивали и мероприятия.

В условиях пандемии COVID-19 мероприятия по культурно-гуманитарному характеру были переведены в цифровую плоскость. Из числа значимых мероприятий в 2020 г. в канун годовщины установления 135-летия российско-аргентинских дипломатических отношений состоялся онлайн круглый стол. В рамках круглого стола обсуждался ход реализации совместных проектов в области образования, науки и культуры, а также перспективы развития гуманитарного взаимодействия между Москвой и Буэнос-Айресом³⁰⁷. Представитель Россотрудничества в Аргентине О. Мурадова отмечает, что среди проживающих в Аргентине соотечественников и аргентинцев, интересующихся Россией, стали

³⁰⁵ Рах Russika: в Аргентине проходит кинофестиваль, посвящённый 90-летию Андрея Тарковского [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Русский мир. – 05.04.2022. URL: https://ruskiymir.ru/news/299579/?sphrase_id=1227357 (дата обращения: 13.04.2022).

³⁰⁶ О презентации выставки «Другие границы. Фотографируя далекий восток» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 27.09.2018. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_prezentatsii_vystavki_drugie_granitsy_fotografiruya_dalekiy_vostok/ (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰⁷ О мероприятии «Россия-Аргентина: 135 лет дружбы и сотрудничества. Культурно-гуманитарный вектор» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 21.10.2020. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_meropriyatii_rossiya_argentina_135_let_druzhby_i_sotrudnichestva_kulturno_gumanitarnyy_vektor/ (дата обращения: 26.04.2022).

особо востребованы различные тематические онлайн-акции такие, как литературные и музыкальные флешмобы «Памяти Великой Победы». В связи с пандемией большей популярностью стали пользоваться различные интернет платформы, что повысило реализацию отечественных культурно-гуманитарных проектов³⁰⁸.

Большое влияние на продвижение российской публичной дипломатии оказывает Аргентинская и Южноамериканская РПЦ. Представители РПЦ принимают участие в работе с организациями соотечественников, в том числе и с молодежью, в том числе проводят выставки и мероприятия, посвященные русскому православию. Например, Международные Рождественские образовательные чтения, Международная историческая выставка русских православных икон «Рострос Сантос» (сентябрь 2021) при поддержке Русского дома в Паране. В качестве актуальных событий можно отметить открытие «Дней православной книги» в Буэнос-Айресе при участии представителя Посольства России в Аргентине состоялась онлайн-конференция «Радость Слова». В выступлениях участников было подчеркнуто, что такие мероприятия помогают соотечественникам поддерживать духовную связь с исторической Родиной, а заинтересованным аргентинцам лучше узнать Россию и её народ. Прямая трансляция конференции прошла на YouTube-канале РЦНК³⁰⁹.

Популяризация российского образования. В первую очередь это мероприятия Россотрудничества как основного государственного института, реализующего важнейшие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление «мягкой силы» и международного престижа России, в сфере продвижения и закрепления позиций российского образования и русского языка за рубежом³¹⁰. Для реализации целей системной поддержки продвижения российского образования и укрепления

³⁰⁸ Немцев Ю. В условиях пандемии Россия и Аргентина развивают культурный и гуманитарный диалог [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 28.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰⁹ Об онлайн-конференции «Радость слова» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 16.03.2021. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_onlayn_konferentsii_radost_slova/ (дата обращения: 26.04.2022).

³¹⁰ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом [Электронный ресурс]. – 2014. URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (дата обращения: 01.05.2022).

положительного образа страны за рубежом представительства Россотрудничества консолидируют усилия по осуществлению экспертного, консалтингового, информационного, организационного и логистического сопровождения мероприятий и проектов российских образовательных организаций в сфере международного образовательного сотрудничества³¹¹. В 2020 г. в дистанционном режиме прошла работа по отбору кандидатов на обучение в российских вузах в рамках квоты Правительства РФ³¹². Анализ аккаунта Instagram Русского дома в Буэнос-Айресе в январе 2022 г. показал, что, российские крупнейшие вузы как СПбГУ, ЛЭТИ, Сибирский федеральный университет (СФУ) стремятся создавать небольшие ролики об обучении в университете и проводят презентации с целью популяризации российского образования и повышения интереса у аргентинской молодежи.

Значимая роль в области *популяризации и изучения русского языка* в Аргентине принадлежит Русскому дому (представительство Россотрудничества в Аргентине), оказывающему учебно-методическую поддержку образовательным организациям, в том числе Русской школе при Посольстве РФ в Аргентине, где русский язык преподаётся как иностранный, регулярно организует курсы подготовки преподавателей-русистов со всей страны, а также международное сертификационное тестирование в сотрудничестве с ведущими вузами России. В связи с пандемией, мероприятия по продвижению и изучению русского языка были переведены в онлайн-формат, что дало возможность изучать русский язык не только жителям столицы, но и других регионов. Под эгидой Россотрудничества прошел цикл просветительских мероприятий по продвижению русского языка, популяризации российской культуры и образования с участием ведущих образовательных организаций из России. В этой связи порядка 50 педагогов-русистов из Аргентины и более 500 специалистов из других стран смогли повысить

³¹¹ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом [Электронный ресурс]. – 2014. URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (дата обращения: 01.05.2022).

³¹² Немцев Ю. В условиях пандемии Россия и Аргентина развивают культурный и гуманитарный диалог [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 28.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (дата обращения: 26.04.2022).

свою профессиональную квалификацию, не выходя из дома³¹³. В рамках изучения русского языка, одним из направлений являются чтения произведений и стихотворений российских писателей. Одним из результатов этой деятельности стал запуск Координационным Молодежным Советом российских соотечественников проекта «Русская поэзия» в ознаменование Дня России (12 июня) и Дня русского языка (6 июня) в рамках которого русские и аргентинские участники из сообщества читают известные стихи на русском. Кроме того, можно отметить запущенный с ноября 2021 г. литературный проект «Читаем Достоевского», организованный при инициативе Экспертного Совета по Русскому языку при Всемирном Координационном Совете российских соотечественников за рубежом, Русском центре при Университете Буэнос-Айреса и Программы RAX RUSSIKA INEROAMERICA.

В рамках продвижения российской публичной и общественной дипломатии, по мнению главы парламентской Группы дружбы с Россией Карлоса Гастона Рома, необходимо знакомить аргентинцев с различными аспектами жизни России. То есть сделать её «более видимой»: проводить больше выставок и различных культурных мероприятий с российским участием, подключать к работе аргентинские государственные учебные заведения, в продвижении идеи создания кафедр по изучению русского языка в основных государственных университетах Аргентины по аналогии с уже действующими там кафедрами английского, французского, португальского и итальянского, которые получают полноценное государственное финансирование³¹⁴.

Результаты опроса в исследовании, проведенного среди респондентов показал, чтобы повысить интерес аргентинцев к российской культуре и высшему образованию необходимо предпринять следующие меры: 1) онлайн-курсы, изучение языка, образование; 2) подготовка образовательных онлайн курсов,

³¹³ Немцев Ю. В условиях пандемии Россия и Аргентина развивают культурный и гуманитарный диалог [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 28.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (дата обращения: 26.04.2022).

³¹⁴ Немцев Ю. Карлос Гастон Рома: Аргентине надо лучше узнавать Россию [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 23.12.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24916> (дата обращения: 26.04.2022).

тематических программ о российской культуре и истории; 3) образовательные ресурсы, культурные и языковые центры; 4) повышение активности российских общин (культурных); 5) увеличение количества культурных и научных мероприятий с использованием возможностей сети Интернет и информационно-коммуникационных технологий; разработка образовательных онлайн-курсов; 6) квоты российским студентам, академические программы, гастроли музеев и театров, перевод российских сайтов университетов на испанский язык, информирование аргентинцев через сайты посольства о возможностях в РФ; 7) развитие образовательных ресурсов онлайн, ориентированные на жителей Аргентины, открытие филиалов российских вузов, развитие сети российских испаноязычных СМИ в Аргентине; 8) интенсифицировать взаимодействие по линии вузов стран («мягкая сила» через подрастающее поколение), возможно продумать какие-то интересные проекты по линии обмена между ведущими театральными и музейными учреждениями России и Аргентины, возможно посмотреть реальный потенциал и возможности российской диаспоры (соотечественников) через возможности Россотрудничества; 9) культурные связи посредством открытия в стране русско-говорящих школ/ университетов, либо включение кафедр изучения языка и культуры в традиционных учебных заведениях страны. Расширение технологического и научного обмена (демонстрация/продвижение российских технопарков, компаний; студенческий/школьный обмен); 10) организация преподавания по российским стандартам. Организация рабочих конференций и совместных курсов в области здравоохранения, медицины и фармакологии. При этом один респондент считает, что необходимо начать с продумыванием плана.

В целом, деятельность по продвижению и распространению российской публичной дипломатии в Аргентине представляет собой комплекс мер во главе с Россотрудничеством, находящимся в тесном взаимодействии, в первую очередь, с организациями российских соотечественников, культурными и спортивными клубами, университетами, Аргентинской и Южноамериканской РПЦ,

направленными на проведение различных культурно-гуманитарных и образовательных мероприятий.

Таким образом, изучив потребности аргентинского общества, с учётом в первую очередь фактора COVID-19, России необходимо больше развивать *инструменты публичной дипломатии* под которыми понимаются коммуникационные средства или меры, необходимые для целевого воздействия на общественное мнение и экспертную аудиторию или достижения большого эффекта внешнеполитических инициатив, а именно за счёт продвижения российских социальных сетей и создания цифровых платформ, реализации конкретных проектов, открытия российских структур в аргентинских университетах (на примере кафедр русского языка и литературы), привлечения компаний в области научно-технологического обмена, развития сотрудничества на уровне медицинских учреждений.

В этом контексте необходимо выявить роль российских университетов в развитии и популяризации публичной дипломатии в Аргентине.

2.3. Роль российских университетов в развитии публичной дипломатии в Аргентине

На сегодняшний день университеты становятся важнейшими проводниками публичной дипломатии в области образования и науки. Российские университеты, наряду с научно-исследовательскими институтами становятся центрами, аккумулирующие экспертные знания и компетенции по международным процессам и проблемам современности. Организуя различные научные мероприятия, в том числе форумы, университеты выступают связующим звеном или площадкой для взаимодействия между представителями различных групп общества.

В настоящее время Россия заинтересована в повышении конкурентоспособности национальной системы высшего образования, интернационализации образования и науки, развитии и поддержании экспорта

образования за рубежом. Кроме того, деятельность российских вузов направлена на реализацию программ академической и научной мобильности, международных академических и исследовательских проектов. Официальные документы России ставят перед собой целью более широкого включения России в международное образовательное пространство, а именно всемерно способствовать экспорту российских образовательных услуг, расширению объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях посредством выделения государственных стипендий, а также на коммерческой основе, повышению привлекательности получения образования в Российской Федерации в целом³¹⁵. В этом контексте перед российскими образовательными организациями стоит первоочередная задача повышения их уровня конкурентоспособности и укрепления репутационного потенциала как внутри страны, так и за рубежом³¹⁶. В период с 2017 по 2025 г. российским правительством запущен проект *«Развитие экспортного потенциала российской системы образования»*, основной целью которого является повышение привлекательности и бренда российских образовательных программ для иностранных граждан и в целом на международном образовательном рынке. Результатом проекта должно стать увеличение объёмов выручки от экспорта образовательных услуг³¹⁷. Проект предполагает различные инициативы, ориентированные на иностранную аудиторию, как внедрение новых форм совместных образовательных программ, в том числе и на английском языке, а также развитие образовательных онлайн технологий, образовательные туристические маршруты и летние программы обучения. Кроме того, в целях продвижения бренда российского образования за рубежом необходимо активно задействовать российские загранпредставительства

³¹⁵ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – 18.12.10. – II. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 27.04.2022).

³¹⁶ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом [Электронный ресурс]. – 2014. URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (дата обращения: 01.05.2022).

³¹⁷ О приоритетном проекте «Экспорт образования» [Электронный ресурс] // Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 27.04.2022).

и ведущие СМИ, а также привлекать к участию российские вузы в международных выставках³¹⁸.

В области гуманитарного сотрудничества на сегодняшний день уделяется внимание изучению русского языка за рубежом, подготовке преподавателей-русистов. Русский язык должен оставаться важнейшим инструментом приобщения других народов к российской и мировой культуре, серьезным фактором формирования позитивного восприятия России в мировом сообществе³¹⁹. В российских документах подчеркнута, что в отношении стран Латинской Америки необходимо стремиться к стабилизации и углублению достигнутого уровня сотрудничества и культурного присутствия России с учетом взаимных интересов и материально-финансовых возможностей. Основной акцент в развитии и активизации сотрудничества с латиноамериканскими странами, включая Аргентину, необходимо делать на культурных и образовательных обменах, расширении системы подготовки иностранных специалистов на российской образовательной базе³²⁰.

Фактор пандемии COVID-19 ускорил процесс цифровизации российского образования, использования онлайн-платформ (Zoom, Tims), аккаунтов социальных сетей и информационных технологий в этой сфере.

На сегодняшний день действуют договорённости о сотрудничестве между российскими и аргентинскими вузами. Согласно результатам проведенного опроса, большинство респондентов оценивают степень вовлеченности российских университетов из ТОП-500 глобального рейтинга QS* в вопросе продвижения публичной дипломатии в Аргентине как удовлетворительную.

³¹⁸ О приоритетном проекте «Экспорт образования» [Электронный ресурс] // Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 27.04.2022).

³¹⁹ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – 18.12.10. – II. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 27.04.2022).

³²⁰ Там же. – III.

* QS – международный рейтинг университетов QS World University Rankings, ежегодно публикуется британской компанией Quacquarelli Symonds (QS), специализирующейся на образовании и обучении за рубежом.

Среди ключевых российских вузов, сотрудничающих с Аргентиной, можно выделить *Санкт-Петербургский государственный университета (СПбГУ)*. На сегодняшний день СПбГУ имеет действующие договоренности с 3 аргентинскими вузами. Рамочное соглашение о культурном, образовательном и научном сотрудничестве между СПбГУ и Национальным университетом Мар-дель-Платы (2021) предусматривает совместную научно-педагогическую деятельность; обмен приглашениями преподавателей для проведения семинаров и переговоров и/или участия в конференциях, дискуссиях и симпозиумах; совместное издание научных публикаций; обмен информацией; обмен административным персоналом, преподавателями и студентами на краткосрочное пребывание³²¹. Вторым значимым партнёром СПбГУ является Университет Аустраль. В настоящее время между университетами действует Меморандум о взаимопонимании (2005)³²², Рамочное соглашение о сотрудничестве (2018)³²³, Протокол об обмене студентами (2018)³²⁴. Так, Рамочное соглашение о сотрудничестве направлено на разработку совместных исследовательских проектов; организацию совместных академических и научных мероприятий, таких как курсы, конференции, семинары, симпозиумы или лекции; академический и научный обмен; студенческий обмен; обмен публикациями и другими информационными материалами, представляющими взаимный интерес³²⁵. В 2021 г. СПбГУ заключил Рамочное соглашение о сотрудничестве с Католическим университетом Ла-Платы, предусматривающее

³²¹ Framework agreement for cultural, educational and scientific cooperation between Universidad Nacional de La Plata, Argentina, and the Saint Petersburg State University, of Russian Federation [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 08.06.2021. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2021-123.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³²² Memorandum of Understanding between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2005. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2005-025.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³²³ Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2018. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³²⁴ Protocol on student exchange between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2018. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-275.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³²⁵ Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2018. – П.1.1. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

реализацию образовательных проектов, в том числе, разработку и реализацию образовательных программ³²⁶.

На протяжении многих лет СПбГУ является одним из успешных вузов, продвигающим научное направление в сфере публичной дипломатии на примере проведения Ибероамериканского форума. Этот факт подтверждает и результаты вышеупомянутого опроса, где Форум занял первое место среди мероприятий по продвижению российской публичной дипломатии. В целом состоялось уже пять форумов (2013 г., 2015 г., 2017 г. и 2019 г., 2021). За это время форум значительно расширился – если в 2013 году число его участников составляло 300 человек, то в 2019-м их было уже 700³²⁷. Среди участников прошедших форумов можно отметить заместителя министра иностранных дел С.А. Рябкова, известного журналиста-международника, заместителя директора ВГТРК «Россия» С. Брилёва, председателя 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2018-2019 гг.) Марию Фернанда Эспиноса Гарсес, экс-президент Бразилии Дилма Русеф³²⁸.

Один из крупнейших российских вузов, *Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (СПбПУ)*, имеет партнёрские отношения с Технологическим университетом Буэнос-Айреса, Национальным университетом провинции Буэнос-Айрес³²⁹. Делегаты Национального университета провинции Буэнос-Айреса приняли участие на переговорах Ежегодного Международного Форума «Международная Политехническая Неделя», проходившего с 22-27 мая 2017 г.³³⁰ Кроме того, СПбПУ активно ведёт диалог с Русским домом в Буэнос-Айресе в области популяризации русского языка

³²⁶ Рамочное соглашение о сотрудничестве между Санкт-Петербургским государственным университетом, Российской Федерация и Католическим университетом Ла-Платы, Аргентина [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2021. – П.1.1. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2022-006.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³²⁷ Кропачев Н.М. Международная деятельность СПбГУ как элемент «мягкой силы» РФ [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – 16.11.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mezhdunarodnaya-deyatelnost-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kak-element-myagkoy-s/> (дата обращения: 28.04.2022).

³²⁸ Там же.

³²⁹ Зарубежные партнеры [Электронный ресурс] // Сайт СПбПУ. URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (дата обращения: 28.04.2022).

³³⁰ Международный форум «Международная Политехническая Неделя – 2017» [Электронный ресурс] // Сайт СПбПУ. URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/international-polytechnic-week/international-polytechnic-week-2017/> (дата обращения: 28.04.2022).

и культуры в целом, так и продвижения образовательного и научного потенциала российских университетов в Аргентине. Одним из совместных мероприятий стало проведение в мае 2022 г. международного вебинара для абитуриентов и студентов из стран Латинской Америки. Помимо этого, стороны обсуждают вопросы продвижения международных краткосрочных программ для студентов из Аргентины и межвузовское партнерство с аргентинскими университетами³³¹.

Среди петербургских вузов *Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО)* имеет партнёрские отношения с Национальным университетом «Вилла Мария», Национальным университетом «Дель Литорал», Национальным университетом «Энтре-Риос»³³². Одним из зарубежных партнеров *СПбГЭТУ «ЛЭТИ»* в области образовательной деятельности и научно-технического сотрудничества является Национальный университет Ла-Платы³³³.

Финансовый университет при Правительстве РФ имеет договоренности с Университетом Буэнос-Айреса и Университетом Кордобы³³⁴. Сотрудничество с Университетом Буэнос-Айреса предусматривает программу «включенного обучения»* для студентов-экономистов бакалавриата и магистратуры³³⁵. Кроме того, для аргентинских преподавателей в Университете действует Программа «Приглашенный профессор», которая повышает уровень интернационализации научно-преподавательского состава университета, способствует развитию качества

³³¹ На связи Латинская Америка: Политех и Россотрудничество провели международный вебинар для иностранных абитуриентов [Электронный ресурс] // Сайт СПбПУ. – 20.05.2022. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/na-svyazi-latinskaya-amerika-politekh-i-rossotrudnichestvo-proveli-mezhdunarodnyy-vebinar-dlya-inost/?sphrase_id=2624262 (дата обращения: 08.08.2022).

³³² ВУЗЫ - партнёры Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) [Электронный ресурс] // Сайт ИТМО. URL: http://www.ifmo.ru/ru/page/148/akademicheskie_partnery.htm (дата обращения: 28.04.2022).

³³³ Зарубежные партнеры [Электронный ресурс] // Сайт СПбГЭУ «ЛЭТИ». URL: <https://etu.ru/ru/mezhdunarodnaya-deyatelnost/zarubezhnye-partnery-spbgetu-leti/> (дата обращения: 28.04.2022).

³³⁴ Зарубежное партнерство [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/partners.aspx> (дата обращения: 28.04.2022).

* Программа предполагает прохождение обучения в иностранном вузе-партнере на один учебный семестр без получения диплома принимающего учебного заведения.

³³⁵ Программа «Включенное обучение». Аргентина [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. URL: <http://www.fa.ru/international/Documents/%d0%90%d1%80%d0%b3%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b8%d0%bd%d0%b0%20%d0%92%d0%9e%20%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b9%20%281%29.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

реализуемых образовательных программ и усиливает конкурентоспособность выпускников Университета на национальном и международном рынках труда³³⁶.

Значимым событием российско-аргентинских отношений стало открытие в 2018 г. Русского центра в Университете Буэнос-Айреса при Фонде «Русский мир». Деятельность Центра направлена на распространение русского языка и культуры в рамках университета³³⁷. Одним из результатов работы Центра стал запуск в мае 2021 г. курса Русского языка (РКИ) под названием «Русский для Всех». Курс принадлежит *Российскому университету дружбы народов (РУДН)* и основан на 60-летнем опыте преподавания русского языка как иностранного и являясь самым интернациональным университетом России. В 2020 г. РУДН открыл Цифровой подготовительный факультет. Цифровой подготовительный факультет – это международная модель обучения иностранных граждан по программам подготовительных факультетов российских вузов, реализуемая полностью или частично в дистанционном (удаленном) режиме. Также между Университетом Буэнос-Айреса и РУДН действует Соглашение о сотрудничестве (2019), направленное на создание совместных образовательных программ³³⁸. Руководитель Русского центра в Буэнос-Айрес, Сильвана Ярмолук-Строганова, отметила, что ряд аргентинских вузов заинтересован в открытии кафедр русского языка, поскольку интерес к России и русскому языку растёт³³⁹. Необходимо отметить, что между РУДН и Университетом Буэнос-Айреса имеются договоренности и на уровне факультетов, а именно Протокол о намерениях с аграрным факультетом Университета Буэнос-Айреса (2013), Протокол о намерениях с факультетом Ветеринарии Университета Буэнос-Айреса (2015), Carta de intencion entre la facultad agraria URAP y la facultad de agronomia de la UBA (2013).

³³⁶ Программа «Приглашенный профессор» [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/professor.aspx> (дата обращения: 28.04.2022).

³³⁷ Principal universidad de Buenos Aires inaugura un Centro Ruso [Электронный ресурс] // Sputnik Mundo. – 28.11.2018. URL: <https://mundo.sputniknews.com/america-latina/201811281083744761-rusia-y-argentina-proyectos-y-colaboracion/> (дата обращения: 28.04.2022).

³³⁸ РУДН и Университет Буэнос-Айреса создадут совместные учебные программы [Электронный ресурс] // ТАСС. – 24.11.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7188945> (дата обращения: 28.04.2022).

³³⁹ РУДН и Университет Буэнос-Айреса создадут совместные учебные программы [Электронный ресурс] // Фонд Русский мир. – 25.11.2019. URL: <https://russkiymir.ru/news/265451/> (дата обращения: 28.04.2022).

Помимо Университета Буэнос-Айрес, РУДН имеет Соглашение о сотрудничестве с Национальным университетом Кордовы³⁴⁰.

С Русским центром в Буэнос-Айресе сотрудничает *Южный федеральный университет (ЮФУ)*. Так, например, во время визита 27 ноября 2019 г. делегации ЮФУ в Центр затрагивались вопросы о создании на базе Филологического Факультета Университета Буэнос-Айреса кафедры русского языка и о сотрудничестве специалистов разных научных областей в совместных проектах³⁴¹.

При анализе официальных сайтов российских и аргентинских вузов были выявлены и другие договоренности о сотрудничестве, которые по своей форме и содержанию представляют рамочные соглашения о сотрудничестве: Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Юго-Западный государственный университет, Уральский федеральный университет с Южным национальным университетом (Аргентина)³⁴²; Юго-Западный государственный университет и Университет Аустраль³⁴³; Аргентинский Национальный университет им. Сан-Мартина и Российский государственный гуманитарный университет³⁴⁴; Университет предпринимательства Аргентины и Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Государственный университет управления³⁴⁵. Среди договоренностей между российскими и аргентинскими вузами можно отметить Меморандум о взаимопонимании по научному

³⁴⁰ Международное сотрудничество [Электронный ресурс] // Сайт РУДН. URL: <https://www.rudn.ru/sveden/inter/> (дата обращения: 01.02.2023).

³⁴¹ Делегация ЮФУ посетила с рабочим визитом Русский центр Университета Буэнос-Айреса [Электронный ресурс] // Сайт Южного федерального университета. – 27.11.2019. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/61953> (дата обращения: 01.05.2022).

³⁴² Convenios Nacionales e Internacionales [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional del Sur. URL: http://www.cooperacion.uns.edu.ar/index.php/nacinternac?option=com_joodb&view=catalog&format=html&reset=false&ordering=&orderby=&Itemid=116&task=&gs%5Banio_ci%5D%5B%5D=&gs%5Bpais%5D%5B%5D=Rusia&gs%5Bcategoria%5D%5B%5D=&gs%5Btipo%5D%5B%5D=&gs%5Bgeneradox%5D%5B%5D=&search=search...&searchfield=&limit=10 (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴³ Партнеры ЮЗГУ [Электронный ресурс] // Сайт Юго-Западного государственного университета. URL: <http://dms.swsu.ru/partnery-vuza/> (дата обращения: 01.11.2022).

³⁴⁴ Convenios bilaterales [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional de San Martín Argentina. URL: <http://www.unsam.edu.ar/internacional/convenios/?pais=rusia> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴⁵ Universidades con Convenio para Intercambios – Partner Universities Nivel Grado – Undergraduate Level [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Argentina de la Empresa. URL: http://www.marketing.uade.edu.ar/Partner%20Universities_Undergraduate%20Level.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

сотрудничеству и обмену между Национальным университетом «Дель Литорал» и Московским государственным университетом³⁴⁶.

Согласно результатам проведенного опроса, респондентами было отмечено, в условиях продолжающейся пандемии COVID-19 необходимо, в первую очередь, расширять сети контактов российских вузов с ведущими аргентинскими университетами для улучшения возможностей исходящей академической мобильности (оффлайн и онлайн) и разрабатывать образовательные онлайн-курсы, ориентированные на аргентинских студентов.

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 и глобальной цифровизации приоритетными направлениями российско-аргентинского научно-образовательного сотрудничества должны стать обмен методиками в области онлайн-обучения и курсов, создание Россией реальных инструментов взаимодействия с аргентинскими университетами, а именно кафедр русского языка, совместных образовательных программ, грантовых программ, стипендий, а также привлечения аргентинских молодых экспертов на российские научные форумы и конференции. В этом контексте большой потенциал приобретает тематика научных разработок и возможностей в рамках дипломатии вакцины, а также зелёных умений и навыков в контексте достижения целей устойчивого развития ООН.

В настоящее время российско-аргентинские отношения обладают потенциалом, которые базируются на принципах многополярности, прагматизма и невмешательства. В связи с геополитическим противостоянием России с США и их союзниками и обострением кризиса на постсоветском пространстве в начале 2022 г. Россия ориентирована на поиск и сотрудничество с партнёрами из развивающихся стран, как Аргентина. Этому способствовала и пандемия COVID-19, последствия которой открыли возможности экспорта российских вакцин и их разработок (на примере «Спутник V»). Кроме того, Аргентина остается одним из

³⁴⁶ Convenios [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional del Litoral. URL: <https://www.unl.edu.ar/internacionalizacion/categorias/cooperacion-internacional/convenios/> (дата обращения: 28.04.2022).

ключевых российских партнеров в области двустороннего торгово-экономического сотрудничества, так и взаимодействия в рамках международных организаций и форумов.

Каналы коммуникации по продвижению и распространению российской публичной дипломатии в Аргентине осуществляются через официальные и неофициальные институты. В целом публичная дипломатия в Аргентине представляет собой комплекс мер во главе Россотрудничеством, находящимся в тесном взаимодействии, в первую очередь, с организациями российских соотечественников, культурными и спортивными клубами, университетами, Аргентинской и Южноамериканской РПЦ. В Аргентине действует более 20 организаций российских соотечественников, которые стремятся развивать свою представленность и деятельность в социальных сетях.

С учётом фактора пандемии COVID-19 и усиления цифровизации, необходимо больше развивать коммуникационные инструменты по продвижению публичной дипломатии в Аргентине с использованием российских социальных сетей и отечественных цифровых платформ, реализацию конкретных культурно-гуманитарных проектов, открытие российских структур в аргентинских университетах (на примере кафедр русского языка и литературы), привлечение российских компаний в области научно-технологического обмена и разработок; а также развитие сотрудничества в области здравоохранения за счёт проведения тематических мероприятий.

В этом контексте повышается роль российских университетов в развитии публичной дипломатии и её разновидностей (научная и экспертная дипломатия) в Аргентине. Российские университеты, включая исследовательские организации, являются не только центрами, аккумулирующими экспертизу и компетенции, но и выступают дискуссионными площадками (на примере Иberoамериканского форума в СПбГУ), где взаимодействуют представители государственной власти, НПО/НКО, бизнеса и СМИ.

Сотрудничество между российскими и аргентинскими вузами в основном строится на соглашениях о сотрудничестве или меморандумах в области обмена

студентами и преподавателями и мало содержат конкретные инициативы или совместные проекты. Среди российских вузов, которые наиболее активно сотрудничают с аргентинскими можно отметить СПбГУ, СПбПУ, ИТМО, Финансовый университет при Правительстве РФ, РУДН.

Заключение

Исследование показало, что термин «публичная дипломатия», являющаяся инструментом «мягкой силы», может быть определен как коммуникационная способность государства в целях реализации государственной внешней политики с использованием инструмента международно-гражданского сотрудничества. Анализ источников по публичной дипломатии показал, что в настоящее время каждое государство имеет отдел или подразделение в структуре внешних связей, в компетенции которого входит информационное и экспертное сопровождение публичной дипломатии. Сравнивая американский, европейский, китайский и российский подходы, было выявлено, российская публичная дипломатия во многом унаследовала черты советской публичной (народной) дипломатии. Среди её особенностей можно выделить: недостаточно выстроенную систему институтов публичной дипломатии, но при этом и привлекательность практических мероприятий в рамках популяризации российской «высокой» культуры и национальной системы образования, ориентацию на работу с деловыми кругами, молодежью, лидерами общественной и экспертной аудитории. На сегодняшний день ключевой проблемой остается размытое понимание составляющих «мягкой силы», а, следовательно, и интерпретации публичной дипломатии и границ применения данного термина. Российский подход переводит «public diplomacy» как публичная дипломатия, общественная дипломатия и народная дипломатия, однако, больше всего прижился термин и мероприятия общественной дипломатии. В целом изучение публичной дипломатии строится на междисциплинарном подходе.

Трансформацию публичной дипломатии в цифровую эпоху можно представить следующими этапами: 1) появление электронного правительства; 2) появление и развитие социальных сетей; 3) эпоха вынужденной цифровизации COVID-19. Фактор пандемии COVID-19 усилил цифровизацию и использование различных информационных средств и платформ публичной дипломатии как сайты, социальные сети, различные платформы, которые выступают

инструментами коммуникационного взаимодействия и влияния на целевую аудиторию за рубежом. Опыт России в борьбе с такими вызовами как пандемией COVID-19 во многом демонстрирует успех в области продвижения национальной вакцины за рубежом, в том числе и в латиноамериканские страны. Речь идет об усилении как существующих направлений публичной дипломатии, так и формирование новых её разновидностей как фармацевтическая дипломатия, дипломатия вакцины. Потенциал цифрового инструментария активно используется в латиноамериканских странах как во время внутривнутриполитической кампании, так и популярен среди отдельных политических лидеров в качестве эффективного средства коммуникации с гражданским обществом. Несмотря на преимущества цифровой публичной дипломатии, в частности, широкий географический охват, доступность трансляции и популяризации своей точки зрения в сети, а также ускоренный обмен информацией, тем не менее, был выявлен ряд её недостатков. Во-первых, использование онлайн формата снижает качество воспринимаемой собеседником информации, во многом из-за ограниченности невербальных контактов. Во-вторых, существуют риск утечки персональных данных и установления контроля над личностью со стороны государства и заинтересованных групп. В-третьих, современные события на международной арене и информационные войны показывают, что активное использование социальных сетей и вовлечение граждан в цифровую коммуникацию, создают условия для распространения дезинформации и масштабного применения манипулятивных технологий со стороны внешних игроков, что негативно сказывается на управляемости государства.

Анализ соотношения официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии показал, что неофициальные институты, оказывая влияния на принятие внешнеполитических решений официальными институтами, выполняют функцию поддержки, трансляции инициатив официальных институтов, продвижения их ценностей, установок и национального имиджа в коммуникационной среде Аргентины. Согласно проведенному опросу в

период с октября 2021 г. по январь 2022 г. наибольшую оценку среди социальных сетей российской публичной дипломатии получила социальная сеть Facebook*, что свидетельствует о низком рейтинге российских социальных сетей, а, следовательно, и эффективности российской цифровой публичной дипломатии. С учётом фактора пандемии COVID-19 и обострения кризиса на постсоветском пространстве в начале 2022 г. перед российской публичной дипломатией в Аргентине стоят следующие задачи: 1) повышение информационной безопасности и разработка стратегии или соответствующего документа, регламентирующего публичную дипломатию, включая систему региональных приоритетов; 2) принятие плана российско-аргентинского сотрудничества в сфере культуры; 3) повышение представленности институтов публичной дипломатии (в особенности неофициальных) на информационном пространстве, в первую очередь за счёт продвижения российских социальных сетей и создания отечественных платформ; 4) увеличение финансирования на мероприятия российских официальных институтов публичной дипломатии, поддержки инициатив неофициальных институтов в Аргентине со стороны государства, частных лиц.

В настоящее время российско-аргентинские отношения базируются на принципах многополярности, прагматизма и невмешательства во внутренние дела. В связи с геополитическим и ценностным противостоянием России с США и их союзниками, во многом усиленными кризисами и событиями на постсоветском пространстве в начале 2022 г., Россия будет ориентироваться на сотрудничество с Китаем, а также преимущественно развивающимися странами из Азии, Латинской Америки и Африки. Несмотря на то, что Аргентина осудила специальную военную операцию, страна не вводила санкций против России, стремится проводить независимый курс во внешней политике, ориентированный на антиамериканизм. Также Аргентина придерживается принципов международного права, невмешательства в дела евразийского континента, выступает за мирное

* Социальная сеть Facebook официально заблокирована на территории РФ.

урегулирование конфликтов. Аргентина остается одним из ключевых российских партнеров в рамках международных организаций и форумов (ООН, G20, Петербургский международный экономический форум), а также выражает желание присоединиться к БРИКС. Фактор пандемии COVID-19 позитивно сказался на российско-аргентинских отношениях, открыв возможности экспорта российских вакцин и их разработок (на примере «Спутник V»). Тем не менее существует ряд существенных проблем российско-аргентинских отношений, во-первых, обострение кризиса на постсоветском пространстве в целом усложнило транспортную логистику между Россией и Латинской Америкой; во-вторых, на сегодняшний день отсутствует выработанная двусторонняя стратегия или обновленный план российско-аргентинских отношений; в-третьих, остается проблема диверсификации торгово-экономического сотрудничества между Россией и Аргентиной.

В целом институциональная модель публичной дипломатии в Аргентине представляет собой комплекс мер во главе Россотрудничеством, находящимся в тесном взаимодействии, в первую очередь, с организациями российских соотечественников, культурными и спортивными клубами, университетами. Правительство Аргентины и местные власти, культурные центры и университеты Аргентины также содействуют в поддержке проведения российских мероприятий по публичной дипломатии. Ключевыми направлениями российской публичной дипломатии является организация празднования российских юбилейных и памятных дат, дней культуры; проведение политических и культурно-массовых мероприятий; реализация проектов культурно-гуманитарного характера (фотовыставки, кинопоказы); проведение мероприятий Аргентинской и Южноамериканской РПЦ; популяризация русских фольклорных танцев и народных песен. Одним из важнейших направлений российской публичной дипломатии является популяризация российского образования и изучение русского языка, главными институтами которого выступает Русский дом (представительство Россотрудничества в Аргентине), Русский центр при Университете Буэнос-Айрес.

С учётом фактора пандемии COVID-19 и обострения кризиса на постсоветском пространстве в 2022 г. России необходимо больше развивать инструменты по продвижению публичной дипломатии в Аргентине, с акцентом на коммуникационные средства или меры, необходимые для целевого воздействия на общественное мнение и экспертную аудиторию или достижения большого эффекта внешнеполитических инициатив. Речь идет о продвижении российских социальных сетей и создании отечественных цифровых платформ, реализации долгосрочных конкретных культурно-гуманитарных проекты в области изучения русской истории и культуры, открытии российских структур в аргентинских университетах (на примере кафедр русского языка и литературы), привлечении российских компаний в области научно-технологических разработок в Аргентине; а также развитие сотрудничества в области здравоохранения и медицины за счёт проведения тематических мероприятий и совместных исследований.

На современном этапе роль российских университетов в развитии публичной дипломатии в Аргентине заключается в создании образовательных инициатив и проектов, а также продвижении научной и экспертной дипломатии. Российские университеты, аккумулирующими экспертизу и компетенции, выступают дискуссионными площадками, где взаимодействуют представители государственной власти, НПО/НКО, бизнеса и СМИ, что оказывает влияние на принятие внешнеполитических решений. Сотрудничество между российскими и аргентинскими вузами в основном строится на соглашениях о сотрудничестве или меморандумах в области обмена студентами и преподавателями, и редко содержит конкретные инициативы или совместные проекты. Исследование показало, что актуальными направлениями сотрудничества между российскими и аргентинскими вузами в контексте интернационализации могут стать следующие: 1) улучшение возможностей исходящей академической мобильности, не только оффлайн, но виртуальной (онлайн) мобильности; 2) запуск различных онлайн-курсов в целях повышения о российском образовании, культуре; 3) реализация программ по обучению русского языку в аргентинских вузах преподавателей из российских университетов.

Представляется, что в связи с обострением кризиса на постсоветском пространстве и усилением противостояния России со странами Запада в лице США, российские вузы обновят свои стратегии по интернационализации и будут больше развивать отношения с дружественными странами. В этом контексте повысится спрос на страны Латинской Америки, где Аргентина обладает большим потенциалом по выстраиванию долгосрочного сотрудничества с Россией.

Список литературы

Официальные документы

1. Концепция внешней политики РФ [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – 2016. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 21.04.2022).
2. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. N 259) [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента России. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201404210023.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).
3. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом. – 2014. – URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (дата обращения: 01.05.2022).
4. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительственным Секретариатом по агроиндустрии Министерства производства и труда Аргентинской Республики о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. – 2019. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (дата обращения: 31.10.2022).
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1> (дата обращения: 05.07.2022).

6. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России – 18.12.10. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 27.04.2022).
7. Рамочное соглашение о сотрудничестве между Санкт-Петербургским государственным университетом, Российская Федерация и Католическим университетом Ла-Платы, Аргентина [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2021. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2022-006.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
8. Распоряжение Президента РФ от 02 февраля 2010 г. № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам»» [Электронный ресурс] // Сайт АО «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196319> (дата обращения: 25.04.2022).
9. Распоряжение Президента РФ от 2 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6633399/> (дата обращения: 25.04.2022).
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Аргентины о культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. // АО «Кодекс». – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824870> (дата обращения: 26.04.2022).
11. Указ Президента РФ от 06.09.2008 N 1315 (ред. от 24.10.2018) «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству») [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfaa166410dc332cad218c75aba94aca5/ (дата обращения: 25.04.2022).

12. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" [Электронный ресурс] // Гарант ру. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1564370/> (дата обращения: 12.09.2022).
13. Указ Президента РФ 21 июня 2007 г. № 796 "О создании фонда "Русский мир" [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902047878> (дата обращения: 23.11.2022).
14. Устав РСМД [Электронный ресурс] // Сайт Российского совета по международным делам (РСМД). – URL: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (дата обращения: 25.04.2022).
15. Устав Фонда «Русский мир» от 28 марта 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/ustav.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
16. Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
17. Framework Agreement for cultural, educational and scientific cooperation between Universidad Nacional de La Plata, Argentina, and the Saint Petersburg State University, of Russian Federation [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 08.06.2021. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2021-123.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
18. Memorandum of Understanding between Saint Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр международных соглашений СПбГУ. – 2005. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2005-025.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
19. Protocol on student exchange between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Электронный ресурс] // Реестр

международных соглашений СПбГУ. – 2018. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-275.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

Литература на русском языке

20. Астахов, Е.М. Русский мир в Аргентине / Е.М. Астахов // Латинская Америка. – 2015. – № 2. – С. 59-68.
21. Барышников, Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д.Н. Барышников, А.Ю. Туленков // Вестник СПбГУ. – Сер.6. – 2012. – Вып. 4. – С. 121-128.
22. Белов, С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» / С.И. Белов // Вестник Московского государственного университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №1. – С. 165-184.
23. Бережная, М.И., Щегорцов В.А. Публичная дипломатия как тренд мирового глобального развития / М.И. Бережная, В.А. Щегорцов // Экономика и политика. – 2014. – № 1(2). – С. 22-30.
24. Березина, Е.К. Андское сообщество — Евразийский экономический союз: есть ли перспективы? / Е.К. Березина // Латинская Америка. – 2023. – №3. – С. 90-103.
25. Березина, Е.К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами (часть 2) / Е.К. Березина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – №1 (39). – С. 68-76.
26. Березина, Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты / Е.К. Березина // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С. 25-41.
27. Березина, Е.К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление-Латинская Америка / Е.К. Березина, А.В. Торопыгин // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3 (147). – С. 43-57.

28. Борейко, А.В. Эволюция кубинской медицинской дипломатии // Ибероамериканские тетради. – 2020. – Т.8. – № 4. – С. 92-104.
29. Борисов, А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания / А.В. Борисов // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т.7. – № 2. – С. 130-141.
30. Бурлинова, Н.В. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2021, – 36 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
31. Ведмецкая, Л.В. Динамические способности государства и политика развития: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб.: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2013. – 194 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-sposobnosti-gosudarstva-i-politika-razvitiya> (дата обращения: 14.09.2022).
32. Великая, А.А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога / А.А. Великая // Международная жизнь. – 2016. – №2. – С. 154-164.
33. Великая, А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль и развитии двустороннего диалог // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2019. – Т.12. – Вып. 4. – С. 500–517.
34. Великая, А.А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке / А.А Великая // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 169-187.
35. Вольманн, Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» / Х. Вольманн // Социологические исследования. – 2010. – №10. – С. 93-99.

36. Ворочков, А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт / А.П. Ворочков // *Управленческое консультирование*. – 2021. – № 7. – С. 80-96.
37. Галларотти, Дж. Как измерять мягкую силу в международных отношениях / Дж. Галларотти // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – Т.29. – №1. – С. 89-103.
38. Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. – М.: РОССПЭН, 2006. – 384 с.
39. Гульбина, Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта / Н.И. Гульбина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2004. – №283. – С.123-128.
40. Гутенёв, М.Ю. Научная дипломатия как инструмент внешнеполитических целей / М.Ю. Гутенёв // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65. – № 6. – С.119-127.
41. Зонова, Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – 336 с.
42. Кошкар-оол, А.А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции [Электронный ресурс] / А.А. Кошкар-оол // *Международные коммуникации*. – 2019. – № 1(10). – URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication> (дата обращения: 12.09.2022).
43. Кропачев, Н.М. Международная деятельность СПбГУ как элемент «мягкой силы» РФ [Электронный ресурс] / Н.М. Кропачев // *Российский совет по международным делам (РСМД)*. – 16.11.2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mezhdunarodnaya-deyatelnost-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kak-element-myagkoj-s/> (дата обращения: 28.04.2022).

44. Лебедева, О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе / О.В. Лебедева // *Международная жизнь*. – 2016. – № 9. – С.76-84.
45. Лебедева, О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент / О.В. Лебедева // *Международная жизнь*. – 2019. – № 5. – С.102-111.
46. Леонов, Е. Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях Covid-19 / Е. Леонов // *Международная жизнь*. – 2021. – № 1. – С.20-27.
47. Литвак, Н.В. Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах: философский и социополитические аспекты / Н.В. Литвак // *Вестник РГГУ. Серия «Политология История. Международные отношения»*. – 2020. – №1. 2020. – С. 99-108.
48. *Мировая политика и международные отношения: Учебник* / В.А. Ачкасов, С.А. Ланцов. – М: Аспект Пресс, 2011. – 480 с.
49. Норт, Д. Институты, институциональные изменения функционирование экономики [Электронный ресурс] \ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. – 180 с. – (Современная институционально-эволюционная теория). – URL: <http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf> (дата обращения: 08.08.2022).
50. Пашенцев, Е.Н. Россия и Аргентина: от консульских отношений до стратегического партнерства. Что дальше? / Е.Н. Пашенцев // *Латинская Америка*. – 2016. – № 11. – С.58-67.
51. Пермякова, Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты [Электронный ресурс] / Л. Пермякова // *Российский совет по международным делам (РСМД)*. – 27.09.2012. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrumen/> (дата обращения: 11.09.2022).

52. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А. И. Соловьев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 256 с.
53. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. – 311 с.
54. Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Панова и О.В. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 208 с.
55. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 272 с.
56. Ровинская, Т.Л. Роль новых цифровых технологий в период кризиса (Пандемия 2019-2021) / Т.Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т.65. – № 6. – С. 95-106.
57. Розенталь, Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы / Д.М. Розенталь // Латинская Америка. – 2018. – №10. – С. 49-60.
58. Рябиченко, А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня [Электронный ресурс] / А. Рябиченко // Российский совет по международным делам (РСМД). – 16.11.2018. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 25.04.2022).
59. Сизоненко, А.И. Отношения СССР со странами Латинской Америки в 1945 – 1991 годах // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанова (сост.). – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – 77 с.
60. Сморгунов, Л. В. Сравнительная политология: учебник для вузов / Л. В. Сморгунов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 417 с.
61. Троянский, М.Г. Современный латиноамериканский вектор внешней политики России / М.Г. Троянский // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 3 (17). – С. 17-32.

- 62.Хейфец, В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых / В.Л. Хейфец // Латинская Америка. – 2021. – №5. – С. 50-68.
- 63.Цветкова, Н.А., Кузнецов, Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике / Н.А. Цветкова Н.А, Н.М. Кузнецов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2020. – № 4. – С.27-44.
- 64.Цветкова, Н.А. Публичная дипломатия США / Н.А. Цветкова // Международные процессы. – 2015. – Т.13. – № 3. – С. 121-133.
- 65.Цветкова, Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – 2020. – №2. – С. 37-47.
- 66.Цвык, Г.И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) / Г.И. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 135-144.
- 67.Щетинин, А.В. Латинская Америка – неизменно важное направление внешней политики России /А.В. Щетинин // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С.40-47.
- 68.Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 [Электронный ресурс] / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 58 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).
- 69.Юрина, Н.С. Неинституциональный подход в политических исследованиях: теоретические предпосылки формирования / Н.С. Юрина // Вестник

Московского государственного университета. Серия 7. – 2016. – № 5. – С. 60-69.

70. Яковлева, Н.М. Аргентина: актуальная повестка новых властей / Н.М. Яковлева // Латинская Америка. – 2020. – №3. – С.6-17.

Литература на иностранном языке

71. Aguirre, D., Erlandsen, M. Digital public diplomacy in Latin America: Challenges and opportunities / D. Aguirre, M. Erlandsen // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P. 1-17.

72. Ayhan, K.J. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy / K.J. Ayhan // International Studies Review. – 2018. – Vol.20. – Issue 3. – P. 539-540.

73. Ayhan, K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives / K.J. Ayhan // International Studies Perspectives. – 2019. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 63-83.

74. Blank, S.J. Russia is meddling in Latin America, too [Электронный ресурс] / S.J. Blank // The Hill. – 20.11.2017. – URL: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (дата обращения: 03.05.2022).

75. Duke, S. The European External Action Service and Public Diplomacy [Электронный ресурс] / S. Duke // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael' and Antwerp University, Belgium. – 2013. – No.127. – P. 113-136. – URL: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_71917/fajlovi/EU%20i%20javna%20diplomacija.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

76. Gilboa, E. Searching for a Theory of Public Diplomacy / E. Gilboa // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 55-77.

77. Hartig, F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute / F. Hartig. – Routledge, New York, NY and London, 2016. – 204 p.

78. Jeifets, V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region / V.L. Jeifets // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С.521-533 [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/24625/18623> (дата обращения: 26.04.2022).
79. Keohane, R.O., Nye, J. S. (Jr) Ed. Transnational Relations and World Politics. – Cambridge. MA: Harvard University Press, 1972. – P. IX-XXIX. (Перевод Ирины Шилобреевой).
80. Levaggi, A.G. Towards the peripheries of the Western World, Eurasian regional policies in Latin America [Электронный ресурс] / A.G. Levaggi // Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. – 2016. – No.13. – P. 60-87 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2017/04/anuario-2016.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
81. Macnamara, J. Corporate and organizational diplomacy: an alternative paradigm to PR / J. Macnamara // Journal of Communication Management. – 2012. – Vol.16. – No. 3. – P. 312-325.
82. Mărășescu, C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy / C. Mărășescu // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.77-91.
83. Ngadhnjim, B., Nuhiu, M. F. European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina / B. Ngadhnjim, M.F. Nuhiu // European Journal of Social Science Education and Research. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.71-78.
84. Nye, J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power / J.S. Jr. Nye // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue: 1. – P. 94-109.
85. Nye, J.S. Jr. Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics / J.S Nye. – New York: Public Affairs Press, 2005. – 130 p.
86. Ociepka, B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies / B. Ociepka // European Journal of Communication. – 2018. – Vol. 33. – Issue: 3. – P. 290-303.

87. Pan, S. "Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection" / S. Pan // *Asian Education and Development Studies*. – 2013. – Vol. 2. – No. 1. – P. 22-33.
88. Rozental, D.M., Jeifets, V.L. Venezuela's Foreign Policy in the Situation of Instability [Электронный ресурс] / D.M. Rozental, V.L. Jeifets // *Iberoamerica*. – 2018. – N.4. – P. 53-76.
89. Rouvinski, V. Russia's Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update [Электронный ресурс] / V. Rouvinski. – 16 p. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%20E2%80%99s%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).
90. Sayámov, Y.N. América Latina en la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales / Y.N. Sayámov // *Iberoamérica*. – 2019. – No. 1. – P.44-64.
91. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy / A. Sergunin, L. Karabeshkin // *Politics*. – 2015. – Vol.35. – Issue: 3-4. – P. 347-363.
92. Stoian, M. "The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America" / M. Stoian // *Review of International Comparative Management*. Bucharest. – 2021. – Vol. 22. – Issue: 3. – P. 338-347. – URL: <http://www.rmci.ase.ro/no22vol3/04.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).
93. Wang, Y. "Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power" / Y. Wang // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol.616. – Issue: 1. – P. 257–273.

Электронные ресурсы

94. Аргентина и Бразилия не подписали заявление ОАГ по Украине [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 26.02.2022. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3518135.html> (дата обращения: 26.04.2022).

95. Аргентина не планирует вводить санкции против России [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 26.02.2022. – URL: <https://regnum.ru/news/3518143.html> (дата обращения: 29.03.2022).
96. Аргентинская фармкомпания сообщила об одобрении ее партии "Спутника V" Центром им. Гамалеи [Электронный ресурс] // ТАСС. – 16.07.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (дата обращения: 26.04.2022).
97. Бессмертный полк в Аргентине [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 07.05.2023. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyu_pol_k_v_argentine/ (дата обращения: 31.01.2022).
98. Бессмертный полк прошел по городам Аргентины [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 04.05.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyu_pol_k_proshel_po_gorodam_argentiny_el_regimiento_inmortal_desfil_en_argentina/ (дата обращения: 26.04.2022).
99. В Аргентине прошел юбилейный фестиваль «Матушка Русь» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 08.06.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_proshel_yubileynyy_festival_matushka_rus/ (дата обращения: 26.04.2022).
100. В Аргентине состоялось открытие Фестиваля российских фильмов [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 21.11.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_sostoyalos_otkrytie_festivalya_rossiyskikh_filmov/ (дата обращения: 25.04.2022).
101. Вузы - партнёры Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) [Электронный ресурс] // Сайт ИТМО. – URL: http://www.ifmo.ru/ru/page/148/akademicheskie_partnery.htm (дата обращения: 28.04.2022).

102. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1453878/ (дата обращения: 06.07.2022).
103. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 56-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», Мюнхен, 15 февраля 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1427365/ (дата обращения: 06.07.2022).
104. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РИК, Москва, 18 апреля 2016 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 19.04.2016. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15112> (дата обращения: 05.07.2022).
105. Выступление и ответы на вопросы СМИ С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году, Москва, 26 января 2016 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 26.01.2016. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14553> (дата обращения: 05.07.2022).
106. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе VI Московской конференции по международной безопасности, Москва, 26 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 27.04.2017. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17438> (дата обращения: 06.07.2022).
107. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Попечительского совета Фонда поддержки публичной

- дипломатии имени А.М. Горчакова, Москва, 27 марта 2019 года // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1457021/ (дата обращения: 06.07.2022).
108. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности, Москва, 5 апреля 2018 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 05.04.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19659> (дата обращения: 06.07.2022).
109. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февраля 2012 года // Международная жизнь. – 04.02.2012. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (дата обращения: 06.07.2022).
110. Выступление Министра С.В. Лаврова на 49-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 2 февраля 2013 года // Международная жизнь. – 02.02.2013. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9119> (дата обращения: 05.07.2022).
111. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на IV Московской конференции по международной безопасности, Москва, 16 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 17.04.2015. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (дата обращения: 06.07.2022).
112. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 27 сентября 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 03.10.2011. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7927> (дата обращения: 05.04.2022).
113. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на IX Московской конференции по международной безопасности, Москва, 24 июня 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL:

- https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (дата обращения: 06.07.2022).
114. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2021 года // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (дата обращения: 06.07.2022).
115. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании министров иностранных дел стран БРИКС, Рио-де-Жанейро, 26 июля 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1466698/ (дата обращения: 06.07.2022).
116. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Бразилии А. Патриотой, Москва, 4 сентября 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 06.09.2011. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7874> (дата обращения: 05.07.2022).
117. Выступление С.В. Лаврова на 50-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 1 февраля 2014 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 02.02.2014. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10526> (дата обращения: 05.07.2022).
118. Выступление С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам заседания Совета Россия-НАТО на уровне министров иностранных дел, Брюссель, 8 декабря 2011 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 12.12.2011. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8121> (дата обращения: 05.07.2022).
119. Выступление С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и культуры Аргентинской

- Республики Э. Тимерманом, Москва, 28 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 29.05.2014. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11229> (дата обращения: 06.07.2022).
120. Генассамблея ООН приняла резолюцию по действиям России на Украине [Электронный ресурс] // ТАСС. – 02.03.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13938357> (дата обращения: 01.05.2022).
121. Генассамблея приостановила участие России в СПЧ ООН [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 07.04.2022. – URL: <https://ria.ru/20220407/oon-1782378335.html> (дата обращения: 14.04.2022).
122. Делегация ЮФУ посетила с рабочим визитом Русский центр Университета Буэнос-Айреса [Электронный ресурс] // Сайт Южного федерального университета (ЮФУ). – 27.11.2019. – URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/61953> (дата обращения: 01.05.2022).
123. Зарубежное партнерство [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. – URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/partners.aspx> (дата обращения: 28.04.2022).
124. Зарубежные партнеры [Электронный ресурс] // Сайт СПбГЭУ «ЛЭТИ». – URL: <https://etu.ru/ru/mezhdunarodnaya-deyatelnost/zarubezhnye-partnery-spbgetu-leti/> (дата обращения: 28.04.2022).
125. Зарубежные партнеры [Электронный ресурс] // Сайт СПбПУ. – URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (дата обращения: 28.04.2022).
126. Иванов И. Голос России все увереннее звучит в мировых делах [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 31.12.2000. – URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (дата обращения: 07.07.2022).
127. Имитиан Э. La Nación (Аргентина): почему в Аргентине столько русских, а в России так мало аргентинцев? [Электронный ресурс] // ИноСМИ.

- 21.05.2019. – URL: <https://inosmi.ru/asviewedby/20190521/245110946.html> (дата обращения: 26.04.2022).
128. Индонезия стала 70-й страной, одобрившей вакцину «Спутник V» [Электронный ресурс] // Сайт РФПИ. – 25.08.2021. – URL: <https://sputnikvaccine.com/rus/newsroom/pressreleases/indoneziya-stala-70-y-stranoy-odobrivshey-vaktsinu-sputnik-v/> (дата обращения: 25.04.2022).
129. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу «РТ», Москва, 10 декабря 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1448933/ (дата обращения: 06.07.2022).
130. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу «Раша Тудей», Москва, 25 декабря 2017 года [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 26.12.2017. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19063> (дата обращения: 06.07.2022).
131. История РАМС [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). – URL: <http://rams-international.ru/history/> (дата обращения: 25.04.2022).
132. "Жар птица" Мистера Да: Андрею Козыреву чужды интересы России [Электронный ресурс] // Вести.ру. – 27.10.2019. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1367726> (дата обращения: 05.04.2019).
133. Лавров: заложенные Примаковым принципы позволяют достигать результата без конфронтации [Электронный ресурс] // ТАСС. – 29.10.2019. – URL: https://tass.ru/obschestvo/7056003?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 06.07.2022).
134. Кабинеты Русского мира [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (дата обращения: 06.07.2022).

135. Как иностранцы учились в СССР и в России [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». – 24.04.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2715297> (дата обращения: 28.07.2022).
136. Каталог русских центров [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/> (дата обращения: 06.07.2022).
137. Международный форум «Международная Политехническая Неделя – 2017» // Сайт СПбПУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/international-polytechnic-week/international-polytechnic-week-2017/> (дата обращения: 28.04.2022).
138. Международное сотрудничество [Электронный ресурс] // Сайт РУДН. – URL: <https://www.rudn.ru/sveden/inter/> (дата обращения: 01.02.2023).
139. Министр Игорь Иванов: Односторонние акции могут дорого обойтись цивилизации // Комсомольская правда. – 25.09.2001. – URL: <https://www.kp.ru/daily/22640/12392/> (дата обращения: 07.07.2022).
140. Моисеев, А. Аргентина высоко ценит российскую вакцину. И не только [Электронный ресурс] /А. Моисеев // Международная жизнь. – 17.06.2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30499> (дата обращения: 26.04.2022).
141. Молодежный координационный совет [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/sootechestvenniki/molozhyezhnyy_koordinatsionnyy_sovet/ (дата обращения: 26.04.2022).
142. Направления деятельности (РАМС) [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). – URL: <http://rams-international.ru/activity/> (дата обращения: 25.04.2022).
143. На связи Латинская Америка: Политех и Россотрудничество провели международный вебинар для иностранных абитуриентов [Электронный ресурс] // Сайт СПбПУ. – 20.05.2022. – URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/na-svyazi-latinskaya-

amerika-politekh-i-rossotrudnichestvo-proveli-mezhdunarodnyy-vebinar-dlya-inost/?sphrase_id=2624262 (дата обращения: 08.08.2022).

144. Немцев, Ю. В условиях пандемии Россия и Аргентина развивают культурный и гуманитарный диалог [Электронный ресурс] / Ю. Немцев // Международная жизнь. – 28.12.2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (дата обращения: 26.04.2022).
145. Немцев, Ю. Карлос Гастон Рома: Аргентине надо лучше узнавать Россию [Электронный ресурс] / Ю. Немцев // Международная жизнь. – 23.12.2019. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24916> (дата обращения: 26.04.2022).
146. Немцев, Ю. Россия и Аргентина продолжают диалог несмотря на пандемию COVID-19 [Электронный ресурс] / Ю. Немцев // Международная жизнь. – 23.11.2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28183> (дата обращения: 26.04.2022).
147. Немцев, Ю. Соотечественники в Аргентине за формирование объективного образа России [Электронный ресурс] / Ю. Немцев // Международная жизнь. – 16.07.2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23173> (дата обращения: 26.04.2022).
148. «Не просто международное объединение». Аргентина и Иран идут в БРИКС [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 27.06.2022. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/27/15047258.shtml?updated> (дата обращения: 04.07.2022).
149. Об онлайн-конференции «Радость слова» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 16.03.2022. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_onlayn_konferentsii_radost_slova/ (дата обращения: 26.04.2022).
150. О XIV-й Конференции организаций российских соотечественников в Аргентине [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 29.03.2021. – URL: <https://argentina.mid.ru/ru/press->

- centre/news/o_xiv_y_konferentsii_organizatsiy_rossiyskikh_sootechstvennikov_v_argentine/ (дата обращения: 26.04.2022).
151. О мероприятии «Россия-Аргентина: 135 лет дружбы и сотрудничества. Культурно-гуманитарный вектор» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 21.10.2020. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_meropriyatii_rossiya_argentina_135_let_druzhby_i_sotrudnichestva_kulturno_gumanitarnyy_vektor/ (дата обращения: 26.04.2022).
152. О презентации выставки «Другие границы. Фотографируя далекий восток» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 27.09.2018. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_prezentatsii_vystavki_drugie_granitsy_fotografiruya_dalekiy_vostok/ (дата обращения: 26.04.2022).
153. О приоритетном проекте «Экспорт образования» [Электронный ресурс] // Сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 27.04.2022).
154. О проведении в Аргентине Географического диктанта [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 27.10.19. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_argentine_geograficheskogo_diktanta/ (дата обращения: 26.04.2022).
155. О проведении в Буэнос-Айресе показа фильма К.Хабенского «Собибор» [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Аргентине. – 15.10.18. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_buenos_ayrese_pokaza_filma_k_khabenskogo_sobibor/ (дата обращения: 26.04.2022).
156. Партнеры ЮЗГУ [Электронный ресурс] // Сайт Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ). – URL: <https://swsu.ru/part/> (дата обращения: 28.04.2022).
157. ПМЭФ-2022: выработаны конкретные предложения по стимулированию торгово-инвестиционного сотрудничества ЕАЭС и

- Латинской Америки в условиях новой экономической реальности [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. – 17.06.2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/pmef-2022-vyrabotany-konkretnye-predlozheniya-po-stimulirovaniyu-torgovo-investitsionnogo-sotrudnich/?sphrase_id=154780 (дата обращения: 27.01.2023).
158. Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Администрации Президента России. – 21.02.2023. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 27.02.2023).
159. Президент Аргентины заявил о намерении страны вступить в БРИКС [Электронный ресурс] // Риа Новости. – 24.06.2022. – URL: <https://ria.ru/20220624/argentina-1797934776.html> (дата обращения: 04.07.2022).
160. Президент Аргентины назвал отношения с Россией братскими [Электронный ресурс] // ТАСС. – 03.02.2022. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13607695?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 26.04.2022).
161. Программа «Включенное обучение». Аргентина [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. – URL: <http://www.fa.ru/international/Documents/%d0%90%d1%80%d0%b3%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b8%d0%bd%d0%b0%20%d0%92%d0%9e%20%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b9%20%281%29.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
162. Программа «Приглашенный профессор» [Электронный ресурс] // Сайт Финансового университета при Правительстве РФ. – URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/professor.aspx> (дата обращения: 28.04.2022).
163. Путин и Фернандес запустили производство "Спутника V" в Аргентине [Электронный ресурс] // Российская газета. – 04.06.2021. – URL:

- <https://rg.ru/2021/06/04/putin-i-fernandes-zapustili-proizvodstvo-sputnika-v-v-argentine.html> (дата обращения: 23.11.2022).
164. Российско-аргентинские отношения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел России. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (дата обращения: 06.02.2023).
165. Россия запретила Instagram и Facebook за экстремизм [Электронный ресурс] // ТАСС. – 21.03.2022. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135927> (дата обращения: 28.03.2022).
166. Россиян не накажут за использование Facebook* и Instagram* [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 28.03.2022. – URL: https://ria.ru/20220328/instagram-1780424070.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 28.03.2022).
167. Рудаков, В. «Я твердо все решил...» [Электронный ресурс] // Журнал Историк. – URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/5489> (дата обращения: 21.10.2022).
168. РУДН и Университет Буэнос-Айреса создадут совместные учебные программы [Электронный ресурс] // ТАСС. – 24.11.2019. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7188945> (дата обращения: 28.04.2022).
169. РУДН и Университет Буэнос-Айреса создадут совместные учебные программы [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Русский мир. – 25.11.2019. – URL: <https://ruskiymir.ru/news/265451/>(дата обращения: 28.04.2022).
170. Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента России. – 09.07.2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения 02.08.2022).
171. "Теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях" [Электронный ресурс] // Риа Новости. – 03.04.2011. – URL: <https://ria.ru/20110403/360861715.html> (дата обращения: 05.07.2022).

172. Члены РАМС [Электронный ресурс] // Сайт Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). – URL: <http://rams-international.ru/members/> (дата обращения: 25.04.2022).
173. Рах Russika: в Аргентине проходит кинофестиваль, посвящённый 90-летию Андрея Тарковского [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Русский мир. – 05.04.2022. – URL: https://russkiymir.ru/news/299579/?sphrase_id=1227357 (дата обращения: 13.04.2022)

Электронные ресурсы на иностранном языке

174. About the European External Action Service [Электронный ресурс] // European External Action. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/about-european-external-action-service_en#8419 (дата обращения: 15.04.2022).
175. Argentina cambia de rumbo y condena invasión de Rusia a Ucrania // Vozdeamerica. – 16.03.2022. – URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/argentina-cambio-rumbo-condena-rusia-ucrania/6487520.html> (дата обращения: 27.07.2022).
176. Convenios bilaterales [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional de San Martín Argentina. – URL: <http://www.unsam.edu.ar/internacional/convenios/?pais=rusia> (дата обращения: 28.04.2022).
177. Convenios [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional del Litoral. – URL: <https://www.unl.edu.ar/internacionalizacion/categorias/cooperacion-internacional/convenios/> (дата обращения: 28.04.2022).
178. Convenios Nacionales e Internacionales [Электронный ресурс] // Sitio de la Universidad Nacional del Sur. – URL: http://www.cooperacion.uns.edu.ar/index.php/nacinternac?option=com_joodb&view=catalog&format=html&reset=false&ordering=&orderby=&Itemid=116&task

=&gs%5Banio_ci%5D%5B%5D=&gs%5Bpais%5D%5B%5D=Rusia&gs%5Bcategoria%5D%5B%5D=&gs%5Btipo%5D%5B%5D=&gs%5Bgeneradox%5D%5B%5D=&search=search...&searchfield=&limit=10 (дата обращения: 28.04.2022).

179. Costa, J.M. Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación [Электронный ресурс] // La Nacion. – 25.08.2021. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (дата обращения: 26.04.2022).
180. Desde la Embajada de Estados Unidos, Juan Manzur reafirmó el compromiso del Gobierno con Ucrania [Электронный ресурс] // La Nacion. – 16.03.2022. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/desde-la-embajada-de-estados-unidos-juan-manzur-reafirmo-el-compromiso-del-gobierno-con-ucrania-nid16032022/> (дата обращения: 04.05.2022).
181. En una entrevista exclusiva, el embajador de Rusia en Argentina desafía: "No tememos a las sanciones" [Электронный ресурс] // El Cronista. – 07.03.2022. – URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/el-embajador-de-rusia-en-argentina-asegura-que-no-tememos-a-las-sanciones-y-la-paz-depende-de-ucrania-tambien/> (дата обращения: 26.04.2022).
182. EU delegations [Электронный ресурс] // Website of the European Comission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/eu-delegations_en (дата обращения: 15.04.2022).
183. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Towards an EU strategy for international cultural relations [Электронный ресурс] // Access to the European Union law. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN> (дата обращения: 22.04.2022).
184. Principal universidad de Buenos Aires inaugura un Centro Ruso [Электронный ресурс] // Sputnik Mundo. – 28.11.2018. – URL:

<https://mundo.sputniknews.com/america-latina/201811281083744761-rusia-y-argentina-proyectos-y-colaboracion/> (дата обращения: 28.04.2022).

185. Ruiz, R.M. El FMI reconoció que la guerra en Ucrania complica el programa acordado con la Argentina [Электронный ресурс] // La Nación. – 17.03.2022. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/el-fmi-reconocio-que-la-guerra-en-ucrania-complica-el-programa-acordado-con-la-argentina-nid17032022/> (дата обращения: 04.05.2022).
186. Rusia calificó a la Argentina como "un amigo verdadero" y elogió al Gobierno // El Cronista. – 21.06.2022. – URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/rusia-califico-a-la-argentina-como-un-amigo-verdadero-y-elogio-al-gobierno/> (дата обращения: 27.07.2022).
187. Universidades con Convenio para Intercambios – Partner Universities Nivel Grado – Undergraduate Level [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Argentina de la Empresa. – URL: http://www.marketing.uade.edu.ar/Partner%20Universities_Undergraduate%20Level.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

Приложения

Приложение 1.

Уважаемый эксперт!

В рамках проведения исследования на тему «Формирование российской публичной дипломатии* в Аргентине» проводится экспертный опрос для представителей органов государственной власти, дипломатов, преподавателей вузов, сотрудников исследовательских организаций. Целью опроса является выявление тенденций развития деятельности российской публичной дипломатии на латиноамериканском направлении (на примере Аргентине) в условиях цифровизации.

Будем признательны Вам, если Вы найдете время для ответов на представленные вопросы!

1. Расположите регионы согласно текущим приоритетам российской внешней политики (оцените с 1-7 баллов), 1- наивысший балл, 7 – наименьший балл.

- Пространство Содружества Независимых Государств (СНГ)
- Европа
- Азия
- Северная Америка
- Латинская Америка и Карибский бассейн

* Под **публичной дипломатией** понимается инструмент, используемый государствами, ассоциациями государств и некоторыми внутригосударственными учреждениями, и негосударственными акторами для понимания культуры, установок и поведения; с целью построения отношений и управления ими; и влияния на мысли и мобилизацию действий для продвижения своих интересов и ценностей.

- Африка
- Австралия и Океания

2. Расположите страны согласно текущим приоритетам российской внешней политики (оцените с 1-7 баллов), 1- наивысший балл, 7 – наименьший балл.

- Куба
- Чили
- Аргентина
- Гондурас
- Мексика
- Бразилия
- Венесуэла

3. Как бы Вы оценили степень эффективности российской публичной дипломатии на латиноамериканском направлении (выберете подходящий вариант ответа и подчеркните/выделите цветом)

1. Очень высокая;
2. Достаточно высокая;
3. Удовлетворительная;
4. Низкая;
5. Очень низкая;
6. Свой

вариант _____

4. Какие структуры на Ваш взгляд наиболее эффективны с точки зрения продвижения российской публичной дипломатии в странах Латинской

Америки? (выберете один или несколько подходящих вариантов ответов и подчеркните/выделите цветом)

1. Фонд «Русский мир»;
2. Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС);
3. Россотрудничество;
4. Фонд поддержки публичной дипломатии им А.М. Горчакова;
5. Российский совет по международным делам (РСМД);
6. Русский центр университета Буэнос-Айреса (Аргентина);
7. Свой вариант _____

5. Какие проблемы на Ваш взгляд препятствуют углублению российско-аргентинских отношений? (выберете один или несколько подходящих вариантов ответов и подчеркните/выделите цветом)

1. Географическая удаленность двух стран;
2. Несовпадение позиций внешней политики Аргентины и России по международным процессам и ключевым проблемам современности;
3. Недиверсифицированный внешнеторговый оборот;
4. Слабая представленность институтов российской публичной дипломатии;
5. Свой вариант _____

6. Как бы Вы охарактеризовали степень влияния пандемии Covid-19 на российско-аргентинские отношения? (выберете подходящий вариант ответа и подчеркните/выделите цветом)

1. Пандемия Covid-19 не затронула российско-аргентинские отношения.

2. Пандемия Covid-19 частично затронула российско-аргентинские отношения.
3. Пандемия Covid-19 в полной мере затронула российско-аргентинские отношения.

7. В условиях продолжающейся пандемии Covid-19, какие сферы сотрудничества на Ваш взгляд станут наиболее перспективными между Россией и Аргентиной?

(напишите) _____

8. Какие меры, в условиях продолжающейся пандемии Covid-19, необходимо предпринять институтам российской публичной дипломатии, чтобы повысить интерес аргентинцев к российской культуре и высшему образованию? Например, расширение информационной представленности на сайтах, подготовка образовательных онлайн-курсов.

(напишите) _____

9. Какие международные мероприятия на Ваш взгляд способствуют усилению российской публичной дипломатии в Аргентине? (выберете один или несколько подходящих вариантов ответов и подчеркните/выделите цветом)

1. Парламентский форум стран БРИКС;
2. G20;
3. Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ);
4. Восточный экономический форум (ВАС);

5. Международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность»;
6. Свой вариант _____

10. Оцените степень вовлеченности российских университетов из ТОП-500 глобального рейтинга QS* в вопросе продвижения публичной дипломатии в Аргентине (выберете подходящий вариант ответа и подчеркните/выделите цветом)

1. Очень высокая;
2. Достаточно высокая;
3. Удовлетворительная;
4. Низкая;
5. Очень низкая;
6. Свой вариант _____

11. Какие форматы и направления взаимодействия необходимо развивать российским вузам с аргентинскими вузами в условиях продолжающейся пандемии Covid-19? (выберете и подчеркните/выделите цветом один вариант ответа).

1. Расширение сети контактов российских вузов с ведущими аргентинскими университетами для улучшения возможностей исходящей академической мобильности (оффлайн и онлайн);
2. Межвузовский обмен опытом и методиками в области повышения качества высшего образования в условиях цифровизации;
3. Реализация совместных грантовых проектов;

* QS – международный рейтинг университетов QS World University Rankings, ежегодно публикуется британской компанией Quacquarelli Symonds (QS), специализирующейся на образовании и обучении за рубежом.

4. Создание линейки международных летних школ, позволяющим аргентинским студентам, преподавателям и исследователям осуществлять краткосрочные программы мобильности (оффлайн и онлайн);
5. Разработка образовательных онлайн-курсов, ориентированных на аргентинских студентов;
6. Развитие в российских вузах программ двух дипломов при участии ведущих аргентинских университетов;
7. Свой вариант _____

12. Считаете ли Вы важным развитие российских институтов публичной дипломатии через социальные сети? Если да, то какие социальные сети на Ваш взгляд способствуют развитию публичной дипломатии? (выберете один или несколько подходящих вариантов ответов и подчеркните/выделите цветом)

1) Twitter;

2) Vkontakte;

3) Facebook;

4) Instagram;

5) YouTube;

6) Свой

вариант _____

13. К какой сфере деятельности относится Ваша профессиональная обязанность? (напишите)

14.Если Вы готовы ответить на другие вопросы исследования в формате открытого экспертного интервью, то мы просим оставить Ваши контактные данные.

E-mail:

Тел./сот.:

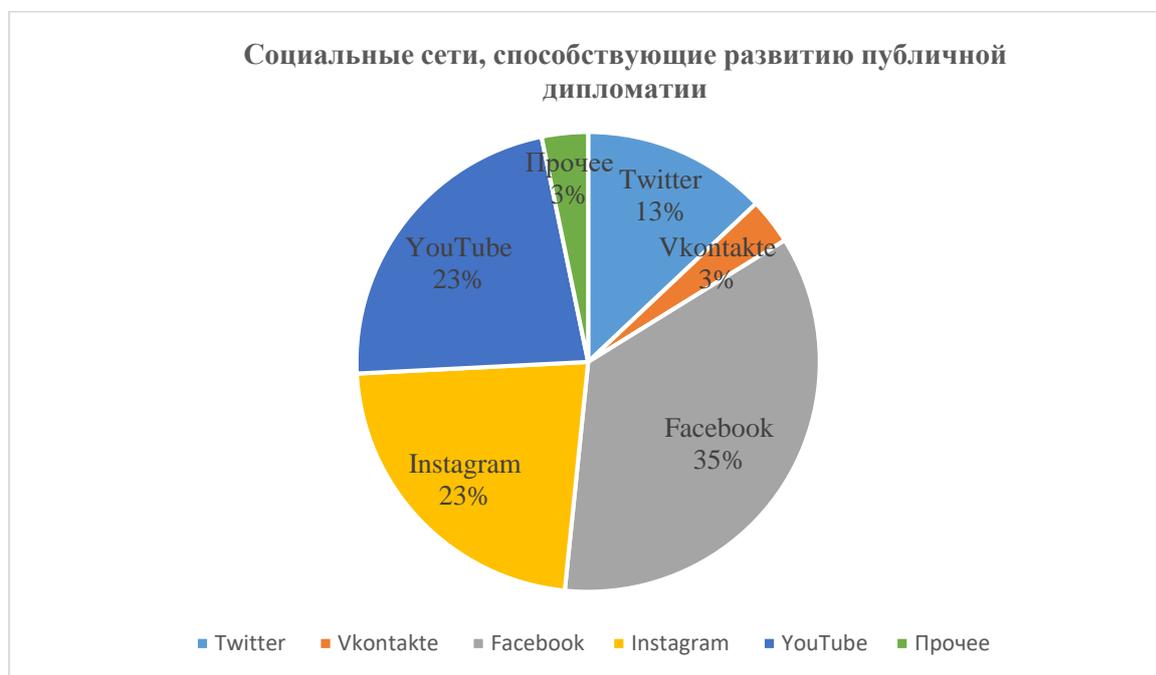
Спасибо!

Схема межгосударственного взаимодействия в области публичной дипломатии

Березина Е.К. Схема межгосударственного взаимодействия в области публичной дипломатии. Составлено автором.

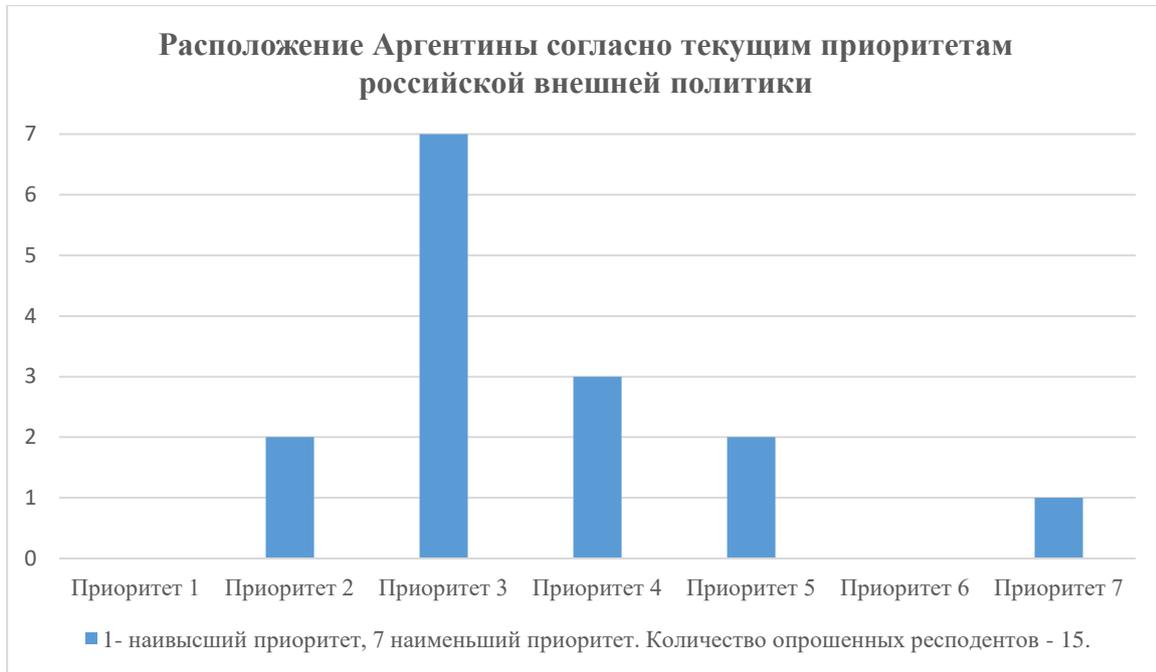
Приложение 3.

Березина Е.К. Социальные сети, способствующие развитию публичной дипломатии. Составлено автором. (данные: октябрь 2021 - январь 2022).

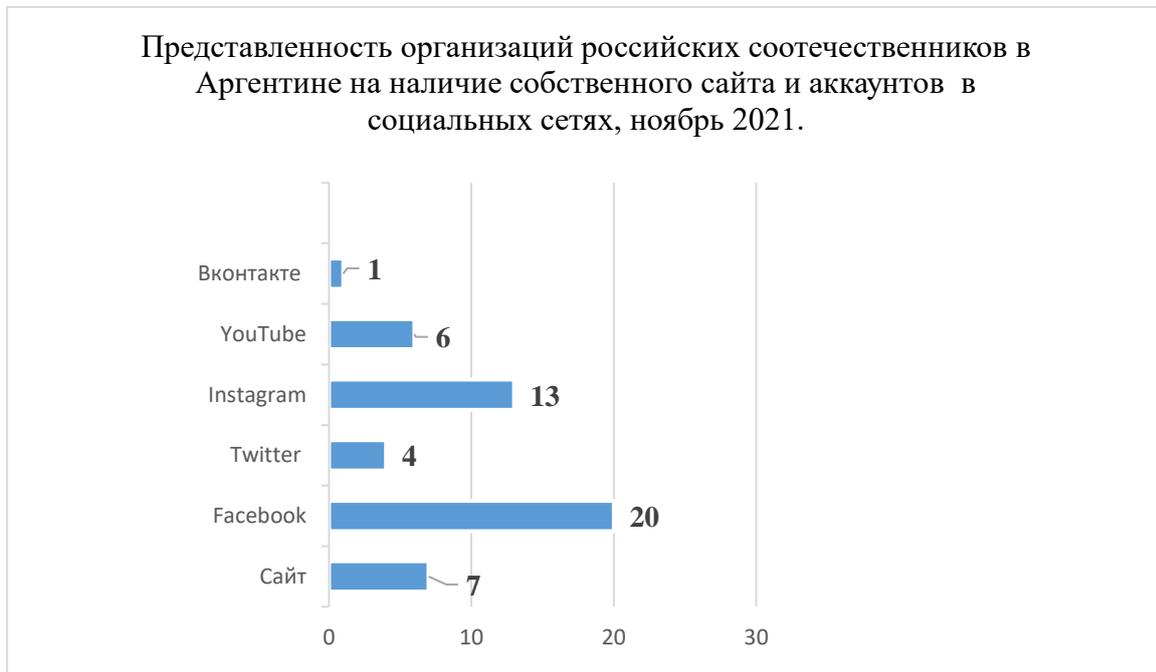
Приложение 4.

Березина Е.К. Расположение региона Латинская Америка и Карибский бассейн согласно текущим приоритетам российской внешней политики. Составлено автором (данные: октябрь 2021- январь 2022).

Приложение 5.

Березина Е.К. Расположение Аргентины согласно текущим приоритетам русской внешней политики. Составлено автором (данные: октябрь 2021 -январь 2022).

Приложение 6.

Березина Е.К. Представленность организаций российских соотечественников в Аргентине на наличие собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях.

Составлено автором (данные: ноябрь 2021).*

* Примечание. Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС) в Аргентине, Молодёжный Координационный совет организаций российских соотечественников в Аргентине, Русский центр в Университете Буэнос-Айреса, Бессмертный Полк Аргентина, Комодоро – Ривадавия, Библиотека А.С. Пушкина, Культурный и спортивный клуб «ДНИПРО – А. Толстой», Культурный и спортивный клуб «Виссарион Г. Белинский», Культурный и спортивный клуб «В. Маяковский», Культурный и спортивный клуб «Максим Горький», Культурное сообщество «Николай А. Островский», Русский Дом в Мар дель Плата, Русский Дом в Паране, Русский Дом в Росарио, Русское сообщество Барилоче, Русский Дом на Краю Света (г. Ушуае), Российско-белорусское сообщество в Мисьонес, Ассоциация боевых искусств в Латинской Америке (филиал в Аргентине), Культурный центр «Аврора», Аргентинская и Южноамериканская епархия Русской Православной Церкви.

Saint Petersburg State University

Manuscript copyright

Berezina Elizaveta

**RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY IN ARGENTINA: INSTITUTIONS AND
TOOLS IN THE FIELD CULTURE AND EDUCATION**

Scientific specialty 5.5.4. —

International relations, global and regional studies

Dissertation

for the degree of Candidate of Political Sciences

Translation from Russia

Scientific Supervisor:

Doctor of Political Science

Professor A.V. Volkova

Saint Petersburg

2023

Content

Introduction.....	3
Chapter. 1. Public diplomacy in the conditions of the modern world order: the experience of Russian-Argentinean interaction	22
1.1.Public diplomacy as a tool of “soft power” and its institutions: main approaches to research 22	
1.2.Transformation of public diplomacy in the digital age and the growing importance of the Latin American direction.....	45
1.3. The correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy in Latin America and the feature of the Argentinean direction	53
Chapter 2.Features of Russian digital public diplomacy in Argentina and cultural policy	70
2.1. Principles and institutions for formation of Russian public diplomacy in Argentina in the spheres of culture and education.....	70
2.2. Key directions and promising tools of Russian public diplomacy in Argentina in the field of culture and education	83
2.3. Russian universities` role in the development of public diplomacy in Argentina	89
Conclusion	99
Bibliography	104
Appendices	129
Appendix 1.....	129
Appendix 2.....	135
Appendix 3.....	136
Appendix 4.....	137
Appendix 5.....	138
Appendix 6.....	139

Introduction

Relevance of the research topic. The interest of modern Russian social scientists in the economic, socio-political development of Latin American countries and in various aspects of interaction with them is due to the increasing importance of the Latin American region in Russia's foreign policy in the context of building relations in a transforming multipolar world, the complexity, ambiguity of both global and regional processes. The importance of the Latin American region in Russia's foreign policy has increased. Hence, the modern Russian social scientists' interest to its economic, socio-political development has also increased, as well as developing cooperation in different spheres taking in consideration transforming multipolar world, the complexity, ambiguity of both global and regional processes. The global crisis of 2008-2009, the consequences of the pandemic, as well as a number of international political events and, above all, the aggravation of the situation in the post-Soviet space in 2021-2022, and the subsequent development of the global political and economic crisis show that Latin American countries are striving to pursue a pragmatic and independent foreign policy, claiming to be a significant player. The conduct of a special military operation in Ukraine in 2022, a tense political and economic confrontation with a number of Western countries and the formation of a list of "countries unfriendly to Russia" do not in the least reduce, but, on the contrary, make the development of official and informal institutions of public diplomacy by the Russian state extremely relevant as instrument of "soft power" around the world, including in Latin America. Such factors as the special military operation in Ukraine in 2022, the tense political and economic confrontation with a number of Western countries, and the appearance of "countries unfriendly to Russia" do not in the least reduce but, on the contrary, make the development of Russian official and informal public diplomacy institutions extremely relevant as a "soft power" instrument around the world,

including in Latin America. This statement reflects the provisions of the Concept of Russia's Humanitarian Policy Abroad adopted in 2022¹.

It can be said with confidence that today Argentina is one of the key Russian partners in Latin America, with which Russia is actively engaged in a bilateral dialogue in the field of trade and economic cooperation, nuclear energy, and scientific and technical cooperation. In addition, a large Russian diaspora still lives in Argentina. In order to maintain the attractiveness of foreign policy, Russia has formed, developed, and improved both official and unofficial (informal) institutions to promote public diplomacy in Argentina, including in the fields of culture and education. Thus, Russia and Argentina are engaged in multilateral dialogue within the framework of the UN, the G20, and the St. Petersburg International Economic Forum. In 2022, in order to maintain peace and food security, Argentina expressed its desire to become a full member of the BRICS. The transregional approach² explains active interaction between Argentina and the Eurasian Economic Union (EAEU) on the basis of the concluded Memorandum of Understanding³. It is focused on the exchange of experience and information in the field of agro-industrial complex.

Digital transformations and the spread of public administration based on platform interaction provide ample opportunities for cooperation, contribute to the development of networked civil interaction and increase the importance of civil participation in various areas of government, including in the field of international interaction, increasing the communication capabilities of the state. Digital transformations and the spread of platform governance provide ample opportunities for cooperation, contribute to the civil networks development and increase the importance of civil participation in various areas

¹Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611 "On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad" [Electronic resource] // Garant ru. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1564370/> (date of access: 12.09.2022).

² Berezina E.K., Toropygin A.V. EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend // Administrative Consulting. – 2021. – No. 3 (147). – P. 43-57.

³ Memorandum of understanding between the Eurasian Economic Commission and the Governmental Secretariat for Agro-Industry of the Ministry of Production and Labor of the Argentine Republic on cooperation in the field of agro-industrial complex [Electronic resource] // Website of the Eurasian Economic Commission (EEC). – 01.08.2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (date of access: 31.10.2022).

of governance, including in the field of international relations, thus increasing the communication capabilities of the state.

In addition, it should be taken into account that at the global level, the COVID-19 pandemic factor led to a sharp, “forced” acceleration of digital communication processes at different levels, including the activation of digital transformations in the field of public diplomacy, and also contributed to the development of such a new direction as “vaccine diplomacy”⁴. Indeed, the COVID-19 pandemic factor provoked Argentina’s interest in the Russian Sputnik V vaccine and the scientific and pharmaceutical industry in general: today, the production of the Russian vaccine has been established in Argentina and cooperation between the pharmaceutical industries of the two countries is expanding. Thus, Russian “vaccine diplomacy” has succeeded and, as a result, we can see a new stage in the development of the research of the Russian “soft power” component in Argentina.

It is important to note that a serious problem in modern Russian-Argentine relations is the lack of an official, publicly presented bilateral strategy (or plan) for Russia in relation to Argentina, which, among other things, causes insufficient effect from the activities of Russian institutions of public diplomacy in Latin America in forming and maintaining interest among Argentines in Russian culture, language, and the national education system. It is important to note that a serious problem in modern Russian-Argentine relations is the lack of an official, publicly presented bilateral strategy (or plan) for Russia in relation to Argentina. This, among other things, causes insufficient effect from the activities of Russian institutions of public diplomacy in Latin America in forming and maintaining interest among Argentines in Russian culture, language, and the national education system. Back in 2012, the President of the Russian Federation expressed concern that “the image of Russia abroad is not formed by us. Therefore, it is often distorted and does not reflect the real situation either in our country or its

⁴ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: specifics and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.32

contribution to world civilization, science and culture”⁵. Today, when the idea of combating Russian culture and the Russian language is being promoted in a number of regions of the world, the issue of institutional support for the development of domestic public diplomacy, as a significant factor in ensuring the effectiveness of the state’s foreign policy implementation and international civil cooperation, is receiving additional actualization⁶.

The degree of the research topic development. Despite the fact that the concept “public diplomacy” is new for domestic political science, a sufficiently large number of works in our country and abroad are devoted to the study of the public diplomacy phenomenon and its varieties (“people’s diplomacy,” “public diplomacy,” etc.).

A great contribution to the conceptual interpretation of “soft power” and the disclosure of the question ratio between the terms “soft power” and “public diplomacy” was made by the American researcher J.S. Nye⁷. Joseph Nye is a world-renowned authority in the field of international relations, whose concept of soft power has become essential to the theory and practice of international relations. He clarified the term “soft power,” distinguishing it from related terms such as public diplomacy. Further theoretical study of public diplomacy was developed within the framework of the foreign Western school, noting such authors as P. Sharp⁸, E. Gilboa, Nicholas J. Cull⁹, J. Macnamara, B. Signitzer¹⁰, N. Snow¹¹, R.S. Zaharna¹², J. Melissen¹³.

⁵ Meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia [Electronic resource] // Website of the Administration of the President of Russia. – 09.07.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (date of access: 02.08.2022).

⁶ Presidential Address to Federal Assembly // Website of the Administration of the President of Russia. – 21.02.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (date of access: 27.02.2023).

⁷ Nye J.S Jr. Public Diplomacy and Soft Power / J.S Jr. Nye // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 94-109.

⁸Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 339 p.

⁹Cull N.J *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. – Cambridge, UK: Polity Press, 2019. – 272 p.

¹⁰Signitzer B. “Public relations and public diplomacy: some conceptual explorations” // Zeffass A., van Ruler B. and Sriramesh K. (Eds.). *Public Relations Research: European and International Perspectives. Part II*. Wiesbaden: Verlag fur Sozialwissenschaft, 2008. – P. 205-218.

¹¹Snow N. “Rethinking Public Diplomacy” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / edited by N. Snow and P. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – 9 p.

¹²Zaharna RS “The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy” // *The Hague Journal of Diplomacy* 2. – 2007. – 2 (3). – P. 213-228.

¹³Melissen J. “The new public diplomacy: between theory and practice” // Melissen. J. (Ed.). *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. – New York, NY: Palgrave, 2005. – P. 3-27.

In modern foreign studies, considerable attention is paid to the country-specific features of public diplomacy, namely: the Chinese direction is being actively developed (Y. Wang, J. Wang¹⁴, F. Hartig, H. Lai¹⁵); the European direction of public diplomacy research is developing (M. Stoian, C. Mărășescu, S. Duke, S. B. Rasmussen¹⁶, G. Szondi¹⁷, O. Zöllner¹⁸) and others. In the past decades of the new century, a corresponding direction has also been formed in domestic science, and many works can be found in the field of studying public diplomacy (including public and cultural diplomacy). Here, such authors as M.M. Lebedeva, T.V. Zonova, N.V. Burlinova, A.A. Velikaya, O.V. Lebedev, especially in scientific diplomacy (M.Yu. Gutenev, N.V. Litvak, R.O. Reinhardt, A.N. Panov¹⁹) and digital diplomacy (N.A. Tsvetkova, T.L. Rovinskaya, E. Leonov) should be especially noted.

The Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Science (ILA RAS) is the largest center, conducting integrated fundamental researches of the modern development of the states and peoples of Latin America and promoting domestic Latin American studies. Currently, a large backlog of scientists studying Latin America and its relations with Russia has been formed (L.S. Jeifets²⁰, V.L. Jeifets, V.M. Davydov, D.V. Razumovsky, V.P. Sudarev²¹, Z.V. Ivanovsky, A.A. Lavut²²), as well as the features of individual Latin American countries A.S. Andreev²³ (Uruguay), K.A. Konovalova

¹⁴ Wang J. (Ed.). *Soft power in China: Public diplomacy through communication*. – New York, NY: Palgrave Macmillan. Find this resource, 2011. – 208 p.

¹⁵ Lai H., Yiyi L. (eds). *China's Soft Power and International Relations*. - New York, NY: Routledge, 2012. – 232 p.

¹⁶ Rasmussen S.B. “The Messages and Practices of the European Union's Public Diplomacy” // *The Hague Journal of Diplomacy* 5. – 2010. – P. 263-287.

¹⁷ Szondi G. “Central and Eastern European Public Diplomacy: A Transitional Perspective on National Reputation Management” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / edited by N. Snow and PM Taylor, New York: Routledge. – 2009. – P. 292-313.

¹⁸ Zöllner O. “German Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures” // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*/ edited by N. Snow and PM Taylor. – New York: Routledge. – 2009. – P. 262-269.

¹⁹ Reinhardt, R.O., Panov A.N. Interpretations “Diplomacy for Science” by Russian Scholars and Diplomats // *Polis. Political studies*. – 2022. – No. 2. – P. 115-129.

²⁰ Jeifets L.S. The Russian revolution and Latin America: old myths and new approaches // *Latinskaya Amerika*. – 2018. – No. 1. – P.16-24.

²¹ Latin America on fracture of global and regional trends / Rev. ed. V.P. Sudarev, L.N. Simonov. – M.: ILA RAN, 2017. – 208 p.

²² Integration processes in Latin America: state and prospects / Ed. ed. Z.V. Ivanovsky, A.A. Lavut. – M.: ILA RAN, 2012. – 120 p.

²³ Andreev A.S. Relations of Russia and Uruguay in the 21st century: limits and possibilities of // *Latinskaya Amerika*. – 2019. – No. 4. – P. 20-32.

(Paraguay)²⁴, D.M. Rosenthal (Venezuela). The following Russian authors also devoted their works to Latin American subject: M.G. Troyansky, O.G. Karpovich²⁵, Yu.N. Moseikin²⁶, I.L. Prokhorenko²⁷, D.Z. Mutagirov²⁸ and K.A. Neverov²⁹. The factor of Russia's influence on the Latin American region is analyzed in the works of such foreign researchers as V. Ruvinsky, R.E. Kanet³⁰, S. Blank, A. Serbin³¹, D. Mulyukova³². A great contribution to the study of Argentina and Russian-Argentine relations was made by P.P. Yakovlev, N.M. Yakovleva, A.N. Pyatakov³³, E.S. Dagabyan³⁴, A.I. Sizonenko³⁵, E.N. Pashentsev, E.M. Astakhov.

Domestic researchers have defended a number of PhD³⁶ and doctoral theses concerning the “soft power” problems, where it is considered mainly within the

²⁴ Kheifets V.L., Konovalova K.A. Paraguay in contemporary international relations. Three principles of the small South American actor's strategy // *Latinskaya Amerika*. – 2018. – No. 11. – P. 35-45.

²⁵ Troyansky M.G., Karpovich O.G. Latin America through the lens of modern global changes // *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. – 2021. – No. 1 (27). – P.153-167.

²⁶ Moseikin Yu.N. La cooperación económica y comercial entre Rusia y América Latina (Trade and economic cooperation between Russia and Latin American countries): educational and methodological complex / Yu. N. Moseikin. – M.: RUDN, 2013. – 224 p.

²⁷ Prokhorenko I.L. Foreign Policy Thinking in Latin America: Concepts, Approaches and Research Directions // *Vestnik RUDN. International Relations*. – 2019. – Vol. 19. – No. 2. – P. 177-186.

²⁸ Mutagirov D.Z. The true causes of the Caribbean missile crisis // "Political expertise: POLITEX". – 2013. – Vol. 9. – №2. – P. 137-147.

²⁹ Neverov K.A. Issues of digitalization of civil participation in developing countries: “Government as a platform” in Latin America // *Political expertise: POLYTECH*. – 2021. – Vol. 17. – No. 4. – P. 360-370.

³⁰ Kanet RE The failed Western challenge to Russia's revival in Eurasia? // *International Politics*. – 2015. – Vol.52. – No. 2. – P.503-522.

³¹ Serbin A. ¿Un triángulo escafeño? América Latina y el Caribe, China y los Estados Unidos y las narrativas del nuevo ciclo // *Anuario de la Integración Regional de América Latina y del Caribe*. – 2016. – No. 13. – P. 31-58.

³² Kanet RE, Moulioukova D. Russia in Latin America: an extension of Moscow's policy in the developing world // *Global Affairs*. – 2021. – Vol.7. – P. 295-310.

³³ Pyatakov A.N. Russia and Argentina: cooperation in the energetic sphere // *Latinskaya Amerika*. – 2016. – No. 12. – P.50-63.

³⁴ Dagabyan E.S. Argentina: major foreign policy changes // *Latinskaya Amerika*. – 2019. – No. 5. – P. 32-39.

³⁵ Sizonenko A.I. Russia - Argentina: Anniversary year // *Latinskaya Amerika*. – 2015. – No. 10. – 2015. – P. 20-25.

³⁶ Kutenev V.V. Eurasian Integration Institutions as Instruments of Russia's “Soft Power”: abstract dis. ... cand.polit. sciences: 23.00.04. – Bishkek: GOU VPO “Kyrgyz-Russian Slavic University”, 2013. – 24 p. Budaev A.V. The role of “soft power” in the foreign policy of Russia (on the example of Russian-Brazilian relations): abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Moscow: FGBOU VPO “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, 2014. – 24 p. Zubkova A.I. The soft power strategy in the context of transformation of the political system of the Turkish Republic in the period 2002-2014: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Moscow: FGAOU VO “Peoples' Friendship University of Russia”, 2015. – 32 p. Boyarkina A.V. “Soft power” as a political tool for the implementation of China's foreign policy at the turn of the 20th - 21st centuries”: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. – Vladivostok: FGAOU VO “Far Eastern Federal University”, 2016. – 27 p. Sergeev S.O. Science as a factor of soft power: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – St. Petersburg: FGBOU VO “St. Petersburg State University”, 2016. – 22 p. Ageeva V.D. The role of “soft power” in the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – St. Petersburg: FSBEI HE “St. Petersburg State University”, 2016. – 28 p. Kharitonova E.M. “Soft power” in a state's foreign policy: the United Kingdom's experience (the second half of the 1990s - 2010s): abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Moscow: FSBSI “The Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences”, 2017. – 24 p. Xiong L. Higher education as a tool of “soft power” of Russia and China: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – St. Petersburg: FGAOU VO “Peoples'

framework of the international relations theory³⁷. There is also an understanding of “soft power” as an integral part of the modern public administration processes³⁸, increasing state controllability, strategic management and development of communication skills.

Considering “soft power” in the context of the logic of managing state foreign (international) policy processes, one should take into account the conceptual changes that determined the development of the theory and practice of public administration at the turn of the 20th - 21st centuries that influenced the development of methodology and conceptual apparatus. The fact that, along with economists, who traditionally carried out expert work in the field of public administration, sociologists, political scientists, lawyers, cultural scientists began to express their value judgments about the effectiveness of public policies and programs³⁹ should also be considered.

Modern Russian researchers, having joined the discussion on theoretical and methodological issues of state and public administration, have offered their vision of the prospects for the development of state manageability, the formation of state development programs, certain areas of state policy and the logic of modern reforms with an emphasis on digital transformations (L.V. Smorgunov⁴⁰, A.I. Solovyov⁴¹, T.A. Kulakova⁴², A.V. Volkova⁴³, A.V. Kurochkin⁴⁴, and others).

Friendship University of Russia", 2018. – 33 p. Yin Zh. "Implementation of the “soft power” of China and Russia by the media in the foreign policy of states at the beginning of the 21st century: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2019. – 22 p. Ushurelu O.V. Russian “soft power” in Moldova: features and efficiency of measurement: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. – Moscow: FGBUN “Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences”, 2021. – 28 p.

³⁷ Filimonov G.Yu. The role of “soft power” in US foreign policy: abstract diss. ... doc. polit. sciences: 23.00.04 – Moscow: FGBOU VO “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, 2013. – 49 p. Mikhalev A.V. Mongolia in the New Great Game: the role of informal institutions of soft power: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02 – Ulan-Ude: FSBEI HE “Buryat State University named after Dorji Banzarov”, 2013. – 47 p.

³⁸ Kovba D.M. "Soft power" as a political strategy of the East Asian region states: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. – Yekaterinburg: FGU VO “Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin”, 2017. – 38 p.

³⁹ Wollman H. Assessing state government reforms: the third wave // Sociological Studies. – 2010. – No.10. – P. 93-99.

⁴⁰ Smorgunov L.V. In Search of Manageability: Concepts and Transformations of Public Administration in the 21st Century. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2012. – 362 p.; Smorgunov L.V. The Network Approach to Policy Making and Governance // Polis. Political Studies. – 2001. – No. 3. – P. 103-112; Smorgunov L.V. Blockchain as Institution of Procedural Justice. – Polis. Political Studies. – 2018. – No. 5. – P. 88-99.

⁴¹ Solovyov A.I. Politics and government: essays on theory and methodology. – M.: Aspect Press, 2022. – 256 p.

⁴² Kulakova T.A. The policy of change: administrative reforms and interaction between the state and society. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2011. – 382 p.

⁴³ Volkova A.V. Public administration: political and axiological approach: abstract diss. ... doc. polit. sciences: 23.00.02. – St. Petersburg: FGBOU VPO “St. Petersburg State University”, 2014. – 36 p.

⁴⁴ Kurochkin A.V. State innovation policy under conditions of knowledge society: in search of new sense // Vestnik of St. Petersburg State University. Series 6. Political science. International relations. – 2015. – No. 2. – P. 62-68.

Interest in the issues of public administration effectiveness and ensuring state manageability in the face of modern challenges contributes to the fact that the topic of public diplomacy institutions is somehow touched upon by a number of researchers in their Ph.D. theses⁴⁵. Despite the significant interest in the topic both in foreign and domestic science, there are practically no works on a comprehensive analysis of the institutions and tools of Russian public diplomacy in Argentina, taking into account modern global challenges, the dynamics of international processes and trends in the development of public administration. In our opinion, this issue should be considered in the context of the Russian Federation's state policy development in a changing world order.

Given the degree of the topic development, *the goal of the study* is to analyze the features of Russian public diplomacy in Argentina in the era of digitalization using the example of the field of culture and education.

The object of the research is Russian public diplomacy in Argentina.

The subject of the research is the institutions and tools of Russian public diplomacy in Argentina in the context of digital transformations in the field of culture and education.

Research objectives:

1. Analyze the concept of public diplomacy and the main approaches to its understanding in order to identify the importance of public diplomacy as a “soft power” tool:
2. Analyze the transformation of public diplomacy in the digital age, reveal its stages and trace the changes in Russian activity in the Latin American direction;

⁴⁵Galumov A.E. The experience of public diplomacy in shaping the image of the European Union in the Russian Federation: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Moscow: FGBOU VO “Moscow State University named after M.V. Lomonosov”, 2012. – 24 p. Jivanyan D.A. Public diplomacy of the Russian Federation and the USA in the Republic of Armenia: analysis of principles and mechanisms: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.04. – Moscow: FGAOU VO "Peoples' Friendship University of Russia", 2016. – 35 p. Smirnov N.A. The role of public diplomacy in modern political processes: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. – Moscow: FGBUN “Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences”, 2017. – 28 p.

3. To reveal the correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy in Latin America and the feature of the Argentine direction;

4. To study the principles and institutions of Russian public diplomacy in Argentina in the field of culture and education in order to increase its effectiveness;

5. Identify key areas and promising tools of Russian public diplomacy in Argentina in the field of culture and education;

6. To reveal the role of Russian universities in the development of public diplomacy in Argentina.

The scientific novelty of the research thesis lies in the fact that:

- in the course of the dissertation research, the definitions of a number of terms and categories were clarified. Namely, it was revealed that digital public diplomacy, as a “soft power” tool, contributes to the promotion of a particular state’s interests in the international communication environment. Public diplomacy is implemented through communication means or measures necessary for targeted impact on the public opinion and expert audience or achieve a great effect of foreign policy initiatives. An analysis of the principles and institutions of public diplomacy based on a comparison of American, European, Chinese, and Russian approaches, as a result of which it was revealed that Russian public diplomacy largely inherited the features of Soviet people’s diplomacy, has been performed. Among its features, one can distinguish an inadequately built system of public diplomacy institutions but, at the same time, the attractiveness of practical events in the framework of the promotion of the Russian “high” culture and the national education system, and an orientation towards working with business circles, youth, leaders of the public and expert audiences.
- The work carried out a typology of the public diplomacy varieties and found that in a narrow sense, digital diplomacy is a practical activity in the field of IT and programming language, aimed at solving diplomatic problems. Whereas in a broad

sense, digital public diplomacy is a universal form in relation to its varieties. It was also revealed that there are many varieties of public diplomacy, formed depending on the goals and objectives of the state's foreign policy, including under the influence of global trends;

- The paper reveals the advantages and disadvantages of digital diplomacy; in particular, the advantage of digital public diplomacy is its wide geographical accessibility, which allows network users to connect to the broadcast and popularize their point of view. Also, digital public diplomacy contributes to the accelerated exchange of information. At the same time, the digitalization of public diplomacy has disadvantages and entails a number of risks. First, the use of the online format reduces the quality of the information perceived by the interlocutor, largely due to the limited non-verbal contacts. Second, there is a risk of personal data leakage and the establishment of control over the individual by the state and interest groups. Third, current events in the international arena and information wars show that the active use of social networks and the involvement of citizens in digital communication create conditions for the spread of disinformation and the large-scale use of manipulative technologies by external players, which negatively affect the manageability of the state;
- The author has conducted extensive research on the formal and informal institutions of Russian public diplomacy in the countries of the Latin American region, as well as their activities during the COVID-19 pandemic.
- The work defines the directions and promising tools of Russian public diplomacy in Argentina. Among the key areas are celebration of Russian anniversaries and memorable dates (Defender of the Fatherland Day, Russia Day, Victory Day, National Unity Day, Cosmonautics Day, International Youth Day, Slavic Friendship Unity Day, Day of Slavic Literature and Culture, Immigrant Day), and also days of culture dedicated to Russian writers (especially A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky); mass events of a political nature (movement "Immortal Regiment"), cultural events (Festival of Slavic culture "*Matushka Rus*" ("Mother Russia"), Festival of Russian films)); projects of a cultural and humanitarian nature (photo

exhibitions, film screenings), as well as the popularization of Russian folklore dances and folk songs. A significant role in promoting Russian public diplomacy and working with compatriots and youth in Argentina is played by the Argentinean and South American ROC, which holds events dedicated to Russian Orthodoxy (for example, the International Christmas Educational Readings, the Rostros Santos International Historical Exhibition of Russian Orthodox Icons, etc.). In the field of popularization of Russian education, the Russian House in Buenos Aires plays a coordinating role in cooperation with universities. The reading of works and poems by Russian writers (the project “Russian Poetry” in commemoration of Russia Day (June 12) and the Day of the Russian Language (June 6), and the literary project “Reading Dostoevsk” (November 2021) are among the directions in the field of Russian language popularization in Argentina. In order to increase the efficiency of Russian public diplomacy in Argentina, Russian social networks and domestic digital platforms; the implementation of specific projects; the opening of Russian structures in Argentine universities (using the example of Russian language and literature departments); the involvement of business companies in the field of scientific and technological exchange, development of cooperation at the level of medical institutions and research institutes, such as vaccine diplomacy.

- The expert survey conducted as part of this study allows us to assess the communication abilities of Russian state policy and international civil cooperation. The survey results showed that the most prospective areas of cooperation between Russia and Argentina will be the following: 1) trade; 2) the field of medicine and healthcare (supply and development of vaccines, cooperation in the field of medical technology, pharmacology); 3) digital technologies and digitalization; 4) culture (cultural diplomacy, cultural and humanitarian relations, science, education); 5) industry areas (agriculture, heavy industry, nuclear technology (not only nuclear power plants), transport and logistics, space, energy cooperation, and energy security); visa issues; migration issues.

- In this work, for the first time, a comparative analysis of 20 organizations of Russian compatriots was carried out, including movements in Argentina during the COVID-19 pandemic (November 2021), according to criteria such as 1) representation for having their own website and social media accounts; 2) the number of subscribers; and 3) the main ongoing cultural and humanitarian events.
- On the basis of the study, a set of practice-oriented recommendations was proposed in order to improve the efficiency of Russian public diplomacy in Argentina, namely: 1) improving information security and developing a strategy or an appropriate document regulating public diplomacy, including a system of regional priorities; 2) adoption of a long-term plan for Russian-Argentinean cooperation in the field of culture; 3) increasing the representation of public diplomacy institutions (especially unofficial ones) in the information space, primarily through the promotion of Russian social networks and the creation of domestic digital platforms; 4) an increase in funding for the activities of Russian official institutions of public diplomacy, support for the initiatives of informal institutions in Argentina by the state and private individuals.

- The paper identified prospective tools for cooperation between Russian and Argentine universities in the context of the problem of internationalization: 1) academic mobility (offline and virtual); 2) online education; 3) language programs.

The main results of the study, obtained by the author and constituting scientific novelty, are the following main provisions submitted for defense:

1. An analysis of the public diplomacy concept and its main approaches showed that the public diplomacy of the state, which is a tool of “soft power,” can be defined as the state’s communication ability in order to implement its foreign policy using the instrument of international civil cooperation. Today, there is also some vagueness in the conceptual understanding of the term “soft power” and, consequently, the problem of the boundaries and interpretation of public diplomacy, which leads to the difference between these concepts. Both foreign and domestic researchers, when studying public diplomacy, raise the methodological

problem of measuring and calculating the volume of “soft power” of various states. The study of foreign experiences in the field of public diplomacy suggests that the phenomenon of public diplomacy is a tool of “soft power” used by both official and unofficial institutions and individuals, aimed at promoting the attractiveness of foreign policy and the development model of a state or an actor in international relations.

2. The transformation of public diplomacy in the digital age can be represented by the following stages: 1) the formation of e-government; 2) the emergence and development of social networks; 3) the era of COVID-19 forced digitalization. In the era of COVID reality, digital transformation has embraced all varieties of Russian public diplomacy, which has been characterized by improving the state's image and promoting its foreign policy through its representatives. Social media accounts, blogs, and various platforms act as tools for communication impact on the target audience abroad. Thus, the digitalization of public policy is becoming more open and accessible to those who wish to express their opinion and receive information on certain issues. In addition, the factor of the COVID-19 pandemic has greatly accelerated the transition of universities and research institutions to the online format, expanding the geography of its participants and means of communication through Internet platforms and social networks. In general, the development of digital public diplomacy, which began in the era of globalization, was strengthened by the COVID-19 pandemic in the development of information and digital technologies in the foreign policy of states. The potential of digital tools is actively used in Latin American countries both during the domestic political campaign and is popular among individual political leaders as an effective means of communication with civil society.
3. The ratio of formal and informal institutions of Russian public diplomacy showed that informal institutions, influencing the adoption of foreign policy decisions by formal institutions, perform the function of supporting, broadcasting the initiatives of formal institutions, promoting their values, attitudes and national image in Latin American countries. Taking into account the factor of the COVID-19 pandemic

and the exacerbation of the crisis in the post-Soviet space at the beginning of 2022, Russian public diplomacy in Argentina faces the following tasks: 1) improving information security and developing a strategy or an appropriate document regulating public diplomacy, including a system of regional priorities; 2) adoption of a long-term plan for Russian-Argentine cooperation in the field of culture; 3) increasing the representation of public diplomacy institutions (especially unofficial ones) in the information space, primarily through Russian social networks and the creation of domestic digital platforms; 4) increase in funding for the activities of Russian formal institutions of public diplomacy, support for the initiatives of informal institutions in Argentina from the state, private individuals.

4. Russian foreign policy in Argentina in the context of public diplomacy is based on the principles of *multipolarity, pragmatism and non-interference in internal affairs*. In connection with the geopolitical rivalry between Russia and the United States and its allies, as well as the confrontation of values, largely intensified by the crises and events in the post-Soviet space in early 2022, Russia will focus on cooperation with China, as well as mainly developing countries from Asia, Latin America, and Africa. Despite the fact that Argentina condemned the special military operation, the country did not impose sanctions against Russia; it seeks to pursue an independent foreign policy course focused on anti-Americanism. Argentina also adheres to the principles of international law, supports the coordinating role of international institutions like the UN, and advocates for the peaceful settlement of conflicts. Argentina remains one of the key Russian partners in the framework of international organizations and forums (G20, St. Petersburg International Economic Forum), and also expresses a desire to join the BRICS. The COVID-19 pandemic had a positive impact on Russian-Argentine relations, opening up opportunities for the export of Russian vaccines and their developments (on the example of Sputnik V). Nevertheless, there are a number of significant problems in Russian-Argentine relations: firstly, the worsening crisis in the post-Soviet space as a whole has complicated transport logistics between Russia and Latin America; secondly, there is currently no publicly available bilateral strategy or updated plan

for Russian-Argentine relations; and thirdly, there remains the problem of diversifying trade and economic cooperation between Russia and Argentina. In general, the institutional model of public diplomacy in Argentina is a set of measures led by Rossotrudnichestvo, which is in close interaction, first of all, with Russian compatriots' organizations, cultural and sports clubs, and universities. The Argentine government and local authorities, cultural centers, and universities in Argentina also support Russian public diplomacy events.

5. The main goals of Russian public diplomacy in Argentina are to organize anniversaries and memorable dates, as well as cultural days; to hold political and cultural events; to carry out cultural and humanitarian projects (photo exhibitions, film screenings); to popularize Russian folklore dances and songs; and to host events held by Argentinean and South American ROC. One of the most important areas of Russian public diplomacy is the popularization of Russian education and the study of the Russian language. The main role here belongs to such institutions as the Russian House (the Rossotrudnichestvo representative office in Argentina) and the Russian Center at the University of Buenos Aires. Taking into account the COVID-19 pandemic and the exacerbation of the crisis in the post-Soviet space in 2022, Russia needs more promotion of the public diplomacy tools in Argentina, with an emphasis on communication tools or measures necessary for targeted impact on the public opinion and expert audience or achieve a great effect of foreign policy initiatives. This means to promote Russian social networks and create domestic digital platforms; implement long-term specific cultural and humanitarian projects in the field of studying Russian history and culture; open Russian structures in Argentine universities (using the example of Russian language and literature departments); attract Russian businesses to participate in the scientific and technological developments in Argentina; and develop cooperation in the field of health and medicine through thematic events and joint research.
6. At the present stage, Russian universities participate in the development of public diplomacy in Argentina by creating educational initiatives and projects, as well as

promoting scientific and expert diplomacy. Russian universities, accumulating expertise and competencies, act as discussion platforms where representatives of government, NGOs and NPOs, business, and the media interact. Such discussions influence the adoption of foreign policy decisions. Cooperation between Russian and Argentine universities is mainly based on cooperation agreements or memorandums in the field of student and academic exchange, and rarely contains specific initiatives or joint projects. The study revealed the following attractive cooperation areas between Russian and Argentine universities in the context of internationalization: 1) improvement of the possibilities of outgoing academic mobility, both offline and virtually (online); 2) launching various online courses to improve Russian education and culture; 3) implementation of the programs for lectures from Russian universities to teach Russian language in Argentine universities.

The theoretical significance of the research thesis lies in the application of a neo-institutional approach to the study of formal and informal institutions' influence on the processes of Russian public diplomacy in Argentina, taking into account modern global challenges such as the COVID-19 pandemic, the exacerbation of the crisis in the post-Soviet space in 2022, and the trends of the formation of a digital society.

The practical significance of the research thesis lies in the fact that the study's provisions and conclusions can be used as a methodological basis for developing an internationalization strategy in Russian universities, analyzing prospective areas, and identifying potential risks in Russian government institutions and business cooperation with Argentina and other Latin American countries.

The research materials can also be used in the educational process, in particular in the courses "Political Science and Political Theory," "Regional Aspects of International Relations," and "Information and Communication Technologies in World Politics," as well as in creating new special courses in the field of Latin American studies.

Methodology and research methods: At the present stage of political science development, a new institutional theory, along with other modern concepts (management,

network), can be recognized as the most prospective for studying public administration and individual sectoral policies⁴⁶. A neo-institutional approach that actualizes formal and informal institutions' roles in the Russian public diplomacy processes in Argentina was used as a methodological basis for the study. The application of the neo-institutional approach also made it possible to study the degree of state and non-state actors' systemic influence on the institutionalization of public diplomacy since the 1990s and in the context of digital transformations of public policy.

The conceptual basis of the dissertation are the works of J.S. Nye, E. Gilboa, F. Hartig, M. Stoian, C. Mărășescu, B. Osiecka, K. Ayhan, J. Macnamara, devoted to public diplomacy. Among domestic authors studying the components of “soft power,” one can note the works of J. Galarotti, S.I. Belov, A.V. Borisov. In domestic science, the theoretical development of public diplomacy, including in the light of cultural and digital diplomacy, is carried out by such well-known Russian experts in the field of international relations as M.M. Lebedeva, N.A. Tsvetkova, O.V. Lebedeva, N.V. Burlinova, A.A. Velikaya, T.L. Rovinskaya.

When writing the work, the content analysis method (as the main research method), the event analysis method, and the SWOT-analysis method were used. As part of this study, a number of expert interviews were conducted to measure the effectiveness of Russian public diplomacy in Latin America (Appendix 1). Representatives of state authorities in St. Petersburg and the Leningrad region, employees of state budgetary institutions in St. Petersburg, lecturers at Russian universities, and employees of research organizations focused on the analysis of Latin American studies comprised the study's sample.

Empirical base. The study also relied on official documents (for example, the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation of November 30, 2016, the Main Directions of the Policy of the Russian Federation in the Field of International Cultural and Humanitarian Cooperation), documents of interuniversity cooperation. In addition,

⁴⁶ Public policy and management / ed. L. V. Smorgunov. Part I. Concepts and issues of public policy and management. – M.: ROSSPEN, 2006. – 384 p.

when writing the work, data from the official websites of the Embassy of the Russian Federation and compatriots organizations', Russian and Argentine universities were used; Spanish-language media (La Nacion, El Cronista, Sputnik Mundo), websites and social media accounts of formal and informal institutions of Russian public diplomacy were analyzed within the framework of the Latin American direction.

The degree of reliability and approbation of the results. The results of the dissertation were approbated as reports at the following events:

The Second December Scientific and Practical Seminar (December 8, 2016, St. Petersburg, Faculty of International Relations of the NWIM RANEPА).

XXIV International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists "Lomonosov," April 10-14, 2017, Moscow, Lomonosov Moscow State University).

III December scientific and practical seminar (14th December, 2017, St. Petersburg, Faculty of International Relations, NWIM RANEPА).

Round table "Dialogue for the sake of cooperation" of the 5th Eurasian Youth Innovation Convent, (April 11-12, 2018, St. Petersburg, Legislative Assembly of the Leningrad Region).

The Seventh International Scientific Conference "Tauride Perspective" entitled "Eurasian cooperation as an important factor of security and stability in a multipolar world" (May 31, 2018, Tauride Palace, St. Petersburg).

IV International Student Scientific Conference "Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities" (March 29, St. Petersburg, St. Petersburg State University).

IV International Forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: History and Modernity" (October 1-3, 2019, St. Petersburg, St. Petersburg State University).

V International Forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: History and Prospects" (St. Petersburg, October 4-6, 2021).

Tenth International Student Scientific Conference "Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities" (St. Petersburg, March 24-26, 2022).

The results of the study are presented in the journals “Scientific Proceedings of the North-Western Institute of Management of RANEPA”⁴⁷, “Student Scientific Journal of the North-Western Institute of Management”⁴⁸, “Collection of Works of the VII International Student Scientific Conference. Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities”⁴⁹, “National Security and Strategic Planning”⁵⁰, included in the RSCI list. Also, the approbation of the study results is presented in articles of journals included in the list of the Higher Attestation Commission (“Administrative Consulting”⁵¹, “Latinskaya Amerika” (“Latin America”)⁵², Eurasian Integration: Economics, Politics, Law”⁵³) as well as in Latin-American journals (Revista Diplomática)⁵⁴. The work consists of introduction, two chapters, conclusion, bibliography and appendices.

⁴⁷Berezina E.K. UNASUR`s role in the design of regional security system of Latin America // Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPA. – 2017. – Vol. 8. – No. 2 (29). – P. 112-119. Berezina E.K. Urbanization as a development trend of Latin American regionalism // Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPA. – 2018. – Vol.9. – No. 2 (34). – P.37-45.

⁴⁸Berezina E.K. Cultural and educational cooperation between Russia and Argentina: problems and prospects // Student Scientific Journal of the North-Western Institute of Management. No. 1(9) / North-West. in-t ex. RANEPA. – St. Petersburg: CPI SZIU RANEPA, 2018. – P. 14-20.

⁴⁹ Berezina E.K. Russian cultural diplomacy in Argentina // Russia in the global world: new challenges and opportunities. Collection of works of the VII international student scientific conference. – St. Petersburg: Scythia -print, 2019. – P. 148-158.

⁵⁰Berezina E.K. The Eurasian Economic Union`s international cooperation on the example of Latin America region // National security and strategic planning. – 2018. – No. 2 (22) **part 2**. – P. 121-124.

⁵¹Berezina E. K., Toropygin A.V. EAEU expands international cooperation: Latin American trend // Management Consulting. – 2020. – No. 3 (147). – P.43-57.

⁵² Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P.25-41. Berezina E.K. Andean community – Eurasian Economic Union: are there any prospects? // Latinskaya Amerika. – 2023. – No. 3. – P.90-103.

⁵³ Berezina E.K. Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2021. – № 4 (38). – C.61-66. Berezina E.K. Features of political and legal documents of the EAEU with third countries (part 2) // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2022. – No. 1 (39). – P. 68-76.

⁵⁴ Hernández D., Caetano S., Berezina E. El florecimiento de las relaciones entre Rusia y Uruguay en el siglo XXI // Revista Diplomática. Instituto Artigas del Servicio Exterior. – 2018. – Vol.1. – N1. – P.179-188.

Chapter. 1. Public diplomacy in the conditions of the modern world order: the experience of Russian-Argentinean interaction

1.1. Public diplomacy as a tool of “soft power” and its institutions: main approaches to research

For modern political science, the study of public policy, the system of government bodies and institutions that develop and implement public policy, and the elemental composition of public policy and its individual institutions remain a priority. The complexity and inconsistency of the development of the world at the turn of the 20th -21st centuries push social scientists around the world to search for adequate methodological foundations for studying the political process, and among a number of methodological guidelines, the new institutional theory, along with other modern concepts (management, network), is rightfully recognized as the most promising. A.I. Solovyov notes that the presence of the regulatory functionality contained in politics (in the form of maneuvering social actors, de facto embodying their communicative potential associated with the promotion of interests), which is not subject to economic and administrative-legal methods of organizing public relations, has strengthened the ability of the authorities to “produce intentional actions” (B. Russell)⁵⁵. In a corresponding way, this manifested itself in the ability and inclination of politics to “plot” the government’s course, i.e., the implementation of management actions⁵⁶. In the modern world, therefore, there is a complication of the institutional interaction between public policy and society, and, consequently, their influence mechanisms.

Orientation towards the study of the proactive activity of states and ways of policy formation in an unstable environment has become one of the reasons for the use of “dynamic abilities of the state” category by modern scientists. And if “the ability to manage effectively, the ability to maintain national security ... developed within the framework of the concept of new public management and “governance” are taken into

⁵⁵ Politics and government. Essays on theory and methodology: Monograph / A. I. Solovyov. – M.: Aspect Press Publishing House, 2021. – P.46.

⁵⁶Ibid.

account when drafting national development strategies,⁵⁷ then the state's communication abilities in modern conditions are the focus of both theorists and practitioners in the field of public administration.

At the same time, it should be noted that if institutionalism views institutions as the rules of the game, focusing on their formal legislative framework, then “the neo-institutional approach, based on the premise of social constructivism, ... proves that all elements of rational choice: actors, interests, preferences are socially “constructed” ... The interest of researchers within this approach is focused mainly on informal institutions,” and “institutional changes are considered in this case as a process of distribution (diffusion) through the institutionalization procedures and behavior scenarios legitimization that arise in the processes of learning and social practice”⁵⁸. D. North, considering institutions as the main units of analysis⁵⁹, contributed to the theory of institutions, based on the ideas of individual choice and an attempt to reconcile the social and economic sciences in terms of explaining individual human behavior⁶⁰. Neo-institutionalism, as a methodological setting, makes it possible to look at the state, the processes, and the elements of state policy and management from the position of “recognizing the possibility of the existence of many points of balance, taking into account instability and a variety of preferences in the decision-making process”⁶¹, which makes it extremely popular in the analysis of political institutions and processes of the first quarter of the 21st century. The popularity of the approach has led to the fact that today in various social sciences their own versions of neo-institutionalism are being developed, which, along with the basic settings, have their own (additional and unique) methodological foundations.

⁵⁷ Vednitskaya, L.V. Dynamic abilities of the state and development policy: abstract diss. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. – St. Petersburg: FGBOU VPO “St. Petersburg State University,” 2013. – 194 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-sposobnosti-gosudarstva-i-politika-razvitiya> (date of access: 14.09.2022).

⁵⁸Public policy and management / ed. L.V. Smorgunova. Ch. I. Concepts and issues of public policy and management. – M.: ROSSPEN, 2006. – P. 226.

⁵⁹ Gulbina N.I. D.North's Theory of Institutional Changes // TSPU Bulletin. – 2004. – No. 283. – P.123.

⁶⁰ North D. Institutions, institutional change and economic performance [Electronic resource] \ Per. from English. A.N. Nesterenko; foreword and scientific ed. B.Z. Milner. – M.: Foundation of the economic book “Beginnings”, 1997. – P.20. – (Modern institutional-evolutionary theory). URL: <http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf> (date of access: 08.08.2022).

⁶¹Public policy and management / ed. L. V. Smorgunova. Ch. I. Concepts and issues of public policy and management. – M.: ROSSPEN, 2006. – P. 228.

The concept of transnationalism, which supplanted political realism and modernism in the last third of the twentieth century and is most fully described in the work of R. Keohane and J. Nye “Transnational Relations and World Politics”⁶² emphasized a sharp increase in the level of interdependence between countries and increased interchange in various fields (economic, political, social), which led to the formation of new relations and actors' types in the processes of the states' foreign policy development and management.

When the state loses the ability to fully control such a diverse and intensive exchange, “transnational companies, non-governmental organizations, individual cities or other territorial communities, various industrial, commercial, and other enterprises, and finally, an individual can act as a full-fledged subject of international relations. Various connections between religious, professional, trade union, and business circles of these states are added to the traditional political, economic, and military relations between states, and the role of the latter can sometimes be equal to the role of the former”⁶³. In this context, terms like “soft power,” “public diplomacy,” “agents of influence,” and so on have proliferated. In this regard, public diplomacy, as a means of “soft power,” acts as a communication tool of public policy, implemented through formal and informal institutions in order to influence public opinion at home and abroad. It should be recognized that over the past decades the concept has not lost its relevance. For example, the development of the international crisis in connection with the Russian special operation in Ukraine shows all the inconsistency and ambiguity of the activity of governments, business structures, scientific and cultural institutions, religious organizations, and leaders at various levels around the world.

There is no doubt that in the modern world, along with the system of global and regional international organizations, formal treaties and agreements, there are many

⁶² Keohane R.O., Nye J. S. (Jr) Ed. *Transnational Relations and World Politics*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. – P. IX-XXIX (Translation Irina Shilobreeva).

⁶³ *Public policy and management* / ed. L. V. Smorgunova. Ch. I. Concepts and issues of public policy and management. – M.: ROSSPEN, 2006. – P. 152.

unofficial contractual strategies that are both explicit and latent in nature, moving both offline and online, and having, in most cases, a network structure.

In modern international studies, public diplomacy is seen as an integral tool of “soft power.” From the American research approach, which is most common in the field of conceptual explanation of “soft power” it is an ability to establish preferences tends to be associated with intangible assets such as an attractive personality, culture, political values and institutions, and policies that are seen as legitimate or having moral authority. In behavioral terms, “soft power” is attraction power⁶⁴. From this point of view, it is necessary to consider in more detail the concept meaning of “soft power” and its components.

According to researcher J. Nye, the “soft power” of the state is based on the attractiveness of its three components: its *culture*, its *political values*, and its *foreign policies*⁶⁵. In international politics, the resources that produce soft power, arise in large part from the values an organization or country expresses in its culture, in the examples it sets. In this sense, public diplomacy is a kind of tool used by governments, to communicate and engage the public of another country, and not just their governments⁶⁶. In this regard, public diplomacy uses broadcasting, subsidizing cultural exports, arranging exchanges and so forth. If the activity of public diplomacy is ineffective, then it cannot produce “soft power”⁶⁷.

Russian researcher S.I. Belov in his article “Methods of measuring ‘Soft Power’” identifies various indices. However, their values are relative and have their drawbacks due to the difficulty of measuring the components of “soft power”. In this regard, one should agree with the conceptual position of S.I. Belov that the same indicators used to assess “soft power” in different ratings actually characterize (evaluate) different aspects

⁶⁴Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 95.

⁶⁵ Nye J.S Jr. Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics. – New York: Public Affairs Press, 2005. – P. 11.

⁶⁶Nye J.S Jr. Public Diplomacy and Soft Power //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 95.

⁶⁷Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P.27.

of this concept⁶⁸. In addition, the operationalization of the “soft power” concept today remains not entirely clear to the expert community, and this, in principle, makes it difficult to measure this phenomenon through sociological research⁶⁹ but does not remove the need for a detailed analysis and understanding of it.

The first composite soft power index (Institute for Government – Monocle Soft Power Index) was developed in 2010 and has since been published annually for several countries. The index is made up of five categories of indicators: governance, culture, diplomacy, education, and business/innovation, and also includes a number of subjective categories proposed by experts. Each of these indices is subdivided further into sub-indices⁷⁰.

The Irene Wu Soft Power Index (Wu Rubric for Soft Power) gives a comparative assessment of the soft power of Russia and China based on four integral indicators: 1) the dynamics of the number of immigrants from various countries; 2) the number of foreign students; 3) the number of tourists; 4) the audience for Chinese, Russian, and co-production films.

The description of the index reads: “Soft power is the ability of a country to influence the international community by attracting the sympathy of others, and not through economic leverage or military force”⁷¹. Thus, this index makes it possible to measure country indicators of "soft power".

It seems important to note that in modern international science, there is an issue of the boundaries of measuring soft and hard power. The methodological issue of confrontation between “hard” and “soft power” is raised in his research by G.M. Gallarotti, an American professor at the Faculty of Management at Wesleyan University.

⁶⁸ Belov S.I. Methods of Measuring `Soft Power` // Bulletin of the Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics. – 2018. – No. 1. – P. 169.

⁶⁹Ibid. – P.172.

⁷⁰Gallarotti G.M. How to Measure Soft Power in International Relations // Polis. Political studies. – 2020. – Vol.29. – No. 1. – P. 89.

⁷¹ Ibid. – P. 91-92.

The author cites the thesis that foreign aid contains a significant “hard component,” since it contains an element of generating influence through economic power, which refers to hard power. He cites as an example the implementation of projects in China and South Korea, which can be considered initiatives for the development of “soft power,” but these countries have such a conceptual basis of their economic strategies that aims them primarily at providing access to resources and investments (forward contracts, tied assistance)⁷². Russian researchers note both the complexity and ambiguity of assessments of this phenomenon, as well as the incomplete correspondence between the English term “soft” and the Russian “myagkaya” (“soft”)⁷³. Thus, foreign and domestic researchers raise the complex methodological issue of measuring and calculating the amount of “soft power” of various states.

Turning to the study of public diplomacy in the modern world, first of all, it should be taken into account that public diplomacy emerged largely due to the contribution of globalization, the impact of new technologies on the weakening of state control over the media, and the growing role of non-state actors in international relations⁷⁴. The concept of “public diplomacy” was introduced in the 1960s by Edward Gallion, dean of Tufts University’s Fletcher School of Law and Diplomacy, and Edward R. Murrow, founder of the Center for Public Diplomacy. The classical definition of public diplomacy is “the means by which governments, private companies and individuals influence the attitudes towards them and the opinions of other people and governments in such a way as to influence their foreign policy decisions”⁷⁵. There is a broader definition of public diplomacy, defined as “an instrument used by states, associations of states, and some sub-state agencies and non-state actors to understand cultures, attitudes, and behavior; to build

⁷² Berezina E.K. Features of political and legal documents of the EAEU with third countries (part 2) // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2022. – No. 1 (39). – P. 69.

⁷³ Koshkar-ool A.A. "Soft power" in international political communication: approaches to the interpretation of the concept [Electronic resource] // International Communications. – 2019. – No. 1(10). URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication> (date of access: 12.09.2022).

⁷⁴ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P.27.

⁷⁵ Ibid.

and manage relationships; and to influence thoughts and mobilize actions to advance their interests and values”⁷⁶. However, the term came into wide use in the 1990s. after J. Nye formed the concept of “soft power,” mentioned earlier⁷⁷.

Researcher F. Hartig notes that “soft power and public diplomacy are not synonyms, but instead refer to different (but related) communication activities.” Public diplomacy, as pointed out before, is the act of communicating with foreign publics, and therefore is the instrument to facilitate or project a country’s soft power⁷⁸. Explaining the notion of public diplomacy is sometimes difficult, since it is very close to the cultural diplomacy, communication, propaganda, media, public relation, etc.⁷⁹The object of public diplomacy is the mass audience, based on the fact that public opinion can have a significant impact on the government and its structure⁸⁰. The key scientific problem is the difference between propaganda and public diplomacy. In his work, F. Hartig tried to distinguish between the terms “public diplomacy” and “propaganda”: public diplomacy is similar to propaganda in that it attempts to persuade people of what they should think, but is fundamentally different in the sense that public diplomacy also listens to what people say⁸¹. Exploring the differences between the terms “public diplomacy” and “propaganda” J. S. Jr. Nye argues that simple propaganda often lacks credibility, and thus as public diplomacy it is counterproductive⁸². Effective public diplomacy must go beyond propaganda. Unlike propaganda, public diplomacy also involves building long-term relationships that create an enabling environment for government policies⁸³, and,

⁷⁶Ayhan K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives / K.J. Ayhan // *International Studies Perspectives*. – 2019. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 65.

⁷⁷ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.27.

⁷⁸Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – Routledge, New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.49.

⁷⁹ Ngadhnjim B., Nuhui MF *European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina* // *European Journal of Social Science Education and Research*. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

⁸⁰ Zonova T.V. *Modern model of diplomacy: sources of formation and development prospect*. – M.: ROSSPEN, 2003. – P.145.

⁸¹Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – Routledge, New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.28.

⁸² Nye J.S Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 101.

⁸³ *Ibid.*

therefore, it contributes to the formation of long-term, trust-based conditions for the development of the communication abilities of the state.

The theoretical foundations of public diplomacy are explored in various disciplines, ranging from communication to public relations, from international relations (IR) to marketing. According to a number of researchers, public relations (PR) have a significant impact on the conceptual nature of public diplomacy. In modern international science, comparative political science, as emphasized by L.V. Smorgunov, Professor of St. Petersburg State University, has received a significant impetus for *interdisciplinary research*, which allows us to evaluate the effectiveness of formal and informal institutions of public diplomacy from the standpoint of various theoretical and methodological approaches⁸⁴. He agrees with the Moscow researcher N.S. Yurina that the neo-institutional approach explores political reality from an interdisciplinary point of view, takes into account the diverse aspects of the relationship between the state and the individual⁸⁵.

The American researcher E. Gilboa admits that the conceptual understanding of public diplomacy has been developing in parallel with international relations and communication⁸⁶. PR and public diplomacy are very similar because they seek similar objectives and employ similar tools⁸⁷. Researcher J. Macnamara argues that “Public relations have the opportunity to engage in the development of public diplomacy and the ‘new diplomacy’ as well as borrow public diplomacy and new diplomacy concepts and principles in a transdisciplinary approach”⁸⁸. Many researchers, including J. Macnamara, K. Ayhan⁸⁹, E. Gilboa, adhere to the interdisciplinary approach for studying public diplomacy.

⁸⁴ Smorgunov L.V. Comparative political science: a textbook for universities / L. V. Smorgunov. – 2nd ed., corrected. and additional. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. – 37 p.

⁸⁵ Yurina N.S. Neo-institutional approach in political research: theoretical background of its formation // Bulletin of the Moscow University. Series 7. – 2016. – No. 5. – P. 69.

⁸⁶ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P.57.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Macnamara J. Corporate and organizational diplomacy: an alternative paradigm to PR // Journal of Communication Management. – 2012. – Vol.16. – No. 3. – P. 322.

⁸⁹ Ayhan K. J. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy // International Studies Review. – 2018. – Vol.20. – Issue 3. – P. 539.

Today, public diplomacy uses various means of informational influence both at the state level and with the involvement of the third sector in order to indirectly influence public audience abroad, make foreign policy decisions and implement programs to improve the image of the state abroad.

M.M. Lebedeva, the professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, identifies the formal and informal channels of influence that are significant for understanding public diplomacy within the framework of state foreign policy.

In the first case, the influence can be carried out through formal channels or formal institutions, i.e., through speeches by officials in the media, with public lectures, in social networks, etc. While the informal impact of public diplomacy is organized with the involvement of civil society institutions, namely through non-governmental organizations, foundations, women's and youth organizations, higher educational institutions etc.⁹⁰ Domestic author M.I. Berezhnaya emphasizes the role of informal institutions in promoting public diplomacy, such as international youth and scientific exchanges, the creation of information programs, and the active presentation of the outstanding values of one's culture to the world⁹¹. Despite the fact that public policy is a purposeful activity of national governments in the preparation and implementation of a set of political decisions, expressing the general interests of the population (or citizens in general), researchers V.A. Achkasov and S.A. Lantsov also mention the independent role of intrastate groups as subjects of international relations acting independently of government structures⁹².

In modern world politics, the role and influence of non-governmental organizations that are interested not only in popularizing the language and culture, but also in promoting public diplomacy programs abroad is increasing. However, foreign researcher K. Ayhan argues that most public diplomacy researchers do not specify exactly which actions of non-state actors should be classified as related to public diplomacy and / or which non-

⁹⁰Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.27.

⁹¹ Berezhnaya M.I. Schegortsov V.A. Public Diplomacy as a Trend of World Global Development // *Economics and Politics*. – 2014. – No. 1(2). – P. 23.

⁹² World politics and international relations: Textbook / V.A. Achkasov, S.A. Lantsov. – M: Aspect Press, 2011. – P.74.

state actors can be categorized as public diplomacy actors. Thus, the researcher raises the issue of the lack of agreement on the minimum definition of public diplomacy and its boundaries, which is of academic and practical importance⁹³.

Turning to official documents, one finds that the Russian interpretation of soft power can be characterized as *instrumentalist, pragmatic and interest-oriented*⁹⁴. According to the Russian Federation's Foreign Policy Concept (as of November 30, 2016), "soft power" refers to the use of civil society tools, as well as various methods and technologies ranging from information and communication to humanitarian and other types, in addition to traditional diplomatic methods⁹⁵. Thus, from the point of view of the Russian approach, "soft power" is understood as a set of tools and methods with an emphasis on information technology and the participation of civil society in complementary terms with the methods of classical interstate diplomacy⁹⁶.

Today, within the framework of the domestic approach in science, there is a discussion about the definition and purpose of "soft power," and, consequently, its key tool as public diplomacy. Some politicians believe that it is necessary to focus on promoting the Russian language and supporting compatriots⁹⁷. Many scholars prefer to study Russia's "soft power" strategy through the prism of various concepts of political communication, including image-making, political branding and public relations (PR).⁹⁸ According to researchers A. Sergunin, L. Karabeshkin, the lack of a well-defined terminology and the use of overlapping concepts is another remarkable feature of Russian scholarship on soft power. To make further theoretical progress, Russian academia might

⁹³ Ayhan K. J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives // *International Studies Perspectives*. – 2019. – Vol. 20. – Issue 1. – P.67.

⁹⁴ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.28.

⁹⁵ Foreign Policy Concept of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 2016. – Ch. 2. – Art. 9. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (date of access: 21.04.2022).

⁹⁶ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.28.

⁹⁷ Borisov A.V. "Soft Power": Specificities of Domestic Understanding // *Post-Soviet issues*. – 2020. – Vol.7. – No. 2. – P. 137.

⁹⁸ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.28.

wish to develop its conceptual apparatus and reach a consensus on basic terms related to the soft power *problematique*⁹⁹.

Russian theorists believe that there are also economic dimensions to soft power, albeit these can also effectively serve as hard power instruments or aggressive politics.¹⁰⁰ It is about, among other things, the development of Russian economic and energy diplomacy around the world, including Latin American countries. D.M. Rosenthal¹⁰¹, V.L. Jeifetz¹⁰², V. Rouvinsky¹⁰³ emphasize the importance of the energy factor in Russia's foreign policy in order to ensure the interests of Russian companies and mass media on the example of Venezuela. In his research S. Blank considers Venezuela as a strategic platform in ensuring the interests of Russian energy and economic companies throughout the region of Latin America¹⁰⁴. One of the mechanisms for ensuring the interests of the economic direction of Russian public diplomacy is holding the St. Petersburg International Economic Forum, where many Latin American countries take part. Thus, in order to ensure the interests of its energy companies and the attractiveness of foreign policy abroad, Russia seeks to use the mechanisms and tools of public diplomacy.

There is no doubt that despite a number of common features and universality, both “soft power” and “public diplomacy” have national specifics.

Turning to the works of modern researchers of public diplomacy, it is noticed that a feature of the American system of public diplomacy is its close connection with national interests and national security, which includes two components – attracting allies (mainly

⁹⁹Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. – 2015. – Vol.35. – Issue 3-4. – P. 359.

¹⁰⁰ Ibid. – P. 353.

¹⁰¹ Rosenthal. D.M. The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow // Latinskaya America. – 2018. – No. 10. – P. 49-60.

¹⁰²Rozental D.M., Jeifets V.L Venezuela's Foreign Policy in the Situation of Instability // Iberoamérica. – 2018. – No.4. – P. 53-76.

¹⁰³ Rouvinski V. Russia's Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update [Electronic resource]. – 16p. URL:

<https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%E2%80%99s%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (date of access: 21.04.2022).

¹⁰⁴ Blank S.J. Russia is meddling in Latin America, too [Electronic resource] // The Hill. – 20.11.2017. URL: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (date of access: 03.05.2022).

through educational and cultural programs) and countering threats (extremism and foreign propaganda, primarily Russian), with the help of strategic communications¹⁰⁵. Strategic communications are understood as a type of information impact, which implies not only an emphasis on involving the target audience, but also point-to-point reporting of the US international position to specific groups and the implementation of counter-propaganda in response to opponents' speeches (depending on the situation, Islamist terrorists, Iran, Russia, China)¹⁰⁶. In the works of N.A. Tsvetkova emphasizes that American public diplomacy actively combines "soft power" and "smart power"¹⁰⁷. The promotion of liberal values also lies at the conceptual basis of American public diplomacy, which brings the American system closer to EU public diplomacy. Strategic planning and activity in promoting American public diplomacy is carried out by an established system of institutions that includes: the Department of State, the Advisory Commission on Public Diplomacy, and the Broadcasting Board of Governors. Federal agencies such as the United States Agency for International Development (¹⁰⁸USAID), the Peace Corps (PeaceCorps), including a number of think tanks, research institutes and non-governmental organizations¹⁰⁹ are involved in promoting American public diplomacy.

Examining the institutional development of public diplomacy in the European Union, at least two main stages can be distinguished: the period before the adoption of the Lisbon Treaty (1997) and after. The period before the Lisbon Treaty of the EU demonstrates the functioning of public diplomacy through the complex structure of the EU's external relations (divided into three pillars) as well as the enduring Westphalian character of diplomacy¹¹⁰. The development of the European Union after the adoption of the Treaty of Lisbon (2007) approved the creation of the European External Action Service (EEAS), which nevertheless lacks a dedicated department for public diplomacy.

¹⁰⁵ Velikaya A.A. US Public Diplomacy in the Transforming World Order // *International Affairs*. – 2017. – No. 5. – P.169.

¹⁰⁶ Tsvetkova N.A. New forms and elements of US public diplomacy // *International Processes*. – 2015. – Vol.13. – No. 3. – P. 121-122.

¹⁰⁷ *Ibid.* – P. 121-124.

¹⁰⁸ Velikaya A. A. US Public Diplomacy in the Transforming World Order // *International Affairs*. – 2017. – No. 5. – P.173.

¹⁰⁹ *Ibid.* – P. 178-179.

¹¹⁰ Ngadhnjim B., Nuhju MF European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina // *European Journal of Social Science Education and Research*. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

Foreign researcher S. Duke highlights the highly decentralized nature of the EU's current external public diplomacy¹¹¹. However, M.M. Lebedeva mentions the Service for "Foreign Policy Instruments," which promotes EU public diplomacy through audio-visual media, websites, printed materials, as well as other means of communication and information initiatives¹¹². In general, the adoption of the Lisbon Treaty has become a prerequisite for the EU's public diplomacy development, which is based on culture and aims to strengthen the EU's position as a global player¹¹³. According to the Lisbon Treaty, the EEAS is responsible for the operation of EU representations and offices around the world. Currently, the EU is represented by approximately 140 representations and offices worldwide¹¹⁴. The EU Delegation has the status of a diplomatic mission, generally aimed at raising the profile and promoting the interests and values of the EU in the host country. Delegations are responsible for all policy areas of relations between the EU and the host country, whether political, economic, trade or human rights, as well as building relationships with partners in civil society. The role of delegations in public diplomacy is to increase the visibility, awareness and understanding of the EU¹¹⁵. Public diplomacy seeks to advance the interests of the EU through understanding, informing and influencing. This means clearly communicating the aims and political activities of the EU and promoting understanding of these aims through dialogue with individuals, groups, institutions, and the media¹¹⁶. However, the EU loses out in terms of refugee integration and protection of minorities, poverty eradication and reduction of income inequality¹¹⁷. Therefore, the specificity of EU public diplomacy lies in the promotion of European

¹¹¹ Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy [Electronic resource] // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael' and Antwerp University, Belgium. – 2013. – No.127. – P. 113-136. URL: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_71917/fajlovi/EU%20i%20javna%20diplomacija.pdf (date of access: 19.04.2022).

¹¹² Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Edition / Ed. M.M. Lebedeva. – M.: Publishing house "Aspect Press", 2017. – P. 73-74.

¹¹³ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.80.

¹¹⁴ EU delegations [Electronic resource] // Website of the European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/eu-delegations_en (date of access: 15.04.2022).

¹¹⁵ About the European External Action Service [Electronic resource] // European External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/about-european-external-action-service_en#8419 (date of access: 15.04.2022).

¹¹⁶ Ngadhnjim B., Nuhui MF European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina // European Journal of Social Science Education and Research. – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.2.

¹¹⁷ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.84.

values (like freedom of expression¹¹⁸). Also, in our opinion, the promotion of the European integration model (B. Balassa scheme) around the world as an example to follow can be singled out as the main one.

A somewhat different understanding of public diplomacy and its institutions has been formed in the People's Republic of China. A feature of China's public diplomacy, is the emphasis on a cultural exchange/cultural diplomacy approach rather than an American-style media diplomacy approach. This is largely because Chinese culture is highly developed¹¹⁹ and widely promoted by its state, and at the same time, the Chinese media were not so integrated on a global scale 15-20 years ago. At the moment, the situation is changing, including due to the emergence of platforms (for example, TikTok), etc. In addition, the concept of *power* in Western and Chinese approaches is completely different. Traditional Chinese thinking about power is that power comes from morality and morality comes from nature, considering "the whole world as one family"¹²⁰, emphasizing the creation of harmony¹²¹. Whereas Western political discourse proceeds from the problem of identity, the principle of splitting, exploring "us" and "others"¹²². In terms of interpreting the term public diplomacy in Chinese publications, two more terms are often used: *people-to-people diplomacy* and *non-governmental diplomacy*¹²³. Researcher Y. Wang emphasizes that in China there is no single body for public diplomacy and no equivalent to America's under secretary for public diplomacy and public affairs¹²⁴. The Chinese system of public diplomacy has a complex structure, consisting of various departments and divisions.¹²⁵ Among primary actors of China's public diplomacy, researcher F. Hartig, highlights the Communist Party's Office of

¹¹⁸ Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // Studia UBB Negotia. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.81.

¹¹⁹ Wang Y. "Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power"// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 259.

¹²⁰ Ibid. – P. 262.

¹²¹ Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.25.

¹²² Wang Y. "Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power"// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 262.

¹²³ Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.58.

¹²⁴ Wang Y. "Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power"// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol.616. – Issue 1. – P. 260.

¹²⁵ Ibid. – P. 264.

External Publicity Office, an organization under the Communist Party's Central Publicity Department and the State Council Information Office (SCIO)¹²⁶. In addition, such important bodies as the Information Department of the Ministry of Foreign Affairs of China are noted in the field of public diplomacy, and in 2004 the Ministry of Foreign Affairs established the Public Diplomacy Division (*Gonggong Waijiao Chu*) under its Information Office, and at the end of 2009 transformed it into the Public Diplomacy Office (*Gonggong Waijiao Bangongshi*), which was seen as a sign of the growing importance of public diplomacy. Nevertheless, the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) plays a great role in interpreting the policy and proposals to the outside world of China, while the above-mentioned structures are more responsible for the implementation of public diplomacy within the country¹²⁷.

At present, a wide interpretation of the "soft power" concept prevails among domestic researchers. The key components of this concept are not only the innovative nature of the economy¹²⁸, but also the interest of foreign citizens in the national education system (primarily higher education).¹²⁹ This point of view is based, among other things, on the study of the Soviet period. During the existence of the USSR, significant experience was gained in teaching foreign students, namely in the field of training national specialists¹³⁰, including those for the countries of Latin America and Africa, which contributed to the formation of elites focused on communication with the Soviet state. For example, from 1965 (the first graduation of students) to the beginning of the 1990s more than 3000 young Latin Americans graduated the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University (since the 1990s, the Peoples' Friendship University of Russia). A large number of Hispanic students studied in many Soviet cities and universities. Most of the Hispanic students who studied in the Soviet Union were from Cuba, Peru, and

¹²⁶ Hartig F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.85.

¹²⁷ *Ibid.* – P.86.

¹²⁸ Belov S.I. *Methods of Measuring "Soft Power"* // *Bulletin of the Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. – 2018. – No. 1. – P. 170.

¹²⁹ Berezina E.K. *Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions* // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.28-29.

¹³⁰ Sizonenko A.I. *Relations of the USSR with the countries of Latin America in 1945 - 1991* // *Political changes in Latin America: history and modernity. Collection of articles in memory of Sergei Ivanovich Semenov / A.A. Slinko (ed.), M.V. Kirchanova (ed.)*. – Voronezh, 2007. – Issue. 2. – P. 6.

Mexico¹³¹. Nevertheless, the general statistics on the foreign students' education in the USSR in the period from 1949 to 1991, showed that the number of young Hispanics was far from leading positions. Among the total amount of foreign students in the USSR, students from Eastern European and Balkan countries prevailed (33,2%). Diasporas from Central Asia were represented by 26,7%, from the Middle East and North Africa by 12,5%, while sub-Saharan Africa accounted for 12,6%, and Latin America accounted for only 11,8%¹³². And it is no coincidence that at the moment Russia's essential task is to increase the competitiveness of its national higher education system not only in the post-Soviet space, but also to expand academic exchange programs around the world.

Thus, in comparison with American, European, and Chinese public diplomacy, Russia has its traditions and understanding of public diplomacy, laid back in the Soviet era with an accent, primarily on social (people's) diplomacy. In the Soviet Union, the term "people's diplomacy" was widely used, which meant ideologically verified contacts between ordinary citizens and public organizations to build international cooperation. Until now, this term has been used by Rossotrudnichestvo to describe the activities of the agency¹³³.

Nevertheless, among domestic researchers there are also staunch critics of this direction. For example, N.V. Burlinova admits that the work of Russian public diplomacy is not well structured, and consequently she concludes that a built-in system of public diplomacy is currently absent. In addition, the author emphasizes the low efficiency of public initiatives outside the political sphere in the international arena¹³⁴.

Having analyzed the scientific literature, we can conclude that, along with education, the cultural component of Russian public diplomacy has been formed for many

¹³¹ Sizonenko A.I. Relations of the USSR with the countries of Latin America in 1945 - 1991 // Political changes in Latin America: history and modernity. Collection of articles in memory of Sergei Ivanovich Semenov / A.A. Slinko (ed.), M.V. Kirchanova (ed.). – Voronezh, 2007. – Issue. 2. – P. 6.

¹³² How foreigners studied in the USSR and in Russia [Electronic resource] // Newspaper "Kommersant" . – 24.04.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2715297> (date of access: 28.07.2022).

¹³³ Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps towards effective public diplomacy in Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – P.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of access: 21.04.2022).

¹³⁴ Ibid.

decades on the basis of the attractiveness of Russian “high” culture. For example, the practice of holding annual theater festivals in neighboring countries and worldwide¹³⁵.

Unlike the American system, Russian public diplomacy is not perceived as a system of institutions, but is defined as one of the areas of work, along with cultural and humanitarian cooperation, social diplomacy, and strategic communications. It is aimed, first of all, at specific target audiences: representatives of political and business elites, the media community, the civil sector, young leaders, and experts. Therefore, public diplomacy, acting in political (foreign policy) goals, is aimed at communication (interaction) with foreign public groups¹³⁶.

The term “*public diplomacy*” is translated into Russian as “publichnaya diplomatiya” (“public diplomacy”), “obshchestvennaya diplomatiya” (“social diplomacy”), “narodnaya diplomatiya”, “people’s diplomacy”¹³⁷. Despite the close similarities, there are differences between these synonyms. Public diplomacy is aimed at an expert audience and represents the second level of cooperation after classical, intergovernmental diploma¹³⁸. Public diplomacy initiatives, unlike social diplomacy, are aimed at achieving political (foreign policy) results¹³⁹. O.V. Lebedeva, A.N. Panova emphasize that public diplomacy is focused more on interpersonal relationships, as well as on the formation of confidence-building measures¹⁴⁰. Thus, in public diplomacy, the psychological factor plays an important role, namely, a deep knowledge of the values and

¹³⁵ Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy// Politics. – 2015. – Vol.35. – Issue 3-4. – P. 354.

¹³⁶Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps to effective public diplomacy of Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – P.8. URL : <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of access: 21.04.2022).

¹³⁷ Ibid. – P. 5.

¹³⁸Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P.27.

¹³⁹Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps towards effective public diplomacy in Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – P.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of accessed: 21.04.2022).

¹⁴⁰ Public Diplomacy of Foreign Countries: Textbook / Edited by A.N. Panova and O.V. Lebedeva. – M: Aspect Press Publishing House, 2018. – P.33.

attitudes of the partner, awareness of the national interests of the other side, and finding common ground — that is, the area of common interests¹⁴¹.

Having replaced the term “public diplomacy,” which is similar in meaning, the term “social diplomacy,” which is considered a separate direction of public diplomacy, has now become widespread in Russia. The term “public” is translated into other languages as “social,” “civil,” and “people’s.” For example, American public diplomacy system includes social diplomacy projects. First of all, social diplomacy seeks to promote programs in the cultural, scientific and humanitarian fields and is closely related to such a concept as “humanitarian cooperation”.¹⁴² Russian expert A.A. Velikaya notes that representatives of civil society, creative intelligentsia, young leaders are the target audience of public diplomacy. As an example, it can be given cultural forums of the CIS member states¹⁴³.

Depending on the goals and objectives of the state’s foreign policy, the most famous varieties of public diplomacy can be distinguished, such as “cultural diplomacy,” “economic diplomacy,” “scientific diplomacy,” “expert diplomacy,” etc. Nevertheless, it is important to understand that these varieties cannot replace the concept of “public diplomacy” and their application is dictated by a specific case.

As specific subspecies of public diplomacy N.V. Burlinova identifies the following: work with compatriots; the topic of preserving historical truth and the policy of countering the falsification of history in the international public space; external foreign relations of the Russian Orthodox Church, international cooperation between regions and sister cities. In Russia parliamentary diplomacy, youth cooperation, cooperation through

¹⁴¹ Public Diplomacy of Foreign Countries: Textbook / Edited by A.N. Panova and O.V. Lebedeva. – M: Aspect Press Publishing House, 2018. – P.33.

¹⁴²Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps towards effective public diplomacy in Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – P.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of access: 21.04.2022).

¹⁴³ Velikaya A.A. Public diplomacy as an instrument of international dialogue // International Affairs. – 2016. – No. 2. – P.155.

friendship societies and other associations, as well as various formats of cultural and linguistic cooperation are of great importance¹⁴⁴.

Among the varieties of public diplomacy, *cultural diplomacy* is the most popular and widespread. Foreign researcher Milton K. Cummings defines the concept of cultural diplomacy as a whole as “the exchange of ideas, information, values, systems, traditions, beliefs, and other aspects of culture, with the intention of fostering mutual understanding”¹⁴⁵. As F.Hartig notes, the state has various tools for the implementation of cultural diplomacy, including the use of art, sports, music, educational exchanges, book-related programs and exhibitions. One of cultural diplomacy’s core sectors, however, is language promotion¹⁴⁶. Participation in cultural events, thus, forms dialogical communication aimed at establishing a mutually beneficial relationship based on the interest of the communicating agency. In some countries, such as Germany, cultural diplomacy plays an important role in conflict prevention while focusing on the media, education, cultural exchange and dialogue with foreign stakeholders¹⁴⁷. A study by the Berlin-based Institute of Cultural Diplomacy identified a number of cultural diplomacy’s forms used by different groups for different purposes:

- (1) state-sponsored cultural diplomacy, which is often used by governments for direct political purposes;
- (2) independent or semi-independent institutions of cultural diplomacy, such as the British Council and the Goethe Institute, which conduct an information and exchange-based approach to the promotion of national culture;

¹⁴⁴Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps towards effective public diplomacy in Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – P.12. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of access: 21.04.2022).

¹⁴⁵ Pan S. Confucius Institute project: China’s cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No. 1 – P. 24.

¹⁴⁶ Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. – New York, NY and London: Routledge, 2016. – P.42.

¹⁴⁷ Ociepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies // European Journal of Communication. – 2018. – Vol. 33. – Issue 3. – P 297.

and (3) potential cultural diplomacy led by academic institutions or individual artists, academics, or professionals involved in academic exchanges and collaboration¹⁴⁸.

From this point of view, foreign researcher S. Pan considers the Chinese project of the Confucius Institute as a form of cultural diplomacy designed to facilitate economic ties, cultural dialogue, and political trust between China and the rest of the world¹⁴⁹.

The European Union (EU) recognizes cultural associations and cooperation organizations as the most important partners in the implementation of “soft power”. The EU declaration emphasizes the readiness for dialogue with civil society within the framework of the Friendship Association, NGOs, trade unions, etc. For example, the European Parliament deals with the issues of promoting EU public diplomacy in the field of culture and values¹⁵⁰. The EU publishes a number of documents, the provisions of which are aimed at promoting, first of all, cultural diplomacy; for example, the EU Strategy for International Cultural Relations (2016)¹⁵¹.

The EU Regional Programs aimed at assisting Latin America to solve remaining problems (for example, socio-economic inequality) are an effective tool for promoting public diplomacy¹⁵². However, researcher M. Stoian highlights the following obvious weaknesses of the EU-LAC space, namely the lack of civil society networks and initiatives, the presence of inter-regional and extra-regional economic asymmetries, and the lack of a viable business model in most of the LAC countries¹⁵³.

A feature of the EU public diplomacy is the use of its most important component – *cultural diplomacy* in foreign policy, where culture is an essential tool for delivering important social and economic benefits, both inside and outside the EU¹⁵⁴. The EU’s

¹⁴⁸ Pan S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No. 1. – P. 24.

¹⁴⁹ Ibid – P. 25.

¹⁵⁰ Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Edition / Ed. M.M. Lebedeva. – M.: Publishing house "Aspect Press ", 2017. – P. 79.

¹⁵¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. Towards an EU strategy for international cultural relations [Electronic resource] // Access to the European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN> (date of access: 24.08.2021).

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Stoian M. “The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America” // Review of International Comparative Management. Bucharest. – 2021. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 344-345.

¹⁵⁴ Ibid. – P. 340.

cultural diplomacy was based on the UN Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005). It determined the adoption of the “European Agenda for Culture in a Globalizing World” (2007), which affirms the cultural dimension as an integral element of the EU policy¹⁵⁵.

In general, cultural diplomacy can be defined as the main component of public diplomacy, which manifests itself in informing the international community, maintaining and developing contacts with other people in the field of education and culture, aimed at creating an attractive image of the country abroad¹⁵⁶. One of the most important priorities of foreign policy and a component of cultural diplomacy is the support of compatriots abroad, including the protection of their rights and interests in the host country¹⁵⁷.

Economic diplomacy involves the use of soft power tools by countries while attracting Foreign Direct Investment. The economization of foreign policy has supported the convergence of many of the tools of economics and public diplomacy, as well as public diplomacy and public relations¹⁵⁸. From the position of A.A. Velikaya, economic dimension of Russian public diplomacy aims to create conditions for attracting foreign investors and promoting Russian brands abroad¹⁵⁹. In this context, the main structures for promoting Russian economic diplomacy are the activities of the Russian Direct Investment Fund, events held by the Rosscongress, including regional economic forums created to work with foreign investors (for example, the Far East, Krasnoyarsk, St. Petersburg, Sochi¹⁶⁰).

Today, the role of the expert direction of public diplomacy is increasing in the international community. Expert diplomacy is one of the areas of public diplomacy,

¹⁵⁵Mărășescu C. The Emergence of an European Union Cultural Diplomacy // *Studia UBB Negotia*. – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.80.

¹⁵⁶Tsvyk G. I. Cultural diplomacy in current international relations (on the example of Russia and China) // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: General history*. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P. 136.

¹⁵⁷Lebedeva O. V. Cultural diplomacy as an instrument of Russia's foreign policy at the present stage // *International Affairs*. – 2016. – No. 9. – P. 77.

¹⁵⁸Ociepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies // *European Journal of Communication*. – 2018. – Vol. 33. – Issue: 3. – P. 298.

¹⁵⁹Velikaya A.A. Russian - US Public diplomacy: Comparative aspects and dialogues prospects // *Vestnik of St. Petersburg State University. International relations*. – 2019. – Vol. 12. – Issue. 4. – P.502.

¹⁶⁰Ibid. – P.503.

which involves research institutions (think tanks) and individual experts. Representatives of expert diplomacy are responsible for establishing a dialogue with foreign target groups (mainly with experts) in terms of foreign policy, economics, and security¹⁶¹. In Russia, the promotion of expert diplomacy is the responsibility of Russian analytical and research centers that interact directly with the expert community within the country and abroad. As of 2020, such Russian think tanks as the Carnegie Moscow Center, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), and the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) are at the top of the international rankings¹⁶². From this point of view, one cannot agree that the Moscow Kargegi Center is fully Russian think tanks.

Along with expert diplomacy by domestic and foreign researchers, scientific diplomacy also stands out.

In 2010, the American Association for the Advancement of Science (which established the Center for Science Diplomacy in 2008) and the Royal Society for the Advancement of Nature Knowledge formulated three main areas of science diplomacy:

- “Science in Diplomacy” – assistance of science (understanding and achievement of foreign policy goals;
- “Diplomacy for Science” – diplomatic assistance to international scientific cooperation;
- “Science for diplomacy” – the use of scientific cooperation to improve international relations.¹⁶³

At the moment there are two main theoretical approaches to define science diplomacy in the system of public diplomacy. On the one hand, science diplomacy is considered as a subspecies of cultural (public) diplomacy, which is widespread in France

¹⁶¹ Burlinova N.V. Public diplomacy of Russia in the era of COVID-19. Annual Review of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Report No. 71/2021 [Electronic resource] / N. Burlinova, M. Chagina, V. Ivanchenko; Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Center for Support and Development of Public Initiatives "Creative Diplomacy". – M.: NP RIAC, 2021. – P.14. URL : <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (date of access: 25.04.2022).

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Litvak N.V. Scientific diplomacy in wars, revolutions, and conflicts. Philosophical and socio-political aspects // RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations". – 2020. – No.1 – P.101.

and is an expression of its exclusivity. On the other hand, science diplomacy retains greater autonomy from public diplomacy, which is typical for the US and the UK¹⁶⁴.

Russian researcher M.Yu. Gutenev defines science diplomacy as a deliberate international activity of the state through controlled scientific organizations and foundations in order to strengthen interaction with other countries, provide informational impact on them and promote its interests in the international arena¹⁶⁵. A comparative analysis of the public diplomacy of the USA, the EU, Russia and China revealed that each actor has its own features of the structure of institutions and strategic directions of public diplomacy. When studying public diplomacy by foreign and domestic researchers, the methodological problem of measuring and calculating the volume of “soft power” of various states is raised. In the framework of this study, **public diplomacy of the state** is understood *as a communication tool* for the implementation of state foreign policy, which develops and uses “soft power”. Thus, it is about the development of the communication abilities of the state (or another subject of international relations, for example, a union). Today, there is also some vagueness in the conceptual understanding of the term “soft power” and, consequently, the problem of the boundaries and interpretation of public diplomacy, which leads to the identification of concepts.

The foreign experience in the field of public diplomacy studied in this part of the work suggests that the phenomenon of public diplomacy is a tool of “soft power” used by both official and unofficial institutions, individuals, aimed at promoting the attractiveness of foreign policy and the development model of a state or an actor of international relations.

In the context of the ongoing changes in the system of international relations, Russia needs to purposefully build a comprehensive system of tools and develop public diplomacy technologies to increase its effectiveness and develop the communication skills of our state.

¹⁶⁴ Gutenev M.Yu. Scientific diplomacy as a tool for achieving foreign policy goals // World economy and international relations. – 2021. – Vol. 65. – No. 6. – P.120.

¹⁶⁵ Ibid. – P.125.

1.2. Transformation of public diplomacy in the digital age and the growing importance of the Latin American direction

One of the interesting and promising topics in the study of modern public diplomacy is the intensification of the introduction of digital technologies and the digital transformation of public diplomacy, which was triggered by the COVID-19 pandemic and the isolation regime. So, in a narrow sense, digital diplomacy is a practical activity aimed at using the web and information and communication technologies (ICT) to implement diplomatic tasks¹⁶⁶. On the other hand, digital diplomacy as an element of public diplomacy is an important component of the “soft power” of world powers¹⁶⁷. In this sense, the “digital” version of public diplomacy pursues broader goals than classical public diplomacy¹⁶⁸. Thus, in a broad sense, digital public diplomacy is a universal form in relation to its varieties¹⁶⁹. Transformation of public diplomacy in the digital age can be represented by the following stages: 1) the emergence of e-government; 2) the emergence and development of social networks; 3) forced digitalization caused by the COVID-19 lockdown.

The process of globalization has accelerated the development of information and communication technologies in states, becoming a factor for the creation of e-government. Modern society, characterized by a network character, is increasingly using digital means of social interaction (messengers, social networks, blocks). This process has fundamentally affected the sphere of public administration. In this regard, the *digitalization of public administration* is understood as the process of transforming the culture, organization and relationships of public authorities with business and society through the use of new digital technologies (big data, the Internet, artificial intelligence).

¹⁶⁶ Permyakova L. Digital diplomacy: areas of work, risks and tools [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). – 27.09.2012. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrument/> (date of access: 11.09.2022).

¹⁶⁷ Ryabichenko A. Digital diplomacy yesterday and today [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). – 16.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (date of access: 11.09.2022).

¹⁶⁸ Baryshnikov D.N., Tulenkov A.Yu. “Digital Diplomacy” and the State Sovereignty at the Edge of Globalization // Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 6. – 2012. – Issue. 4. – P.123.

¹⁷⁰ Power in a network form allows participants to create alliances depending on the problem or task posed, to distribute management functions within the network.

Despite this, network interactions based on digital technologies are of a great interest as an independent scientific direction. However, there is still no holistic vision of the nature of digital technologies as a sociotechnical system¹⁷¹. However, today one of the most important tools of public administration is the active use of digital public diplomacy and its tools such as social networks, blogs and digital platforms.

The concept of “*digital diplomacy*” (“*cifrovaya diplomatiya*”) was first mentioned in 2010, as a result of the “Strategic Plan for the Development of Information Technologies in 2011-2013: Digital Diplomacy” preparation by the US State Department¹⁷². The document also outlines the main goals of “digital diplomacy,” which include the use of social networks and other similar tools to represent American values and views, as well as the use of a social network like Facebook* to appeal to foreign audiences and governments¹⁷³. At the same time, other terms like “twiplomacy” and “twitter revolution” appeared, which, according to the Russian political scientist E. Leonov, are associated with the accelerated development of information and communication technologies and the popularization of social networks¹⁷⁴. Professor of the School of Communications of the American University (USA), P. Doshi, refers to the tools of digital diplomacy as any available internet resources, including websites and blogs¹⁷⁵. Domestic researcher O.V. Lebedeva highlighted the strengths of digital diplomacy technologies as an opportunity for everyone who wants to publicly express their opinion in relation to a particular political event, and be among the first to learn the

¹⁷⁰ Political ontology of digitalization and state controllability: Collective monograph. Ed. L.V. Smorgunov. – M.: Publishing house “Aspect Press”, 2021. – P.23-24.

¹⁷¹ Ibid. – P.12.

¹⁷² Leonov E. New trends in the development of digital diplomacy in the context of Covid -19 // International Affairs. – 2021. – No. 1. – P. 20.

* The social network Facebook is officially blocked on the territory of the Russian Federation.

¹⁷³ Baryshnikov D.N., Tulenkov A.Yu. “Digital Diplomacy” and the State Sovereignty at the Era of Globalization // Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 6. – 2012. – Issue. 4. – P.124.

¹⁷⁴ Leonov E. New trends in the development of digital diplomacy in the context of Covid -19 // International Affairs. – 2021. – No. 1. – P.20.

¹⁷⁵ Ryabichenko A. Digital diplomacy yesterday and today [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). – 16.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (date of access: 25.04.2022).

most important foreign policy events.¹⁷⁶ Thanks to the use of digital diplomacy in foreign policy through "soft power", the state can achieve the spread of its interests in the world¹⁷⁷. Thus, digital diplomacy is aimed at promoting the image and foreign policy of the state with the help of information tools and social networks in order to influence civil society both in specific states and on the world stage.

In the period from 2009-2010 the governments of such countries as the United States, Russia, France, Germany, China and Iran have begun to actively use the potential of digital diplomacy to influence on social network users. It is about the creation by these countries of official accounts on the platforms Facebook, Twitter*, YouTube, etc. This process coincided with the launch of the first digital broadcasting channels on social networks from international media companies such as Voice of America, Russia Today and Press TV¹⁷⁸.

There are several stages in the historical formation and development of digital diplomacy:

I (2009-2012). The main goal of digital diplomacy was to promote a positive image of the state, and the concept of "soft power" attracted the target audience through persuasion and dialogue. The development of digital diplomacy during this period can be associated with such concepts as the Twitter revolution, twiplomacy and etc.¹⁷⁹

II (2013-2017). During this period, digital diplomacy, based on a combination of "soft power" and "sharp power" strategies, as well as its practical application in the foreign policy of states is becoming more complex. As a result, digital diplomacy has both positive and negative effects. Methods for analyzing the behavior of social network users appeared which made digital diplomacy an extremely effective tool for conducting political campaigns, elections or protests. Propaganda and information campaigns

¹⁷⁶ Lebedeva O.V. Modern tools of "digital diplomacy" as the most important element of "soft power" // International Affairs. – 2019. – No. 5. – P.107.

¹⁷⁷ Ibid. – P.104.

* Social networks Facebook and Twitter are officially blocked on the territory of the Russian Federation.

¹⁷⁸ Tsvetkova N.A. The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology // RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series. – 2020. – No. 2. – P. 38-39.

¹⁷⁹ Ibid. – P. 39.

criticizing other countries and governments began to be actively used in the foreign policy of states. A typical example of the development of digital diplomacy at the global level is the presidential election campaign in the United States and accusations of Russia in the implementation of targeted digital diplomacy, which influenced the outcome of the elections¹⁸⁰.

III (2018-present). The emergence of this stage is associated with a new round of development of digital diplomacy. Big data processing and the use of artificial intelligence to instantly prepare effective posts and countermessages, generate convincing responses and user comments, search for sources of disinformation and “trolls,” identify key and effective bloggers, and other trends of the 2020s.¹⁸¹

The Latin American experience has shown that efforts to professionalize and modernize diplomacy in the region have coincided with a digitalization process that began to gain traction in the first decade of the 2000s.¹⁸² In the period 2018-2020, digital diplomacy has been actively used as a tool of influence during political campaigns in some Latin American countries. For example, digital diplomacy has been used by the opposition and the Venezuelan government during the political crisis to influence public opinion¹⁸³. Also, the widespread use of digital diplomacy in domestic political campaigns was revealed in Bolivia and Brazil.¹⁸⁴ Chilean researchers identify four leaders of three Latin American countries: Hugo Chavez and Nicolás Maduro in Venezuela, Evo Morales in Bolivia, and Cristina Fernandez in Argentina, all active Twitter users who have fully grasped and utilized this digital tool, who support the idea of using social networks as an effective channel of communication with their citizens¹⁸⁵. A feature of the Latin American region has become the active use of digital technologies in order to facilitate the practice

¹⁸⁰ Tsvetkova N.A. The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology // RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series. – 2020. – No. 2. – P. 39.

¹⁸¹ Ibid. – P. 45.

¹⁸² Aguirre D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in Latin America: Challenges and opportunities // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P. 5.

¹⁸³ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P. 28.

¹⁸⁴ Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics // RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”. – 2020. – No.4. – P.29.

¹⁸⁵ Aguirre D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in latin America : Challenges and opportunities // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P.10.

of diplomacy by representatives of the region's various states, where communication dominates strongly – a concept that we have argued is at the very core of the digitalization of diplomacy¹⁸⁶.

Currently, the concept of “big data diplomacy” is attracting a lot of attention. The term was introduced in 2015 by Professor Timothy Dye. This concept gained particular popularity in 2016-2017¹⁸⁷. Professor N.A. Tsvetkova defines it as “a new stage in the development of digital diplomacy, a set of tools that contains elements of data, social sciences, and international relations and offers states new opportunities to achieve results in matters of domestic and foreign policy, diplomatic and consular service, cybersecurity, and technological progress thanks to the results of social networks' big data and other Internet resources”¹⁸⁸. When studying “big data diplomacy”, the method of social media data collection (mining social media data) is used¹⁸⁹.

With regard to the USA, O.V. Lebedeva identifies the following components of digital diplomacy: open access to the global network, the ability to use social networks, the availability of ways to circumvent censorship, and the popularization of democratic views through the creation of training programs that allow those from authoritarian-type states to work on the Internet¹⁹⁰. While the EU relies on active media use in conjunction with propaganda to promote its values and development model,¹⁹¹ the EEAS operates in close coordination with the foreign policy actors of the member states. M.M. Lebedeva notes that the image of the EU is projected both passively (through websites, blogs, or materials and research results) and actively (during visits of EU officials to countries around the world or EU embassies in these countries)¹⁹².

¹⁸⁶ Aguirre D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in latin America : Challenges and opportunities // *Revista Mexicana de Política Exterior*. – 2018. – No. 113. – P.16.

¹⁸⁷ Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics // *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*. – 2020. – No.4. – P.30.

¹⁸⁸ *Ibid.* – P.40.

¹⁸⁹ *Ibid.* – P.32.

¹⁹⁰ Lebedeva O.V. Modern tools of “digital diplomacy” as the most important element of “soft power” // *International Affairs*. – 2019. – No. 5. – P.107.

¹⁹¹ *Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Edition / Ed. M.M. Lebedeva*. – M.: Publishing house "Aspect Press", 2017. – P. 81.

¹⁹² *Ibid.* – P. 82.

Partial transition to an online format due to the COVID-19 pandemic has contributed to the development of digital international communication, digital diplomacy, which implies the interaction of governments with foreign publics using social networks on the Internet¹⁹³. Researcher of IMEMO RAS, T.L. Rovinskaya, notes that due to the COVID-19 pandemic, the digital factor has influenced scientific life, which has mainly moved to the virtual area: meetings, conferences, round tables are held online; increased electronic publishing activity¹⁹⁴. Thus, the pandemic factor has become an impetus for further comprehensive development and promotion of the digital tools of public diplomacy.

A similar position is held by Russian political scientist E. Leonov, testifying that the COVID-19 pandemic has accelerated the process of global digitalization, including in such areas as international relations, diplomacy and world politics. It is about a forced or even compulsory transition of humanity to a more active use of Internet platforms, social networks and other digital services¹⁹⁵.

Researcher T.L. Rovinskaya rightly notes that the COVID-19 pandemic contributes to an unprecedented breakthrough in the “digitalization” of all spheres of life and “catalyzes” the early “digital transformation,” which will have far-reaching consequences¹⁹⁶. At the same time, the author highlights both the positive effects of digitalization (for example, the deepening of virtual communication, the virtualization of education, culture, sports, leisure), and the negative ones, such as a clear strengthening of “digital control” over citizens by the state and interest groups in most countries of the world¹⁹⁷. Due to the coronavirus pandemic, the largest international and Russian events

¹⁹³ Public diplomacy of Russia in the era of COVID-19. The Expert Report Outlines of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy for 2020: Report of the Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), report No. 71/2021 [Electronic resource] / N. Burlinova, M. Chagina, V. Ivanchenko; Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Center for Support and Development of Public Initiatives “Creative Diplomacy”. – M.: NP RIAC, 2021. – P.8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (date of access: 24.04.2022).

¹⁹⁴ Rovinskaya T.L. The role of new digital technologies at the time of crisis (Pandemic 2019-2021) // World Economy and International Relations. – 2021. – Vol.65. – No. 6. – P.100.

¹⁹⁵ Leonov E. New trends in the development of digital diplomacy in the context of Covid -19 // International Affairs. – 2021. – No. 1. – P. 22.

¹⁹⁶ Rovinskaya T. The role of new digital technologies at the time of crisis (Pandemic 2019-2021) // World Economy and International Relations. – 2021. – Vol.65. – No. 6. – P.96.

¹⁹⁷Ibid.

in the field of public diplomacy have been canceled or transferred to Zoom or other platforms with similar functionality. In this regard, public diplomacy expert N.V. Burlinova introduced the concept of “Zoom-diplomacy”¹⁹⁸.

In the era of COVID-19 reality, digital transformation has embraced all areas of Russian public diplomacy, which are characterized by active promotion of the image and foreign policy of the state and its individuals, using websites, social media accounts, and blogs. Thus, the foreign policy of states is becoming more open and accessible to those who wish to express their opinion and receive information on certain issues. In addition, the factor of the COVID-19 pandemic has greatly accelerated the transition of universities and research institutions to the online format, expanding the geography of its participants and means of communication through Internet platforms and social networks. The potential of digital tools is actively used in Latin American countries during the domestic political campaign and is popular among individual political leaders as an effective means of communication with civil society.

However, the use of digital technologies entails a number of significant challenges, in particular the personal data leakage or total control over the individual¹⁹⁹. Thus, it is about the problem of ensuring the complete confidentiality of users regarding the location and movement of people, access to personal data and files. In general, digital transformation in the field of public diplomacy has the following disadvantages, in particular, the perception of the interlocutor falls psychologically in terms of non-verbal contacts (for example, facial expressions, emotions, and gestures). In addition, online tools allow the interlocutors not to see each other. All these factors reduce the effectiveness of digital diplomacy²⁰⁰.

¹⁹⁸Public diplomacy of Russia in the era of COVID-19. The Expert Report Outlines of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Report No. 71/2021 [Electronic resource] / N. Burlinova, M. Chagina, V. Ivanchenko; Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Center for Support and Development of Public Initiatives "Creative Diplomacy". – M.: NP RIAC, 2021. – P.8. URL : <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (date of access: 25.04.2022).

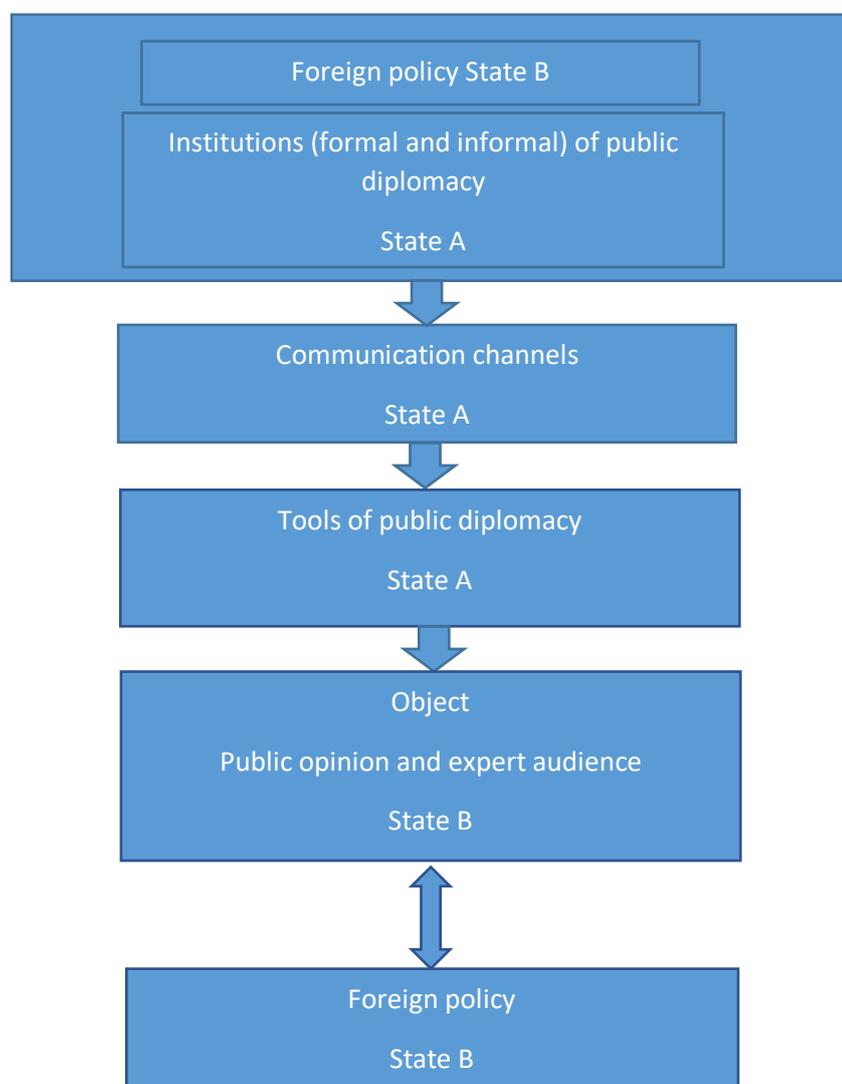
¹⁹⁹Leonov E. New trends in the development of digital diplomacy in the context of Covid -19 // International Affairs. – 2021. – No. 1. – P.22.

²⁰⁰Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P.30-31.

Under the influence of trends in world politics, public diplomacy, depending on the goals and objectives of the state's foreign policy, has channels of communication implemented by official and unofficial institutions and also has many forms and varieties. Thus, a scheme of interstate interaction in the field of public diplomacy as a tool of "soft power" was identified (Table 2).

Table 2.

Scheme of interstate interaction in the field of public diplomacy²⁰¹

²⁰¹ Berezina E.K. Scheme of interstate interaction in the field of public diplomacy as a tool of "soft power". Compiled by author.

In this context, it is necessary to identify how the COVID-19 pandemic and the aggravation of the crisis in the post-Soviet space in 2022 influenced the digitalization of official and unofficial institutions of Russian public diplomacy in Latin America, including Argentina.

1.3. The correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy in Latin America and the feature of the Argentinean direction

Russia seeks to develop public diplomacy in the field of culture and education with its foreign partners, increasing the role of digital and information tools for interaction, caused primarily by the COVID-19 pandemic. As Yu. N. Sayamov mentioned, at the global level, the role of Latin America as an active force is growing in order to restructure the world according to the principles of multipolarity, as is the participation of the region in the formation of a new system of international relations in the context of the modern world's instability²⁰². In the context of the world's global transformation, Latin America is considered one of the centers of the emerging multipolar world, which is also interested in cultural and educational programs and exchanges.

After the collapse of the Soviet Union, Russia lost its influence in Latin America, mainly concentrating on cooperation with the European countries and the USA. The high degree of economic dependence on international structures (IMF), the consequences of shock reforms in the early 1990s, liberal values and the orientation of the elites towards cooperation with the Western countries also determined the rhetoric of Russian diplomats. Thus, for example, the Minister of Foreign Affairs A.V. Kozyrev (1990-1996), argued that “Russia has no national interests, but only universal ones”²⁰³. In his phrase addressed to former US President Richard Nixon, he makes a judgment that perfectly illustrates the

²⁰² Sayámov YN América Latina en la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales // Iberoamérica. – 2019. – No. 1. – P. 62.

²⁰³ “The Firebird” by Mister Yes: Andrey Kozyrev is alien to the interests of Russia [Electronic resource] // Vesti.ru. – 27.10.2019. URL: <https://www.vesti.ru/article/1367726> (date of access: 05.04.2022).

weakness of the Russian position: "... If you have any ideas and you can tell us how to determine our national interests, then I will thank you very much."²⁰⁴ This, in fact, meant that Russia recognized a unipolar world led by the United States, as well as the primacy of Western liberal values. Changes in economic policy and the development of the domestic political situation by 1996 also influenced the ability of the Russian state to formulate and defend national interests in international politics. In contrast to A.V. Kozyrev's foreign policy course, Russian Foreign Minister E.M. Primakov (1996-1998) firmly declared the presence of Russia's national interests without confrontation, laying down the principles of equal and mutually beneficial cooperation, and the formation of the concept of multipolarity, namely the formation of the RIC, the Russia-India-China strategic "triangle," the BRICS prototype²⁰⁵. In the report of the Foreign Intelligence Service (SVR), E.M. Primakov stressed that "Russia is not indifferent to the development of events that affect its interests. Russia has every reason to weigh the outcome of these events against potential changes in the geopolitical and military situation. A renewed Russia has the right to expect its opinion to be taken into account"²⁰⁶. In the Decree of the President of the Russian Federation of December 17, 1997, No. 1300, the ensuring of the national interests of Russia in various fields is mentioned²⁰⁷. In the period from 1990-2000, Russia abandoned the Soviet model of foreign policy in Latin America, replacing ideological solidarity with the implementation of specific military-political and economic interests²⁰⁸. During this period, despite a number of cooperation agreements with major players such as Brazil and Argentina, interest in cooperation with Latin America remained extremely insignificant among Russia's geopolitical priorities.

²⁰⁴ "Now we think more about universal values" [Electronic resource] // Ria Novosti. – 03.04.2011. URL: <https://ria.ru/20110403/360861715.html> (date of access: 05.07.2022).

²⁰⁵ Lavrov: the principles laid down by Primakov allow achieving results without confrontation [Electronic resource] // TASS. – 29.10.2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/7056003?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 06.07.2022).

²⁰⁶ Rudakov V. "I firmly decided everything ..." [Electronic resource] // Journal of the Historian. URL: <https://xn--hlaagokeh.xn--p1ai/journal/post/5489> (date of access: 21.10.2022).

²⁰⁷ On the approval of the National Security Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Russian President. – 17.12.1997. – No. 1300. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1> (date of access: 05.07.2022).

²⁰⁸ Jefjets V.L. The place of Latin America in a multipolar world: views and approaches of Russian researchers // Latin America. – 2021. – No. 5. – P.55.

The subsequent period of Russian foreign policy is connected with the activities of the Minister of Foreign Affairs I.S. Ivanov (1998-2004), who defined Russian diplomacy “with a clear vision of the country’s national interests in the modern world and specific tasks to ensure them”²⁰⁹. The I.S. Ivanov’s foreign policy course is associated with the stabilization of the economic situation in Russia. He managed to strengthen Russian relations with the USA, in particular in the field of disarmament²¹⁰. Russia took an active part in the work of such global institutions as the G8, and the APEC summit. In addition, the minister notes the development of fruitful contacts with the countries of Latin America and Africa²¹¹. At that time, Russia began to condemn unilateral actions by the United States and its allies. However, Russia’s position and influence on the course of global processes proved to be limited at the time.

Since 2004, Minister of Foreign Affairs, S.V. Lavrov continues the line of his predecessors in the context of building a multipolar world, where Russia acts as an independent and autonomous center of the emerging polycentric system, defending its national interests in the international arena. S.V. Lavrov’s rhetoric emphasizes the growing factor of the civilizational dimension in the international arena²¹², stands for

²⁰⁹Ivanov I. The voice of Russia sounds more and more confident in world affairs [Electronic resource] // Nezavisimaya gazeta. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (date of access: 07.07.2022).

²¹⁰Ivanov I. The voice of Russia sounds more and more confident in world affairs [Electronic resource] // Independent newspaper. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (date of access: 07.07.2022). Minister Igor Ivanov: Unilateral actions can cost civilization dearly // Komsomolskaya Pravda. – 25.09.2001. URL: <https://www.kp.ru/daily/22640/12392/> (date of access: 07.07.2022).

²¹¹Ivanov I. The voice of Russia sounds more and more confident in world affairs [Electronic resource] // Nezavisimaya gazeta. – 31.12.2000. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (date of access: 07.07.2022).

²¹² Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the 48th Munich Security Conference, Munich, February 4, 2012 [Electronic resource] // International Affairs. – 04.02.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (date of access: 08.08.2022).

equal and indivisible security²¹³, while noting the creation by Western partners of dividing lines on the European continent, the negative trend of division into “us” and “them”²¹⁴.

Compared with the foreign policy of Russia in the early 1990s, modern actions are different, this is reflected in the S.V. Lavrov’s statements that “the realization by the West had a cumulative effect: Russia is an independent power. Russia will always have national interests in the first place. It is ready to honestly and equally match them with the national interests of any other country on the basis of international law, but it will never “be at nod”²¹⁵. The current minister of foreign affairs emphasizes “the pace and nature of democratic processes in our country will come solely from internal needs and will not be influenced by no advice from outside, as well as the recognition of an independent,

²¹³ Sergey Lavrov's speech at the press conference following the meeting of the Russia-NATO Council at the level of foreign ministers, Brussels, December 8, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 12.12.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8121> (date of access: 05.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the IV Moscow Conference on International Security, Moscow, April 16, 2015 [Electronic resource] // International Affairs. – 17.04.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (date of access: 06.07.2022). Speech and answers to media questions by S.V. Lavrov at a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2015, Moscow, January 26, 2016 [Electronic resource] // International Affairs. – 26.01.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14553> (date of access: 05.07.2022). Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a joint press conference on the results of the 14th meeting of RIC foreign ministers, Moscow, April 18, 2016 [Electronic resource] // International Affairs. – 19.04.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15112> (date of access: 05.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during the VI Moscow Conference on International Security, Moscow, April 26, 2017 [Electronic resource] // International Affairs. – 27.04.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17438> (date of access: 06.07.2022). Speech and answers to questions of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the Munich Conference on Security Policy, Munich, February 16, 2019 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (date of access: 06.07.2022). Speech and answers to questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the 56th Munich Conference on Security Policy “Global Disorder: Are There Any Chances for a New Agenda?”, Munich, February 15, 2020 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1427365/ (date of access: 06.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the IX Moscow Conference on International Security, Moscow, June 24, 2021 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (date of access: 06.07.2022).

²¹⁴ Speech by Minister Sergey Lavrov at the 49th Munich Conference on <https://interaffairs.ru/news/show/17438> security, Munich, February 2, 2013 // International Affairs. – 02.02.2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9119> (date of access: 05.07.2022). Speech by Sergey Lavrov at the 50th Munich Security Policy Conference, Munich, February 1, 2014 [Electronic resource] // International Affairs. – 02.02.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10526> (date of access: 05.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the VII Moscow Conference on International Security, Moscow, April 5, 2018 [Electronic resource] // International Affairs. – 05.04.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19659> (date of access: 06.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the general political discussion of the 76th session of the UN General Assembly, New York, September 25, 2021 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (date of access: 06.07.2022).

²¹⁵ Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov to the RT TV channel, Moscow, December 10, 2020 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1448933/ (date of access: 06.07.2022).

original way of Russian foreign policy²¹⁶. S.V. Lavrov outlines the importance of the BRICS in the context of the creation of a polycentric world in his speeches²¹⁷.

The modern Russian approach to interaction with Latin Americans is based on the principles of non-confrontation, the absence of dividing lines and artificial barriers, as well as the strengthening of cooperation based on mutual support and solidarity. As noted by A.V. Shchetinin²¹⁸, A.G. Levaggi²¹⁹, Russia's current cooperation with the Latin American region is based on deideologized, pragmatic approaches and not directed against anyone. We agree with domestic Latin Americanist V.L. Jeifets that, in the context of multipolarity, Russia's foreign policy in Latin America is complex, combining a variety of models ranging from pragmatic economic cooperation to alliances with anti-American countries²²⁰. Nevertheless, one of the problematic aspects of the relationship between Russia and the LAC countries is still not diversified trade,²²¹ as well as a complicated transport and logistics system.

Today, Russia and the countries of Latin America are largely united, firstly, by similar positions regarding the assessment of international events and processes; second,

²¹⁶ Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the 48th Munich Security Conference, Munich, February 4, 2012 [Electronic resource] // International Affairs. – 04.02.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (date of access: 06.07.2022).

²¹⁷ Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the 66th session of the UN General Assembly, September 27, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 03.10.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7927> (date of access: 05.04.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov on the results of negotiations with the Minister of Foreign Affairs of Brazil A. Patriota, Moscow, September 4, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 06.09.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7874> (date of access: 05.07.2022). Speech by S.V. Lavrov at a press conference following negotiations with the Minister of Foreign Affairs and Cult of the Argentine Republic E. Timerman, Moscow, May 28, 2014 [Electronic resource] // International Affairs. – 29.05.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11229> (date of access: 06.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the IV Moscow Conference on International Security, Moscow, April 16, 2015 [Electronic resource] // International Affairs. – 17.04.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (date of access: 06.07.2022). Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov to Russia Today TV channel, Moscow, December 25, 2017 [Electronic resource] // International Affairs. – 26.12.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19063> (date of access: 06.07.2022). Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the meeting of the BRICS Foreign Ministers, Rio de Janeiro, July 26, 2019 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1466698/ (date of access: 06.07.2022).

²¹⁸ Shchetinin A.V. Latin America: constant focus of the Russian foreign policy // *Latinskaya Amerika*. – 2019. – No. 7. – P.42.

²¹⁹ Levaggi AG Towards the peripheries of the Western World, Eurasian regional policies in Latin America [Electronic resource] // *Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe*. – 2016. – No. 13. – P. 68. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2017/0/anuario-2016.pdf> (date of access: 04/25/2022).

²²⁰ Jeifets V.L. The place of Latin America in a multipolar world: views and approaches of Russian researchers // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 5. – P.56.

²²¹ *Ibid.* – P.69.

a commitment to multipolarity and anti-Americanism; thirdly, large communities of the Russian diaspora still live in Latin American countries.

In connection with the COVID-19 pandemic that worsened in 2020, Latin American countries were among the first to express their desire to receive and produce the Russian Sputnik V vaccine. In the future, this can be seen as the development and strengthening of Russian “soft power” in the field of research cooperation with Latin American countries, and, consequently, the development of new areas of public diplomacy.

In this context, it is necessary to analyze the correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy on the Latin American direction taking into consideration the structural features and performance based on representation on websites and social networks.

Russia cooperates with Latin American countries in the field of public diplomacy through:

- 1) Formal institutions;
- 2) non-profit / non-governmental organizations, educational institutions, research centers²²².

According to the classification of N.V. Burlinova, the official institutions of public diplomacy have the following structure:

1. The Ministry of Foreign Affairs of Russia, including – the Department for Relations with the Subjects of the Federation, the Parliament and Public Associations, within which there is a division for interaction with non-governmental organizations (information and analytical and consolidate work by the Russian NGOs-international affairs’ actors); – Information and Press Department (public diplomacy outreach); – Department of International Organizations (work with international organizations and NGOs); – Department for Relations with Compatriots Abroad; and the Department of Latin America.

²²²Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.31.

2. *The Parliament of the Russian Federation* (parliamentary dimension of public diplomacy) represented by the Federation Council Committee on Foreign Affairs and the State Duma Committee on International Affairs. One of the areas of the State Duma Committee's work is the development of inter-parliamentary relations with the countries of South and Central America and participation in the activities of the BRICS Parliamentary Forum.

3. *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation* (in terms of promoting the foreign students' education in Russia). One of the activities of the Department of International Cooperation, operating within the Ministry, is to coordinate interaction with BRICS in the fields of education and sustainable development²²³.

Among the backbone institutions of state power in Russia, activities to promote public diplomacy are also carried out by other relevant ministries and departments²²⁴, namely the Ministry of Culture, the Ministry of Education, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media, and the Ministry of Sports²²⁵.

The activity of *the Federal Agency for Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo)*, established in accordance with the President of the Russian Federation's Decree No. 1315 dated September 6, 2008, is one of the most important formal institutions for the promotion of public diplomacy in foreign countries²²⁶. Today it is possible to identify the main areas of Rossotrudnichestvo's work to promote public diplomacy in Latin American countries. First of all, in the face of the COVID-19 pandemic, Brazil and Venezuela, Guatemala, the Dominican Republic, Costa Rica, Cuba, Nicaragua, Panama, and El Salvador became recipients of aid from Russia. However, when delivering humanitarian aid to Latin American countries, the Russian Federation

²²³Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.31-32.

²²⁴ Vorochkov A.P. Institutional Dimension of the "Soft Power" Policy: Analytical Method and Russian Experience // *Administrative Consulting*. – 2021. – No.7. – P. 90.

²²⁵ Ibid. – P. 92.

²²⁶ Decree of the President of the Russian Federation of September 6, 2008 N 1315 (as amended on October 24, 2018) "On Certain Issues of State Administration in the Field of International Cooperation" (together with the "Regulations on the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and international humanitarian cooperation") [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfaa166410dc332cad218c75a6a94aca5/ (date of access: 25.04.2022).

faced such problems as incomplete and inaccurate information about aid published by government agencies. So, for example, the Russian ambassador in Peru reported about the problem of informing on the supply of test systems by Russia²²⁷.

Despite the China's active policy in the region, Russia is competitive in the supply and production of the Russian Sputnik V vaccine in LAC. According to the Russian Direct Investment Fund (RDIF), the Russian Sputnik V vaccine has been approved in more than 65 countries, including Argentina, Brazil, Bolivia, Venezuela, Paraguay, Mexico, Nicaragua, Guatemala, Honduras, Ecuador, and Chile²²⁸. In June 2021, V. Putin and A. Fernandez agreed on the production of the Russian Sputnik V vaccine in Argentina²²⁹. Thus, Russian "vaccine diplomacy" in Latin American states was succeeded.

One of the key activities of Rossotrudnichestvo is the promotion of learning the Russian language and culture in Latin America. Work on the promotion of Russian language learning is carried out by the Rossotrudnichestvo representative offices, which operate in Argentina, Brazil, Venezuela, Cuba, Mexico, Nicaragua, Peru and Chile. Basically. These representative offices are Russian centers of culture and science that run Russian language courses, held various cultural events. However, these initiatives do not have a long-term effect on the promotion of Russian diplomacy in the countries of the region²³⁰.

Rossotrudnichestvo annually implements projects and programs in the field of education aimed at exporting Russian education, promoting the development of international scientific cooperation, attracting foreign citizens to study in the Russian Federation, as well as interacting with graduates of Russian (Soviet) universities. Nevertheless, Rossotrudnichestvo's statistics show weak results in the LAC direction.

²²⁷Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.32.

²²⁸Indonesia became the 70th country to approve the Sputnik V vaccine [Electronic resource] // Russian Direct Investment Fund. – 25.08.2021. URL: <https://sputnikvaccine.com/rus/newsroom/pressreleases/indoneziya-stala-70-y-stranoy-odobrivshey-vaktsinu-sputnik-v/> (date of access: 25.04.2022).

²²⁹ Putin and Fernandez launched the production of Sputnik V in Argentina [Electronic resource] // *Rossiyskaya Gazeta*. – 04.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/04/putin-i-fernandes-zapustili-proizvodstvo-sputnika-v-v-argentine.html> (date of access: 25.04.2022).

²³⁰Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.32-33.

Two educational exhibitions of Russian universities were held in Mexico and one in Peru with the support of Rossotrudnichestvo in 2019–2020. The number of applications for studying in the Russian Federation in the 2020–2021 academic year, submitted by young people living in Latin American countries, was only 4%²³¹.

Among official institutions for promoting Russian public diplomacy one can note the International Information Agency “Rossiya segodnya,” along with an international news agency Sputnik and the system of news channels RT. The broadcasting activities of these news agencies also extend to Latin American countries. In this context, a comparative analysis conducted by a foreign researcher, Pablo Sebastian Morales, shows that the Russian RT channel is more attractive and culturally closer to Latin Americans, in particular, residents of Argentina and Mexico, than Iranian HispanTV or Chinese CCTV²³².

Informal, non-profit structures and organizations, educational and scientific institutions also carry out activities to promote Russian public diplomacy in Latin American countries.

In its activities, Rossotrudnichestvo also cooperates with the *Russian Association for International Cooperation (RAMS)*, the oldest public organization, whose members are the Society for Friendship, Cultural, and Business Cooperation with Brazil, the Russian Society for Friendship with Cuba, and the Association of Friends of Latin America and the Caribbean²³³. RAMS was established in 1992 and is the legal successor of the former Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries (SSOD) and the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), formed in 1958 and 1925, respectively²³⁴. Today, RAMS is engaged in promoting Russian public diplomacy, developing friendly relations with foreign countries, promoting comprehensive exchanges in the field of culture, science, education

²³¹ Berezina E.K. Public Diplomacy of Russia in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.32-33.

²³² Ibid.

²³³ Members of the RAMS [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). URL: <http://rams-international.ru/members/> (date of access: 25.04.2022).

²³⁴ History of RAMS [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). URL: <http://rams-international.ru/history/> (date of access: 25.04.2022).

and sports, stimulating the study and popularization of the Russian language abroad, and supporting Russian compatriots abroad²³⁵.

One of the key non-profit organizations promoting public diplomacy by popularizing the Russian language abroad is the Russkiy Mir Foundation. The organization was founded in pursuance of the Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated June 21, 2007²³⁶. The objectives of the Fund are to popularize the Russian language, which is the national treasure of Russia and an important element of Russian and world culture, and to support programs for learning the Russian language in the Russian Federation and abroad. In this direction, the key tasks of the Foundation are to support public and non-profit organizations, professional associations, scientific and educational institutions and also cooperates with the Russian Orthodox Church and other confessions²³⁷.

In the field of education, the Fund's activities are aimed at supporting the export of Russian educational services and promoting expert, scientific and educational exchanges. One of the Russkiy Mir Foundation's important activities is providing grants for projects promoting the Russian language, as well as in the cultural and humanitarian areas²³⁸.

Today, within the framework of the Russkiy Mir Foundation, there are three Russian centers in Latin-Caribbean America (Cuba, Costa Rica, Nicaragua)²³⁹. In addition, there is a targeted program of the Russian World Cabinets Foundation aimed at non-profit organizations' activities to promote the Russian language and popularize Russian literature and culture. Russkiy Mir offices operate in five states of the Latin Caribbean zone (Brazil, Colombia, Cuba, Peru, Chile)²⁴⁰. The Foundation also has its own

²³⁵ Areas of activity (RAMS) [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). URL: <http://rams-international.ru/activity/> (date of access: 25.04.2022).

²³⁶ Decree of the President of the Russian Federation of June 21, 2007 No. 796 "On the establishment of the Russkiy Mir Foundation [Electronic resource] // AO Kodeks. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902047878> (date of access: 23.11.2022).

²³⁷ Charter of the Russkiy Mir Foundation dated March 28, 2019 [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. URL: <https://russkiymir.ru/ustav.pdf> (date of access: 25.04.2022).

²³⁸ Ibid.

²³⁹ Catalog of Russian centers [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/> (date of access: 06.07.2022).

²⁴⁰ Cabinets of the Russkiy Mir [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (date of access: 06.07.2022).

magazine, television channel, and radio company. On their website, one can find news and publications on the Russian language and Russian culture.

In 2010, two key institutions of public diplomacy emerged in Russia: The Alexander Gorchakov public diplomacy fund and Non-Profit Partnership “Russian International Affairs Council.” The Gorchakov fund was created by Decree of the President of the Russian Federation of February 2, 2010 No. 60-rp.²⁴¹ The Fund’s activities are aimed at supporting public diplomacy, promoting the participation of Russian non-governmental organizations in international cooperation, and active involving civil society institutions in the foreign policy process. One of the Fund’s strategic objectives is to generate financial and other resources. The Fund sends them to the implementation of non-governmental organizations’ international cooperation projects, both within the framework of its program activities and in cooperation with other public and state institutions. Thus, the Foundation provides grants in order to promote public diplomacy for NGOs.²⁴² Within the framework of the Fund, various events are held to promote public diplomacy, i.e., analytical materials and news are published.

Among the key mechanisms of the Fund’s public diplomacy support, we can mention the scientific and educational program “Dialogue for the Sake of the Future,” and the Iberoamerican Forum. Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, S.V. Lavrov in his speech outlines “the efforts of the Fund to provide expert support for integration processes in the post-Soviet space, as well as to strengthen cooperation within the BRICS and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO),” namely the international scientific and educational program “BRICS International School”²⁴³. Today, the Iberoamerican Forum is a key scientific discussion platform that gathers representatives of the diplomatic corps, the academic community, NGOs, and independent experts²⁴⁴.

²⁴¹ Decree of the President of the Russian Federation of February 2, 2010 No. 60-rp “On the establishment of the A.M. Gorchakov” [Electronic resource] // Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6633399/> (date of access: 25.04.2022).

²⁴² Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.35.

²⁴³ Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at a meeting of the Board of Trustees of the Alexander Gorchakov public diplomacy fund, Moscow, March 27, 2019 // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1457021/ (date of access: 06.07.2022).

²⁴⁴ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.35.

Among the varieties of public diplomacy, we can single out expert diplomacy. Today one of the most important Russian scientific, analytical and expert centers is the Non-Profit Partnership “Russian International Affairs Council” (RIAC), established in accordance with the order of the President of the Russian Federation dated February 02, 2010 No. 59-rp²⁴⁵. The RIAC activities are aimed at strengthening peace, friendship and solidarity between peoples, preventing international conflicts and promoting conflict resolution and crisis settlement²⁴⁶.

In general, RIAC’s main fields of occupation are consulting, expert and analytical and journalistic activities. For example, conducting scientific research, including scientific study and discussion of foreign policy and international problems, as well as expert opinions on foreign policy issues. RIAC also publishes monographs, collections of articles, and other scientific and information materials, carries out publishing and printing activities, and publishes audiovisual products²⁴⁷.

RIAC promotes process analysis and forecasting in Latin and Caribbean America. It publishes analytical articles, RIAC reports, news, and comments by RIAC members.

The promotion of public diplomacy in Latin America includes also the activities of such Russian academic institutions and analytical centers (think tanks)²⁴⁸, as the Valdai Discussion Club, the Russian Institute for Strategic Studies (RISI), the Institute of Latin American of the Russian Academy of Sciences, the Center for Iberoamerican Studies at St. Petersburg State University, etc.

Within the framework of this research thesis an expert survey on the topic “The Formation of Russian Public Diplomacy in Argentina” was carried out, in which

²⁴⁵ Decree of the President of the Russian Federation “On the establishment of a non-profit partnership” Russian International Affairs Council [Electronic resource] // AO “Kodeks”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196319> (date of access: 25.04.2022).

²⁴⁶ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.35.

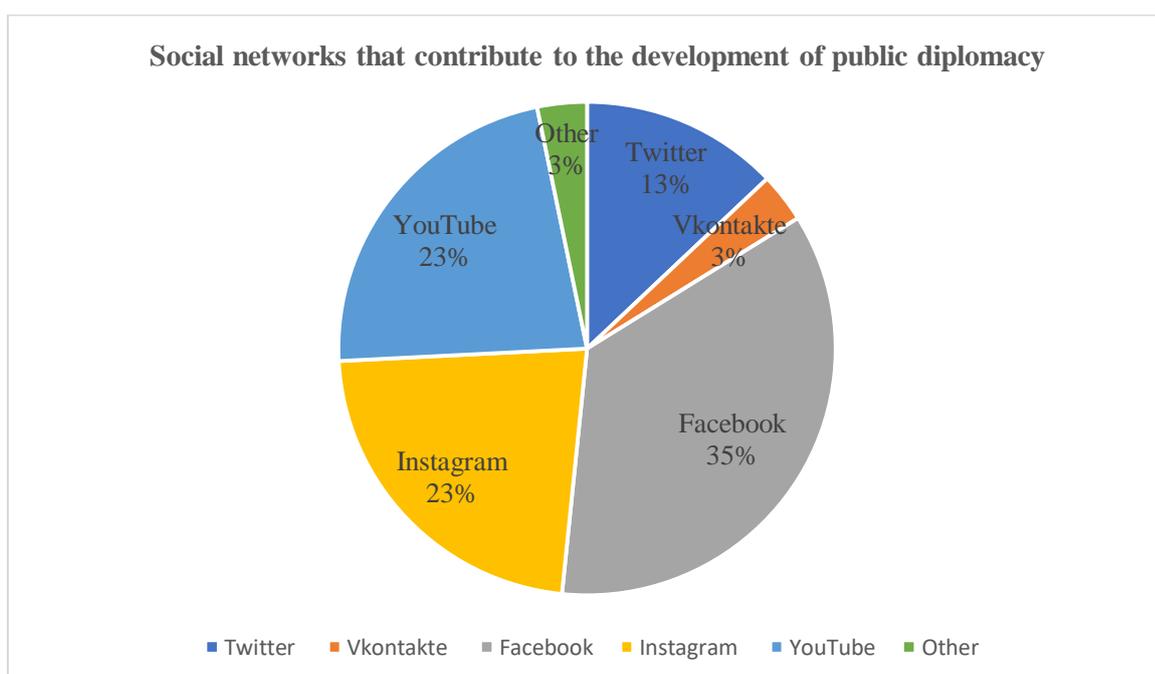
²⁴⁷ RIAC Charter [Electronic resource] // RIAC Website. URL: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (date of access: 25.04.2022).

²⁴⁸ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.37.

representatives of state authorities, university lecturers, employees of research organizations, as well as independent experts, participated.*

According to the results of the survey conducted in the period from October 2021 to January 2022, social networks that contribute to the development of public diplomacy (Figure 3) were identified. The social network – Facebook* (35%) received the highest rating, as well as YouTube and Instagram** (23%), while the Russian network VKontakte showed only 3%. According to one expert, there should be many different types of such tools as networks and messengers.

Figure 3 ²⁴⁹

The results of the study confirm that today, in the context of the “new reality” of the COVID-19 pandemic, the role of information and communication tools and digitalization in promoting Russian public diplomacy in Latin American countries is noticeably increasing. Also, researcher M.G. Troyansky considers that, as far as public diplomacy in

* The number of interviewees is 15.

* The social network Facebook is officially blocked on the territory of the Russian Federation.

** The social network Instagram is officially blocked on the territory of the Russian Federation.

²⁴⁹ Berezina E.K. Social networks that contribute to the development of public diplomacy. Compiled by the author (data: October 2021-January 2022).

Latin America lacks some infrastructure, Russia and Latin America have to form it, as well as increase support of Russian cultural and humanitarian projects²⁵⁰. One of the most important areas should be the development of parliamentary exchanges²⁵¹, and, consequently, parliamentary diplomacy.

However, the geopolitical changes in the post-Soviet space that occurred in early 2022 due to the conduct of a special operation by Russia, and in the context of sanctions, largely made it possible to revise the information and digital security strategy in terms of access to and use of information and communication tools, and social networks, in Russia. As a result, in March 2022, the Meta organization (social networks Instagram and Facebook)* was officially recognized as extremist in Russia, thereby banning its activities in the country²⁵². Individuals and entities using Meta products will not be prosecuted for extremism. Restriction of access to the social networks Facebook and Instagram*, owned by an American multinational company called Meta Platforms Inc., on the territory of Russia, is associated with calls for violent actions against Russian citizens, including the military²⁵³. This fact makes it possible for Russia to develop its own IT industry and create Russian analogues of social networks like Rossgam, maintain and brand existing social networks and instant messengers like V Kontakte, Telegram, Retube, OK.ru, Yandex Zen.

Today, the Latin American direction of Russian public diplomacy lacks consistency and the representation of informal institutions in the information space and social networks²⁵⁴. A significant shortcoming of the activities of Russian public diplomacy remains the low effect of ongoing activities in the Latin American region. Today, Russia's relevant task is to build a comprehensive or pluralistic system of public

²⁵⁰ Troyansky M.G. Modern Latin American vector of Russian foreign policy // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. – 2018. – No. 3 (17). – P. 31.

²⁵¹ Ibid.

* Social networks Facebook and Instagram are officially blocked on the territory of the Russian Federation.

²⁵² Russians will not be punished for using Facebook* and Instagram* [Electronic resource] // RIA Novosti. – 28.03.2022. URL: https://ria.ru/20220328/instagram-1780424070.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of access: 28.03.2022).

* Social networks Facebook and Instagram are officially blocked on the territory of the Russian Federation.

²⁵³ Russia banned Instagram and Facebook for extremism [Electronic resource] // TASS. – 21.03.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135927> (date of access: 28.03.2022).

²⁵⁴ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: features and institutions // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 9. – P. 37.

diplomacy with the strengthening of digital tools in order to increase the efficiency of work abroad²⁵⁵.

In general, the state's public diplomacy, as a tool of "soft power," can be defined as the state's communication ability in order to implement its foreign policy using the instrument of international civil cooperation. Currently, each state has, in one way or another, structures whose competence includes issues of information and expert promotion of the state abroad. However, not all states have developed a system and national strategies for promoting public diplomacy, compared to the United States. This is largely due to a vague understanding of the components of "soft power," and, consequently, the interpretation of public diplomacy and the scope of this term. The term "public diplomacy" is translated into Russian as "publichnaya diplomatiya" ("public diplomacy"), "obshchestvennaya diplomatiya" ("social diplomacy"), "narodnaya diplomatiya" ("people's diplomacy"). However, social diplomacy events are more popular. In general, the study of public diplomacy is based on an interdisciplinary approach.

Depending on national goals and objectives, as well as global trends, public diplomacy promotes the interests of the state in economic, cultural, scientific and other areas. In the era of digitalization, public diplomacy has begun to actively use websites, social networks, and various platforms as a tool for interacting with the target audience abroad. During the COVID-19 pandemic Russia was successful in promoting the national vaccine to Argentina, which was the first country in Latin America to register the Russian vaccine. It is about the development of such new areas of public diplomacy as "vaccine diplomacy," pharmaceutical diplomacy.

The advantages of digital public diplomacy include, firstly, to join expert discussions and educational events from anywhere in the world; secondly, it is accessible to express and popularize one's point of view; and thirdly, it contributes to the accelerated exchange of information.

²⁵⁵ Berezina E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: features and institutions // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P. 37.

However, the digitalization of public diplomacy has disadvantages and entails a number of risks. First, the use of the online format reduces the quality of the information perceived by the interlocutor, largely due to the limited non-verbal contacts. Second, there is a risk of personal data leakage and the establishment of control over the individual by the state and interest groups. Third, current events in the international arena and information wars show that the active use of social networks and the involvement of citizens in digital communication create conditions for the spread of disinformation and the large-scale use of manipulative technologies by external players, which negatively affect the manageability of the state.

In the context of modern Russian foreign policy, the importance of interaction with remote regions, including the countries of Latin America region, is growing. This situation is due, firstly, to the multipolarity concept's promotion and development by Russia; secondly, the aggravation of the crisis in the post-Soviet space in 2022 forced Russia to reconsider the concept of international cooperation in favor of developing countries, including Argentina; and thirdly, the COVID-19 pandemic contributed to Russia's promotion of new areas of international cooperation as "vaccine diplomacy," which has been recognized in Latin American countries.

An analysis of the correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy showed that informal institutions, influencing the adoption of foreign policy decisions by formal institutions, perform the function of supporting, broadcasting the initiatives of formal institutions, promoting their values, attitudes and national image in the communication environment of Argentina.

The results of the expert survey suggest that the weaknesses of Russian public diplomacy are the low rating of Russian social networks compared to American developers. Thus, Russian public diplomacy faces the urgent task of popularizing and promoting Russian social networks in the international communication space. It is also necessary to increase the holding of online events and exhibitions (in the field of education), using the digital platforms developed in Russia. One of the primary goals should be to increase funding for Russian formal institutions of public diplomacy

activities, as well as state and private individual support for Argentina's informal institutions' initiatives. In this context, it is necessary to analyze the features of the institutions and promising tools of Russian public diplomacy on the example of Russian-Argentine relations in the field of culture and education as integral elements of "soft power."

Chapter 2. Features of Russian digital public diplomacy in Argentina and cultural policy

2.1. Principles and institutions for formation of Russian public diplomacy in Argentina in the spheres of culture and education

Russia is currently striving to strengthen its presence in Latin America, based on the principles of multipolarity and pragmatism. Today, Argentina is one of the Russian key trade and economic partners in the field of bilateral cooperation, they also interact within the framework of international organizations and forums (UN, G20, St. Petersburg International Economic Forum). During the 16th BRICS summit, held in June 2022, the President of Argentina expressed his desire for Argentina's performance in the BRICS²⁵⁶, indicating Argentina's commitment to a multipolar world and its interest in ensuring food security on the global stage. In addition to Argentina's BRICS full entry, the possible and most realistic scenario is the participation of Argentina in the BRICS+ format, which implies the creation of a permanent circle in the work of the association of new like-minded states from Asia, Africa, Latin America, and the Middle East²⁵⁷.

In the 21st century, a primary emphasis in the development of Russian-Argentinean bilateral cooperation should be given to the sphere of science and technology, and parliamentary diplomacy. This is most noticeable in maintaining contacts between the twin cities of Moscow and Buenos Aires in the fight against the COVID-19 pandemic²⁵⁸.

According to the survey results (Figure 4)²⁵⁹, the rating of Latin America and the Caribbean region is gradually gaining its position relative to the system of Russian foreign policy priorities, in which Argentina (Figure 5²⁶⁰) today occupies a far from lagging position. This is largely due to the reorientation of Russian foreign policy in connection

²⁵⁶ The President of Argentina announced the country's intention to join the BRICS [Electronic resource] // Ria Novosti. – 24.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220624/argentina-1797934776.html> (date of access: 04.07.2022).

²⁵⁷ "Not just an international association." Argentina and Iran go to BRICS [Electronic resource] // Gazeta.ru. – 27.06.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/27/15047258.shtml?updated> (date of access: 04.07.2022).

²⁵⁸ Nemtsev Y. Russia and Argentina continue dialogue despite the COVID-19 pandemic [Electronic resource] // International Affairs. – 23.11.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28183> (date of access: 26.04.2022).

²⁵⁹ Berezina E.K. The ranking of the Latin America and the Caribbean region according to the current priorities of Russian foreign policy. Compiled by the author (date: October 2021-January 2022).

²⁶⁰ Berezina E.K. The ranking of Argentina according to the current priorities of Russian foreign policy. Compiled by the author (date: October 2021 - January 2022).

with the confrontation of relations with the West and its allies and, consequently, the desire to find new partners and opportunities in developing regions.

Figure 4

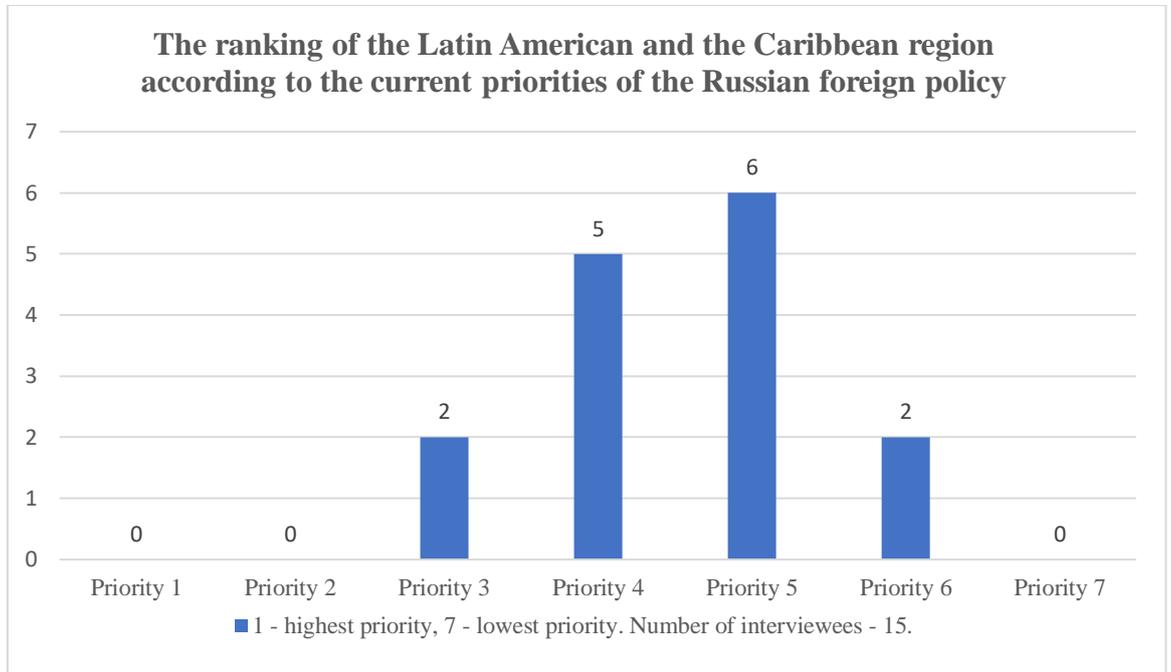
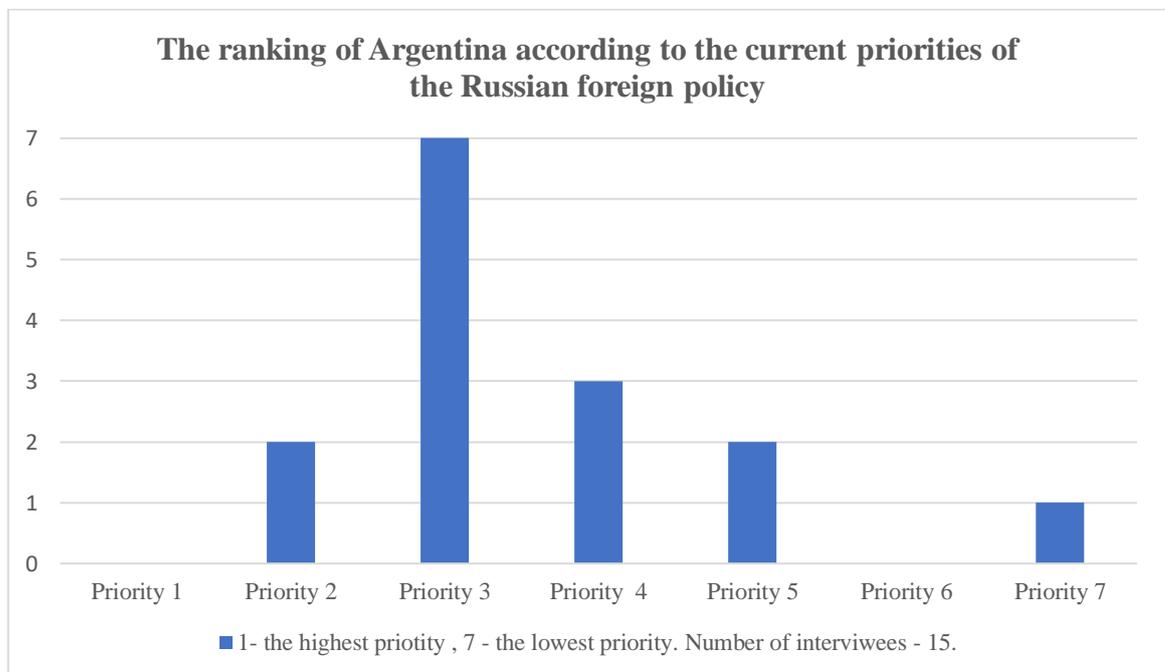

Figure 5

The events and crises in the post-Soviet space in 2022 and the beginning of the information war between Russia and the allies, led by the United States, have shown that Latin American countries, in their relations with Russia, adhere to a policy of non-

interference and support the principles and norms of international law, led by the UN. Nevertheless, the analysis of the Ukrainian case showed that Argentina supported the resolution of the UN General Assembly on Russia's actions in Ukraine, which condemns the special military operation carried out by Russia. 141 countries voted in favor of the resolution, 5 against, 35 abstained. Among the Latin American countries that abstained were Bolivia, Cuba, Nicaragua, while Venezuela did not cast its vote²⁶¹. At the same time, Argentina does not plan to impose sanctions against Russia²⁶². In an interview with the Argentine media, Russian Ambassador to Argentina D.V. Feoksistov stressed that despite the complexity of the current situation, cooperation between Russia and Argentina continues. In his opinion, Argentina, like Russia, is the main opponent of imposing sanctions on sovereign states²⁶³. Among the positive factors of Russian-Argentine cooperation, D.V. Feoksistov, notes the continuity of the license of the television channel Russia Today Español to be able to broadcast 24 hours a day in Argentina; commercial ties and cooperation in the areas of science, technology, and agriculture²⁶⁴.

The visit of the current Argentine President Alberto Fernandez to Russia in February 2022 testifies to the recognition of the Russian vaccine by the leadership, the desire of the Argentine President to overcome dependence on the United States, considering Argentina a “gateway to Latin America” for Russia. In addition, Argentina expressed a desire to accelerate the implementation of the strategic partnership agreement, which was signed during the presidency of Cristina Fernandez Kirchner in 2015²⁶⁵. However, one should keep in mind the controversial dissonance in the mood of the current Argentine government, which on the one hand remains dependent on the

²⁶¹ The UN General Assembly adopted a resolution on Russia's actions in Ukraine [Electronic resource] // TASS. – 02.03.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13938357> (date of access: 01.05.2022).

²⁶² Argentina does not plan to impose sanctions against Russia [Electronic resource] // IA REGNUM. – 26.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3518143.html> (date of access: 29.03.2022).

²⁶³ En una entrevista exclusiva, el embajador de Rusia en Argentina desafía: “No tememos a las sanciones” [Electronic resource] // El Cronista. – 07.03.2022. URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/el-embajador-de-rusia-en-argentina-asegura-que-no-tememos-a-las-sanciones-y-la-paz-depende-de-ucrania-tambien/> (date of access: 26.04.2022).

²⁶⁴ Rusia calificó a la Argentina como “un amigo verdadero” y elogió al Gobierno // El Cronista. – 21.06.2022. URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/rusia-califico-a-la-argentina-como-un-amigo-verdadero-y-elogio-al-gobierno/> (date of access: 27.07.2022).

²⁶⁵ The President of Argentina called relations with Russia fraternal [Electronic resource] // TASS. – 03.02.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13607695?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 26.04.2022).

United States in trade and economic issues while, on the other hand, advocating anti-Americanism and a multipolar world. Therefore, F. Fernandez's statement about leaving the United States is not fully justified. Former Vice-Chancellor and former UN Ambassador Fernando Petrella notes Argentina's special role in resolving diplomatic and political issues, saying that Argentina should return to its tradition of cooperation in resolving disputes, drawing on the experience of the war between India and Pakistan, in peacekeeping operations in the Balkan wars, and not just make declarations²⁶⁶. Thus, Argentina seeks to diversify relations with the countries of the world, including Russia as one of the centers of the multipolar world.

The speech of the ambassador of Argentina to the UN confirmed the turn of Alberto Fernandez's government, which initially did not want to condemn the military offensive of V.V. Putin and was limited to a call for resolving the conflict through dialogue. At the time, the US, which had backed the government in negotiations with the International Monetary Fund (IMF), declared its opposition, and Argentina began to rebuild that relationship through public and private gestures²⁶⁷. Among other things, Argentina voted for a UN resolution suspending Russia's work in the Human Rights Council²⁶⁸. Whereas at the regional level, Argentina and Brazil refused to sign the statement of the Organization of American States (OAS) condemning Russia's special military operation in Ukraine. The Argentine representative explained the refusal of Buenos Aires by saying that the conflict is not within the competence of the OAS, since it takes place on another continent. For comparison, apart from Argentina and Brazil, Bolivia, El Salvador and Uruguay did not sign the document. The United States, Canada, Mexico, Peru, Chile, Colombia and a number of other countries were among those who supported the statement²⁶⁹. According to the Argentine La Nacion, the events in Ukraine have had an

²⁶⁶ Argentina cambia de rumbo y condena invasión de Rusia a Ucrania // Vozdeamerica. – 16.03.2022. URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/argentina-cambio-rumbo-condena-rusia-ucrania/6487520.html> date of access: 17.07.2022).

²⁶⁷ Desde la Embajada de Estados Unidos, Juan Manzur reafirmó el compromiso del Gobierno con Ucrania [Электронный ресурс] // La Nacion. – 16.03.2022. URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/desde-la-embajada-de-estados-unidos-juan-manzur-reafirmo-el-compromiso-del-gobierno-con-ucrania-nid16032022/> (дата обращения: 04.05.2022).

²⁶⁸ The General Assembly suspended Russia's participation in the OHCHR [Electronic resource] // RIA Novosti. – 07.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220407/oon-1782378335.html> (date of access: 14.04.2022).

²⁶⁹ Argentina and Brazil did not sign the OAS statement on Ukraine [Electronic resource] // IA REGNUM. – 26.02.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3518135.html> (date of access: 26.04.2022).

indirect impact on Argentina as well as other developing countries, including the rise in global raw material prices, which is already affecting inflation. The International Monetary Fund's forecast was particularly pessimistic for Latin America, where inflation is expected to pick up “significantly” on rising food and energy prices²⁷⁰.

The COVID-19 pandemic also played an important role. It opened up opportunities for Russia to export vaccines and their developments, scientific and medical technologies to those countries where it turned out to be in demand, including Latin American countries.

According to the leading researcher of the ILA RAS, N.M. Yakovleva, Argentine-Russian relations are progressively developing regardless of the presence of global challenges, economic difficulties or changing political conditions²⁷¹. Besides, Argentina is interested in cooperation with the Eurasian Economic Union (EAEU) in the field of regional economic integration within the framework of the Memorandum of understanding between the Eurasian Economic Commission (EEC) and the Government Secretariat for the Agro-Industry of the Ministry of Production and Labor of the Argentine Republic on cooperation in the field of the agro-industrial complex²⁷².

In the context of modern geopolitical turbulence, it is necessary to further strengthen cooperation between the EAEU and the Latin American region in order to overcome trade, including logistical barriers that have arisen in the context of Western sanctions policy²⁷³. As part of the SPIEF-2022, S. Glazyev raised the question of switching to a new currency system of commodity settlements, creating a new trade and economic architecture, the core of which could be BRICS²⁷⁴.

²⁷⁰ Ruiz R.M. El FMI reconoció que la guerra en Ucrania complica el programa acordado con la Argentina [Электронный ресурс] // La Nacion. – 17.03.2022. URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/el-fmi-reconocio-que-la-guerra-en-ucrania-complica-el-programa-acordado-con-la-argentina-nid17032022/> (дата обращения: 04.05.2022).

²⁷¹ Yakovleva N.M. Argentina: actual agenda of the new authorities // Latinskaya Amerika. – 2020. – No. 3. – P.12-13.

²⁷² Memorandum of understanding between the Eurasian Economic Commission and the Governmental Secretariat for Agro-Industry of the Ministry of Production and Labor of the Argentine Republic on cooperation in the field of agro-industrial complex [Electronic resource] // Website of the Eurasian Economic Commission (EEC). – 01.08.2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (date of access: 31.10.2022).

²⁷³ Berezina E.K. Andean community – Eurasian Economic Union: are there any prospects? // Latinskaya Amerika. – 2023. – No. 3. – P.96.

²⁷⁴ Ibid. – P.96-97.

Argentina is currently one of the oldest Russian trade and economic partners in Latin America. In 2021, the Russian-Argentine trade turnover increased by 1.5 times compared to 2020 and amounted to \$1.4 billion. At the same time, Russian exports quadrupled to \$383.4 million, while imports from Argentina increased by 24.3% to \$1 billion²⁷⁵. In January-March 2022, the trade turnover increased by 1.7 times compared to the same period in 2021 and amounted to USD 333.4 million. Russian exports increased 2.3 times to \$107.9 million, imports from Argentina increased by 47.5% to \$225.5 million²⁷⁶.

Domestic Latin Americanist V.L. Jeifets, notes Russia's participation in the construction and development of hydroelectric power plants in Argentina, the oil and gas industry. Thus, the participation of the Rosatom company in the construction of a nuclear power plant in Argentina became one of the results of Russian-Argentinean cooperation²⁷⁷.

In the conditions of the COVID-19 pandemic, a significant role in expanding and maintaining Russian-Argentinean trade and economic relations belongs to the Russian Direct Investment Fund and the National Committee for the Promotion of Economic Cooperation with the Countries of Latin America (NC CESLA).

Despite the current geopolitical turbulence, Argentina and Russia stand for resolving the main problems of our time on the basis of the principles of multilateralism, openness, predictability, the supremacy of international law, and recognition of the coordinating role of the UN in world affairs²⁷⁸.

Due to the COVID-19 pandemic, Argentina is interested in the supply and production of the Russian Sputnik V vaccine. In the Latin American region, Argentina

²⁷⁵ Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 25.11.2022).

²⁷⁶ Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 06.02.2023).

²⁷⁷ Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region // Vestnik RUDN. International Relations. – 2020. – Vol.20. – No. 3. – P.527-528.

²⁷⁸ Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 31.10.2022)

became the first country to register the Sputnik V vaccine. The Argentine Ambassador to Russia, Eduardo Antonio Zuain, admits that among the country's main goals is “working on the supply of the Russian vaccine Sputnik V against coronavirus”²⁷⁹. Russian vaccine diplomacy proved its effectiveness by launching Sputnik V vaccine production in Argentina by the Richmond company²⁸⁰. So, according to Argentine research, the Russian vaccine in Argentina has proven its effectiveness²⁸¹. This proves the spread of Russian “vaccine diplomacy” in Latin American countries in the field of research and development.

The successful experience of medical diplomacy has been known since the Cuban model of social development. Domestic researcher A.V. Boreyko notes that Havana's medical missions have been a key tool of soft power from the very beginning, which the political leadership skillfully converted into diplomatic and financial support²⁸². The popularity of soft power is mainly due to the fact that Cuban doctors work with the poorest citizens in areas where there is no medical care²⁸³.

According to a survey conducted in the research thesis, in the context of the ongoing COVID-19 pandemic, the most promising areas of cooperation between Russia and Argentina will be the following: 1) trade; 2) medicine and healthcare (supply and development of vaccines, cooperation in the field of medical technology, pharmacology); 3) digital technologies and digitalization; 4) culture (cultural diplomacy, cultural and humanitarian relations, science, education); 5) industry areas (agriculture, heavy industry, nuclear technology (not only nuclear power plants), transport and logistics, space, energy cooperation and energy security; visa issues; migration issues. The survey also touched upon such areas of cooperation as security, namely the fight against transnational crime

²⁷⁹ Moiseev A. Argentina highly appreciates the Russian vaccine. And not only [Electronic resource] // International Affairs. – 17.06.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30499> (date of access: 26.04.2022).

²⁸⁰The Argentine pharmaceutical company announced the approval of its batch of "Sputnik V" by the Center Gamaleya [Electronic resource] // TASS. – 16.07.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (date of access: 12.08.2021).

²⁸¹ Costa J.M. Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación [Electronic resource] // El Nacion. – 25.08.2021. URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (date of access: 26.04.2022).

²⁸² Boreyko A.V. The evolution of Cuban medical diplomacy // Cuadernos Iberoamericanos. – 2020. – Vol.8. – No. 4. – P. 101.

²⁸³Ibid.

and terrorism, anti-drug cooperation. At the same time, one interviewee believes that despite the ongoing COVID-19 pandemic, the most promising areas of cooperation between Russia and Argentina will not change, and the vaccine's supply will not influence the economic situation much.

Official relations between Russia and Argentina began at the end of the 19th century. Diplomatic relations were established on October 22 (November 3), 1885. After 1917, official relations were suspended and resumed in 1946. In December 1991, Argentina recognized Russia as the successor state of the Soviet Union²⁸⁴.

Today, the legal basis for Russian-Argentine relations is formed by the Agreement on the Foundations of relations between the Russian Federation and the Argentine Republic (1998), on cultural cooperation (1997); on legal assistance in civil cases (2000), on military-technical cooperation (2004), on visa-free travel with internal passports (2009), interstate treaties on mutual legal assistance in criminal matters, on extradition and transfer for serving sentences of persons sentenced to imprisonment (2014), on cooperation in the field of the use of atomic energy for peaceful purposes (2014), intergovernmental protocol on cooperation in the field of exploration and use of outer space for peaceful purposes (2019).

The Agreement on Cultural Cooperation (1997) is aimed at the mutual promotion of the artistic and cultural values of the countries, supporting relevant state, non-state and private initiatives at all levels²⁸⁵. In matters of education, the Agreement provides:

- exchange of specialists, scientists, teachers, students and learners;
- development of direct links between educational institutions, cultural and art organizations and institutions;

²⁸⁴Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 24.04.2022).

²⁸⁵Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Argentina on cultural cooperation [Electronic resource] // AO "Kodeks". – 1997. – Art.1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824870> (date of access: 26.04.2022).

- promotion of cooperation in the field of professional training and retraining of personnel²⁸⁶.

The Parties recognize the importance of teaching and disseminating the languages of both countries in the system of general and vocational education, as well as in other educational institutions²⁸⁷.

As a result of C. Fernandez's official visit to Russia on April 21st-23rd, 2015, the "Joint Statement of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the President of the Argentine Republic C. Fernandez de Kirchner on the establishment of a Russian-Argentine comprehensive strategic partnership" was signed²⁸⁸. The implementation of the action plan resulted in the holding in 2015 of the cross-cultural days of Russian and Argentina cultures, timed to coincide with the 130th anniversary of the establishment of diplomatic relations.

Russian-Argentine relations are brought closer by the factor that a large Russian-speaking diaspora lives in Argentina. As of 2019, the Russian diaspora in Argentina was about 350 thousand people, mostly the grandchildren of emigrants who came to the country at the beginning of the 20th century²⁸⁹. Historically, since the end of the 19th century, several waves of Russian emigration have arrived in Argentina, whose representatives differed ethnically and also had different educational and cultural backgrounds²⁹⁰.

One of the most important formal institutions for promoting public diplomacy in Argentina is Rossotrudnichestvo, whose priority tasks are to popularize and study the Russian language and culture. Among the key results of the activities of

²⁸⁶ Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Argentina on cultural cooperation [Electronic resource] // AO "Kodeks". – 1997. – Art.12. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824870> (date of access: 26.04.2022).

²⁸⁷ Ibid. – Art.13.

²⁸⁸ Pashentsev E.N. Russia and Argentina: from Consular Relations to Strategic Partnership What is Further? // *Latinskaya Amerika*. – 2016. – No. 11. – P. 61.

²⁸⁹ Imitian E. La Nación (Argentina): why are there so many Russians in Argentina and so few Argentines in Russia? [Electronic resource] // InoSMI. – 21.05.2019. URL: <https://inosmi.ru/20190521/245110946.html> (date of access: 26.04.2022).

²⁹⁰ Astakhov E.M. Russian World in Argentina // *Latinskaya Amerika*. – 2015. – No. 2. – P. 62.

Rossotrudnichestvo, the launch in November 2020 "A unified roadmap for supporting and promoting the Russian language in Argentina for 2020-2022" can be noted²⁹¹.

In addition, the official institutions of Russian public diplomacy in Argentina include on-air broadcasting in Spanish of the RT channel (since October 2014), including Sputnik in the LAC region²⁹². It was on RT that the first international interview of the current president of Argentina, A. Fernandez, was taken²⁹³.

According to a survey conducted in the research thesis on international events that contribute to the strengthening of Russian public diplomacy in Argentina, 90% of interviewees named the International Forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: history and modernity," 70% named the G20, 60% remembered the St. Petersburg International Economic Forum, 50% were talking about the BRICS Parliamentary Forum, and 0% said anything about the Eastern Economic Forum. At the same time, one interviewee assesses the role of cultural and business missions to Argentina. Another emphasizes that the Latin direction (including Venezuela and Cuba) has failed today and that new approaches to the translation of cultural values, the ideology of equality, and the protection of citizens' personal freedoms are required, citing Russia's policy of non-interference in the affairs of foreign states as an example.

Russian public diplomacy in Argentina is also promoted *by informal institutions*. The Embassy of the Russian Federation in Argentina interacts with a number of non-governmental organizations, primarily with the Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots (CSORC). The activities of the Council are aimed at consolidating the Russian diaspora in Argentina, preserving and developing the Russian ethno-cultural heritage here, and spreading the Russian language. Annually, Argentina hosts conferences of Russian compatriots' organizations. At the 14th Conference of Russian Compatriots' Organizations in Argentina, which due to the COVID-19 pandemic

²⁹¹ Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 31.01.2023).

²⁹² Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region // Vestnik RUDN. International Relations. – 2020. – Vol.20. – No. 3. – P. 531.

²⁹³ Ibid.

was held online, the Russian diaspora representatives were appreciated for helping Russian tourists blocked in Argentina, as well as for their efforts to popularize and promote the Sputnik V vaccine in the countries of the region²⁹⁴. With the CCORC's support, a special youth structure, the Youth Coordinating Council, was created in 2012²⁹⁵. It is important to emphasize that Argentina is the only country in Latin America where an independent forum of young compatriots takes place²⁹⁶. Among the key mechanisms of Russian-Argentinean youth interaction are the International Forum of Russian Compatriots Living Abroad and the International Youth Forum "Eurasia Global."

Currently, there are many different organizations of Russian compatriots in Argentina, which, according to their organizational and legal status, are represented by NGOs and NPOs and are classified into: cultural houses or centers, organizations, movements representing the interests of certain groups of Russian emigrants and compatriots. Cultural and sports clubs named after Russian writers and poets deserve a separate analysis. Most of the Russian compatriots' organizations in Argentina were created before the collapse of the USSR by mostly Russian-speaking people in order to preserve the community and traditions of their ancestors from the Slavic republics, regardless of the borders. The oldest organization is the A.S. Pushkin Library (1916), which is over 100 years old. Several organizations were created in the 1950s, like the Cultural and Sports Club DNIPRO-A. Tolstoy, the V.K. Mayakovsky Cultural and Sports Society (1952), and the V.G. Belinsky Cultural and sports club (1953). At the end of the 1980s, with another migration wave to Argentina associated with the geopolitical collapse of the USSR, the Russian House in Mar del Plata and the Aurora Cultural Center (1987) were created. There are organizations such as the Russian House in Parana (2018), Bariloche Likuj (2016), and Theater "Dream" (2010) that were created recently. To date,

²⁹⁴About the XIVth Conference of Russian Compatriots' Organizations in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_xiv_y_konferentsii_organizatsiy_rossiyskikh_sootechstvennikov_v_argentine/ (date of access: 26.04.2022).

²⁹⁵Youth Coordinating Council [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. URL: https://argentina.mid.ru/ru/sootechstvenniki/molozhvezhnyy_koordinatsionnyy_sovet/ (date of access: 26.04.2022).

²⁹⁶Nemtsev Y. Compatriots in Argentina for the formation of an objective image of Russia [Electronic resource] // International Affairs. – 16.07.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23173> (date of access: 26.04.2022).

these clubs include descendants of the 2nd, 3rd, and 4th generations. Mostly club members demonstrate their national art, dances, dishes and folk songs. Some clubs offer Russian language courses, like the DNIPRO-A. Tolstoy Club., V. Mayakovsky Club, Maxim Gorky Club, A. Pushkin Library. The Coordinating Council of Russian Compatriots in Argentina seeks to cooperate and organize joint events with most organizations of Russian Compatriots in Argentina.

As part of this study, in November 2021, a comparative analysis of 20 organizations of Russian compatriots was carried out, including civil movements in Argentina. To assess the level of representation on the Internet, the following criteria were chosen as criteria:

- presence of organization's own website;
- presence of social media accounts;
- the number of subscribers;
- the main ongoing cultural and humanitarian events.

The study showed (Figure 6) ²⁹⁷ that, in general, organizations are actively represented on *Facebook* and *Instagram**. As of November 2021, Russian House in Mar del Plata, Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots had the largest number of subscribers. The Diocese of Argentina and South America of the Russian Orthodox Church is most widely represented on social networks (there are accounts on Facebook, Instagram**, VKontakte, YouTube, Twitter***), but the number of subscribers is less than in the organizations mentioned above. In general, there are a lot of different organizations of Russian compatriots in Argentina, represented in the CSORS system. However, there are organizations that are not represented at all by a separate website and social media accounts, and, accordingly, it is quite difficult to find information about them, for example, the Movement of Friendship and Solidarity with Veterans, Heroes of

²⁹⁷Berezina E.K. Representation of organizations of Russian compatriots in Argentina for the presence of their own website and accounts in social networks. Compiled by the author (data: November 2021).

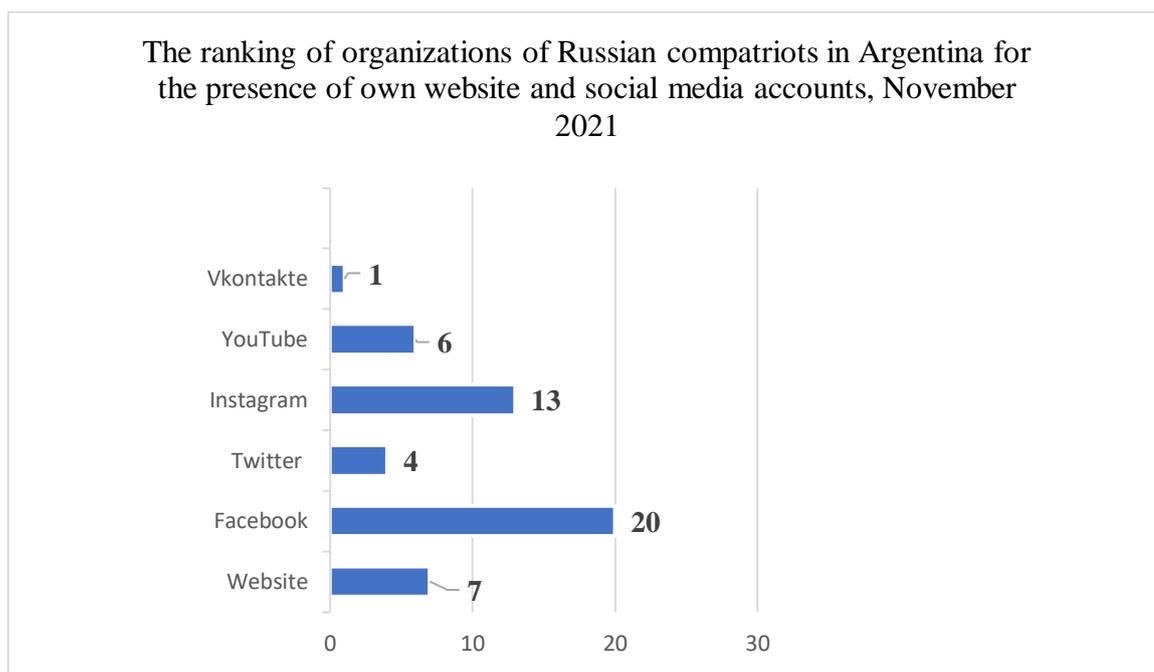
* Social networks Facebook and Instagram are officially blocked on the territory of the Russian Federation.

** Ibid.

*** The social network Twitter is officially blocked on the territory of the Russian Federation.

World War II and the Fund of Russian Disabled Veterans, the Club of Compatriots in Argentina FICIBRU, Federation of Soviet Clubs, Association of Graduates of Creative Universities of Russia and CIS countries in Argentina, Association of International Humanitarian Aid for Emigrants “Stork,” Children’s Choir “Rodnichok,” Theater “Dreams,” Figure Skating School.

Figure 6 *

Thus, the analysis of 20 organizations of Russian compatriots’ accounts, which are the informal institutions of public diplomacy, i.e., organizations of Russian compatriots in Argentina, shows their intention to develop digital diplomacy. The COVID-19 pandemic and the current international situation pose the task for Russian compatriots’ organizations to increase their representation, i.e., create their own website and promote accounts, first of all, in Russian social networks, at various forums and events in Argentina.

* Note. Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots (KSORS) in Argentina, Youth Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots in Argentina, Russian Center at the University of Buenos Aires, Immortal Regiment Argentina, Comodoro-Rivadavia, A.S. Pushkin Library, Cultural and sports club “DNIPRO - A. Tolstoy”, Cultural and sports club “Vissarion G. Belinsky”, Cultural and sports club “V. Mayakovsky”, Cultural and sports club “Maxim Gorky”, Cultural community “Nikolai A. Ostrovsky”, Russian House in Mar del Plata, Russian House in Parana, Russian House in Rosario, Russian Community of Bariloche, Russian House at the End of the World (Ushuaia), Russian-Belarusian Community in Misiones, Association of Martial Arts in Latin America (branch in Argentina), Aurora Cultural Center, Argentine and South American Diocese of the Russian Orthodox Church.

2.2. Key directions and promising tools of Russian public diplomacy in Argentina in the field of culture and education

The Russian Embassy in Argentina, together with Russian compatriots' organizations, hold various cultural events, both annual and one-time, timed to coincide with significant dates in Russian history. The state and local authorities, cultural centers, and universities of Argentina also assist in holding the Russian public diplomacy events. In general, this corresponds to Russia's tasks in the field of strengthening the positive perception of Russia and its cultural and humanitarian influence worldwide,²⁹⁸ and consequently maintaining public diplomacy.

Anniversaries and memorable dates: Defender of the Fatherland Day, Russia Day, Victory Day, National Unity Day, Cosmonautics Day, International Youth Day, Slavic Friendship Unity Day, Day of Slavic Literature and Culture, Immigrant Day. An analysis of the social networks' accounts of Russian compatriots' organizations showed that posts are often published on the history and events of the Great Patriotic War, Russian space. In addition, memorable dates dedicated to Russian writers, especially A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, are celebrated.

Mass events of a political nature. With the support of the City Hall of Buenos Aires, since 2016, the political action "Immortal Regiment" has been held annually. In 2018, 150 people took part in the action, and in 2019, about 200 people took part in the action in the Argentine capital alone²⁹⁹. As of 2022, in the Argentine capital, the number of participants in the action exceeded 50 people, including employees of the Russian Embassy and other Russian foreign missions, compatriots and representatives of public

²⁹⁸ The concept of the state policy of the Russian Federation in the field of international development assistance (approved by Decree of the President of the Russian Federation of April 20, 2014 N 259) [Electronic resource] // Website of the Presidential Executive Office. – II. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201404210023.pdf> (date of access: 29.04.2022).

²⁹⁹The immortal regiment passed through the cities of Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 04.05.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyy_pol_k_proshel_po_gorodam_argentiny_el_regimiento_inmortal_desfil_en_argentina/ (date of access: 26.04.2022).

organizations of Argentina.³⁰⁰ This event aims to promote patriotic education among Russian compatriots, particularly young people in Argentina.

Cultural events. Every year in Buenos Aires, compatriots hold the Festival of Slavic culture “Matushka Rus” (“Mother Russia”) (since 2009). As of 2019, the festival was visited by about 10 thousand people³⁰¹. Among the public events in Argentina, the All-Russian Geographical Dictation can be noted (as of November 11, 2018, more than 30 people took part in it, including diplomats from the Russian Embassy)³⁰². Since 2019, the Russian Film Festival has been held³⁰³.

Cultural and humanitarian projects (photo exhibitions, film screenings). As part of strengthening cultural and humanitarian ties, various exhibitions and film screenings are held in Argentina. Among the historical film screenings, one can note the screening of the directorial debut of K. Khabensky in 2018, the feature film “Sobibor” on the day of the 75th anniversary of the uprising led by the Soviet officer A. Pechersky in the Nazi concentration camp “Sobibor,” in the Argentine capital’s cinema “Cosmos,” with the Russian Embassy's support, representative offices of Rossotrudnichestvo, and the Guild of Film Directors of Argentina³⁰⁴. Among these is the holding in 2022 of a film festival commemorating the 90th anniversary of the birth of the outstanding Soviet director Andrei Tarkovsky as part of the Pax Russika program implemented by the Russkiy Mir Foundation at the Russian House in Buenos Aires. The festival program included such

³⁰⁰ “Immortal Regiment” in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. 07.05.2023. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyy_polok_v_argentine/ (date of access: 31.01.2023).

³⁰¹ Anniversary festival “Mother Russia” was held in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. — 08.06.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_proshel_yubileynyy_festival_matushka_rus/ (date of access: 26.04.2022).

³⁰² About the Geographical Dictation in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. — 27.10.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_argentine_geograficheskogo_diktanta/ (date of access: 26.04.2022).

³⁰³ The opening of the Russian Film Festival took place in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. — 21.11.2019. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_sostoyalos_otkrytie_festivalya_rossiyskikh_filmov/ (date of access: 25.04.2022).

³⁰⁴ On holding a screening of K. Khabensky's film “Sobibor” in Buenos Aires [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. — 15.10.2018. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_buenos_ayrese_pokaza_filma_k_khabenskogo_sobibor/ (date of access: 26.04.2022).

masterpieces by Tarkovsky as “Ivan’s Childhood,” “Stalker,” “Solaris,” “Andrey Rublev”³⁰⁵.

Among the exhibitions, one can note the photo exposition of the Russian Geographical Society “The Most Beautiful Country,” as well as an exhibition of photographic materials from the archives of the Russian Ethnographic Museum of St. Petersburg “Other Borders. Photographing the Far East” (2018)³⁰⁶. Organizations of Russian compatriots hold exhibitions dedicated to the history of Russian space, and thematic projects. Among these is the international photography exhibition “St. Petersburg: Poetic City, Reflected in the Mirror” (2021) by the prestigious Argentinean photographer Diego Blanco, who won the international project “St. Petersburg: The Look of a Foreigner.”

One of the directions in the field of Russian culture promotion is the popularization of Russian *folklore dances and folk songs*, which are demonstrated by cultural and sports clubs, holding dance and music festivals and events.

In the context of the COVID-19 pandemic, cultural and humanitarian events were held in the digital format. On the eve of the 135th anniversary of the establishment of Russian-Argentine diplomatic relations, an online round table became one of 2020’s significant events. The round table discussed the implementation of joint projects in the fields of education, science, and culture, as well as the prospects for the development of humanitarian cooperation between Moscow and Buenos Aires³⁰⁷. The representative of Rossotrudnichestvo in Argentina, O. Muradova, notes that among compatriots living in Argentina and Argentines who are interested in Russia, various thematic online events, such as literary and musical flash mobs “In Memory of the Great Victory,” have become especially in demand. Due to the pandemic, various Internet platforms have become more

³⁰⁵ Pax Russika: a film festival dedicated to the 90th anniversary of Andrei Tarkovsky is taking place in Argentina [Electronic resource] // Russkiy Mir Foundation. – 05.04.2022. URL: https://ruskiymir.ru/news/299579/?sphrase_id=1227357 (date of access: 13.04.2022).

³⁰⁶ About the presentation of the exhibition “Other Borders. Photographing the Far East” [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 27.09.2018. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_prezentatsii_vystavki_drugie_granitsy_fotografiruya_dalekiy_vostok/ (date of access: 26.04.2022).

³⁰⁷ About the event “Russia-Argentina: 135 years of friendship and cooperation. Cultural and Humanitarian Vector” [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 21.10.2020. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_meropriyatii_rossiya_argentina_135_let_druzby_i_sotrudnichestva_kulturno_gumanitarnyy_vektor/ (date of access: 26.04.2022).

popular. This has increased the implementation of domestic cultural and humanitarian projects³⁰⁸.

The Argentine and South American Russian Orthodox Church has a great influence on the promotion of Russian public diplomacy. Representatives of the Russian Orthodox Church take participate in the work compatriots' organizations, including youth, i.e., hold exhibitions and events dedicated to Russian Orthodoxy. For example, with the support of the Russian House in Parana, International Christmas Educational Readings, Rostros Santos International Historical Exhibition of Russian Orthodox Icons (September 2021) were held. Among the topical events, one can note the opening of the "Orthodox Book Days" in Buenos Aires with the participation of a representative of the Russian Embassy in Argentina and an online conference called "Joy of the Word." The participants emphasized that such events help compatriots maintain a spiritual connection with their historical homeland, and interested Argentines get to know Russia and its people better. The conference was broadcast live on the RCSC YouTube channel³⁰⁹.

Popularization of Russian education. First of all, these are the activities of Rossotrudnichestvo as the main state institution that implements the most important foreign policy tasks aimed at strengthening the "soft power" and international prestige of Russia in the field of promoting and consolidating the positions of Russian education and the Russian language abroad³¹⁰. In order to achieve the goals of systematic support for Russian education promotion and strengthening the positive image of the country abroad, Rossotrudnichestvo representative offices are consolidating efforts to provide expert, consulting, informational, organizational, and logistical support for events and projects of Russian educational organizations in the field of international educational cooperation³¹¹. In 2020, work was carried out remotely to select candidates for study at

³⁰⁸ Nemtsev Yu. In the context of a pandemic, Russia and Argentina are developing a cultural and humanitarian dialogue [Electronic resource] // International Affairs – 28.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (date of access: 26.04.2022).

³⁰⁹ About the online conference "Joy of Words" [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 16.03.2021. URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_onlayn_konferentsii_radost_slova/ (date of access: 26.04.2022).

³¹⁰ The concept of promoting Russian education on the basis of representative offices of Rossotrudnichestvo abroad [Electronic resource]. – 2014. URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (date of access: 01.05.2022).

³¹¹ Ibid.

Russian universities within the quota of the Government of the Russian Federation³¹². An analysis of the Russian House in Buenos Aires Instagram account held in January 2022 showed that the largest Russian universities, like St. Petersburg State University, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI,” and Siberian Federal University, strive to create short videos about studying at the university and hold presentations to popularize Russian education and increase interest among Argentinean youth.

A significant role in the field of *popularization and study of the Russian language* in Argentina belongs to the Russian House (the representative office of Rossotrudnichestvo in Argentina), which provides educational and methodological support to educational organizations, including the Russian School at the Russian Embassy in Argentina, where Russian is taught as a foreign language. It regularly organizes training courses for teachers of Russian studies from all over the country and provides international certification testing in cooperation with leading Russian universities. Due to the pandemic, events aimed at promoting the study of the Russian language were transferred to an online format, which made it possible to learn Russian not only for residents of the capital but also for those in other regions. Under the auspices of Rossotrudnichestvo, a series of educational events was held to promote the Russian language, popularize Russian culture and education with the participation of leading educational organizations from Russia. In this regard, about 50 Russian teachers from Argentina and more than 500 specialists from other countries were able to improve their professional qualifications without leaving their homes³¹³. When learning the Russian language, one of the activities is reading works and poems by Russian writers. One of Rossotrudnichestvo’s activities resulted in the launch of the project “Russian Poetry” by the Coordinating Youth Council of Russian Compatriots, to commemorate Russia Day (June 12th) and the Russian Language Day (June 6th), where Russian and Argentinean participants from the community read famous poems in Russian. In addition, we can note the literary project “Reading Dostoevsky,” launched in November 2021, organized at the

³¹²Nemtsev Yu. In the context of a pandemic, Russia and Argentina are developing a cultural and humanitarian dialogue [Electronic resource] // International Affairs. – 28.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (date of access: 26.04.2022).

³¹³ Ibid.

initiative of the Expert Council on the Russian Language at the World Coordinating Council of Russian Compatriots Abroad, the Russian Center at the University of Buenos Aires, and the PAX Program RUSSIKA INEROAMERICA.

As part of the promotion of Russian public and social diplomacy, according to the head of the parliamentary Friendship Group with Russia, Carlos Gaston Roma, it is necessary to acquaint Argentines with various aspects of the life of Russia. It means to make it “more visible”: to hold more exhibitions and various cultural events with Russian participation, to involve Argentine state educational institutions in the work, in promoting the idea of creating departments for the study of the Russian language in the main state universities of Argentina by analogy with departments of English, French, Portuguese and Italian already operating there, which receive full-fledged state funding³¹⁴.

The results of a survey in a study conducted among interviewees showed that in order to increase the interest of Argentines in Russian culture and higher education, the following measures should be taken: 1) online courses, language learning, education; 2) preparation of online educational courses, thematic programs on Russian culture and history; 3) educational resources, cultural and language centers; 4) increase the activity of Russian communities (cultural); 5) increase the number of cultural and scientific events using the possibilities of the Internet and information and communication technologies; development of educational online courses; 6) provide quotas for Russian students, organize academic programs, tours of museums and theaters, translation of Russian university websites into Spanish, informing Argentines through the embassy websites about opportunities in the Russian Federation; 7) develop online educational resources targeted at residents of Argentina, opening branches of Russian universities, development of a network of Russian Spanish-language media in Argentina: 8) intensify interaction between the universities of the countries (“soft power” through the younger generation), it is possible to think over some interesting projects through the exchange between the leading theater and museum institutions of Russia and Argentina, it is possible to see the real potential and opportunities of the Russian diaspora (compatriots) through the

³¹⁴Nemtsev Y. Carlos Gaston Roma: Argentina needs to get to know Russia better [Electronic resource] // International Affairs. – 23.12.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24916> (date of access: 26.04.2022).

possibilities of Rossotrudnichestvo; 9) strengthen cultural ties through the opening of Russian-speaking schools / universities in the country, or the inclusion of departments for the study of language and culture in traditional educational institutions of the country. Expand technological and scientific exchange (demonstration / promotion of Russian technology parks, companies; student / school exchange); 10) organize teaching according to Russian standards. Organize working conferences and joint courses in the field of health, medicine and pharmacology. At the same time, one interviewee believes that it is necessary to start with a plan.

In general, the promotion and dissemination of Russian public diplomacy in Argentina is a set of measures led by Rossotrudnichestvo, which is in close cooperation, primarily with Russian compatriots' organizations, cultural and sports clubs, universities, the Argentine and South American ROC, aimed at holding various cultural, humanitarian and educational events.

Thus, having studied the needs of Argentine society, and first of all taking into account the COVID-19 factor, Russia needs to develop more tools of public diplomacy, which means communication tools or measures necessary for targeted impact on the public opinion and expert audience or achieve a great effect of foreign policy initiatives. Specifically, through the promotion of Russian social networks and the creation of digital platforms, the implementation of specific projects, the opening of Russian structures in Argentine universities (on the example of Russian language and literature departments), the involvement of business companies in the field of scientific and technological exchange, and the development of cooperation at the level of medical institutions.

In this context, it is necessary to identify the role of Russian universities in public diplomacy development and promotion in Argentina.

2.3. Russian universities' role in the development of public diplomacy in Argentina

Today, universities are becoming the most important conductors of public diplomacy in the field of education and science. Russian universities, along with research institutes, are becoming centers accumulating expert knowledge and competencies on

international processes and contemporary issues. By organizing various scientific events, including forums, universities act as a link or platform for interaction between representatives of various groups of society.

Russia is currently interested in increasing the competitiveness of the national system of higher education, internationalizing education and science, developing and maintaining the export of education abroad. In addition, the activities of Russian universities are aimed at the implementation of academic and scientific mobility programs, international academic and research projects. The official documents of Russia set themselves the goal of a Russia's wider inclusion in the international educational space, namely, to promote the export of Russian educational services in every possible way, to expand the volume of training of foreign specialists in Russian educational institutions through the allocation of state scholarships, as well as on a commercial basis, to increase the attractiveness of obtaining education in Russian Federation as a whole³¹⁵. In this context, Russian educational organizations are faced with the primary task of increasing their level of competitiveness and strengthening reputational potential both within the country and abroad.³¹⁶ In the period from 2017 to 2025, the Russian government is implementing the project *“Development of the export potential of the Russian education system”* the main goal of which is to increase the attractiveness and the brand of Russian educational programs for foreign citizens as well as in the international educational market. As a result, significantly increase the amount of revenue from the export of educational services.³¹⁷ The project involves various initiatives aimed at a foreign audience, such as the introduction of new forms of joint educational programs, including in English, the development of online education, educational tourist routes and summer training programs. In addition, in order to promote the brand of Russian education abroad, it is necessary to actively involve the channels of Russian foreign

³¹⁵ The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 18.12.10. – II. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (date of access: 27.04.2022).

³¹⁶ The concept of promoting Russian education on the basis of representative offices of Rossotrudnichestvo abroad [Electronic resource]. – 2014. URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (date of access: 01.05.2022).

³¹⁷ On the priority project “Export of education” [Electronic resource] // Website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/info/27864/> (date of access: 27.04.2022).

missions and the leading media, as well as attracting Russian universities to participate in international exhibitions³¹⁸.

Today, in the field of humanitarian cooperation, emphasis is placed on Russian language study abroad and the training of Russian teachers. The Russian language should remain the most important tool for introducing other peoples to Russian and world culture, a serious factor in shaping a positive perception of Russia in the world community³¹⁹. The Russian documents emphasize the importance of stabilizing and deepening Russia's achieved level of cooperation and cultural presence in Latin American countries, taking mutual interests and material and financial opportunities into account. The main emphasis in the development and intensification of cooperation with Latin American countries, including Argentina, should be placed on cultural and educational exchanges, expanding the system of training foreign specialists on the Russian educational base³²⁰.

The COVID-19 pandemic has accelerated the process of digitalization of Russian education, the use of online platforms (Zoom, Teams), social network accounts and information technologies in this area.

Today, there are agreements on cooperation between Russian and Argentine universities. According to the results of the survey, the majority of interviewees assess the degree of involvement of the Russian universities from the TOP-500 of the QS global ranking* in promoting public diplomacy in Argentina as satisfactory.

Among the key Russian universities cooperating with Argentina, one can single out *Saint Petersburg State University (SPbU)*. Today, SPbU has active agreements with 3 Argentine universities. Among them is the framework agreement on cultural, educational, and scientific cooperation between the National University of Mar del Plata (2021), which

³¹⁸ On the priority project “Export of education” [Electronic resource] // Website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/info/27864/> (date of access: 27.04.2022).

³¹⁹ The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. - 18.12.10. – II. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (date of access: 27.04.2022).

³²⁰ Ibid. – III.

* QS – international university ranking of QS World University Rankings, published annually by the British company Quacquarelli Symonds (QS), specializing in education and study abroad.

provides joint scientific and pedagogical activities; exchange of invitations to teachers to deliver seminars and talks and/or participate in conferences, discussions, and symposiums, the co-edition of scientific publications, the exchange of information; exchange of administrative staff, teachers, and undergraduate/postgraduate students for a short period of time³²¹. The second significant partner of Saint Petersburg State University is Austral University. Currently, there is a Memorandum of Understanding (2005)³²², a Framework Agreement on Cooperation (2018)³²³, a Protocol on Student Exchange (2018) between universities³²⁴. Thus, the Framework Agreement on Cooperation is aimed at developing collaborative research projects; organizing joint academic and scientific activities such as courses, conferences, seminars, symposiums or lectures; academic and scientific exchange; student exchange; exchange of publications and other information materials of common interest³²⁵. In 2021, Saint Petersburg University concluded a Framework Cooperation Agreement with the Catholic University of La Plata. It provides for the implementation of educational projects, including the development and implementation of educational programs³²⁶.

For many years, Saint Petersburg State University has been one of the most successful universities promoting scientific research in the field of public diplomacy through the example of the Ibero-American forum. This fact is also confirmed by the results of the aforementioned survey, where the Forum took the first place among the events to promote Russian public diplomacy. In general, five forums have already taken

³²¹ Framework agreement for cultural, educational and scientific cooperation between Universidad Nacional de La Plata, Argentina, and the Saint Petersburg State University, of Russian Federation [Electronic resource] // Registry international agreements St. Petersburg State University. – 08.06.2021. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2021-123.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³²² Memorandum of Understanding between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2005. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2005-025.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³²³ Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2018. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³²⁴ Protocol on student exchange between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2018. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-275.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³²⁵ Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2018. – Clause.1.1. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³²⁶ Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Catholic University of La Plata, Argentina [Электронный ресурс] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2021. – Clause 1.1. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2022-006.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

place (2013, 2015, 2017 and 2019, 2021). During this time, the forum has expanded significantly; if in 2013, the number of its participants was 300, then in 2019, there were already 700³²⁷. Among the participants of the past forums, one can note the Deputy Minister of Foreign Affairs S.A. Ryabkov, a well-known international journalist; the Deputy Director of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company “Rossiya,” S. Brilyov; the Chairman of the 73rd session of the UN General Assembly (2018-2019), Maria Fernanda Espinosa Garces; and the former President of Brazil, Dilma Rousseff³²⁸.

One of the largest Russian universities, *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)*, has partnerships with the Technological University of Buenos Aires, the National University of the Center of the Buenos Aires Province³²⁹. Delegates of the National University of the Center of Buenos Aires took part in the negotiations in the frame of the Annual International Forum “International Polytechnic Week,” held from May 22-27, 2017³³⁰. Also, SPbPU is actively engaged in a dialogue with the Russian House in Buenos Aires in the field of promoting the Russian language and culture in general, as well as promoting the educational and scientific potential of Russian universities in Argentina. One of the joint events was holding in May 2022 of an international webinar for enrollees and students from Latin America. Besides, the parties have been discussing the promotion of international short-term programs for students from Argentina and inter-university partnerships with Argentine universities³³¹.

³²⁷ Kropachev N.M. International activities of St. Petersburg State University as an element of “soft power” of the Russian Federation [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). – 16.11.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mezhdunarodnaya-deyatelnost-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kak-element-myagkoy-s/> (date of access: 28.04.2022).

³²⁸ Ibid.

³²⁹ Foreign partners [Electronic resource] // Website of SPbPU. URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (date of access: 28.04.2022).

³³⁰ International Forum “International Polytechnic Week – 2017” [Electronic resource] // Website of SPbPU. URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/international-polytechnic-week/international-polytechnic-week-2017/> (date of access: 28.04.2022).

³³¹ Latin America is in touch: Polytechnic University and Rossotrudnichestvo held an international webinar for foreign enrollees [Electronic resource] // Website of SPbPU. – 20.05.2022. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/na-svyazi-latinskaya-amerika-politekh-i-rossotrudnichestvo-proveli-mezhdunarodnyy-vebinar-dlya-inost/?sphrase_id=2624262 (date of access: 08.08.2022).

Among St. Petersburg universities, Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (*ITMO*), has partnerships with the National University of Villa María, Universidad Nacional del Litoral (UNL), National University of Entre Ríos (UNER)³³². One of the foreign partners of *St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"* in the field of educational activities and scientific and technical cooperation is the National University of La Plata³³³.

The Financial University under the Government of the Russian Federation has agreements with the University of Buenos Aires and the University of Córdoba³³⁴. Cooperation with the University of Buenos Aires provides for an “inclusive education” program*for bachelor and master economics students³³⁵. In addition, the University has a Visiting Professor Program for Argentine lecturers, which increases the level of internationalization of the university’s scientific and teaching staff, contributes to the development of the quality of educational programs being implemented and enhances the competitiveness of University graduates in the national and international labor markets³³⁶.

A significant event in Russian-Argentine relations was the opening of the Russian Center at the University of Buenos Aires under the Russkiy Mir Foundation in 2018. The activities of the Center are aimed at disseminating the Russian language and culture within the framework of the university³³⁷. As a result, for example, Russian language course called “Russian for Everyone” was launched in May 2021. The course belongs to the *Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN)* and is based on 60 years of

³³²Universities are partners of the St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO) [Electronic resource] // ITMO Website. URL: http://www.ifmo.ru/ru/page/148/akademicheskie_partnery.htm (date of access: 28.04.2022).

³³³ Foreign partners [Electronic resource] // Website of St. Petersburg State University of Economics “LETI”. URL: <https://etu.ru/ru/mezhdunarodnaya-deyatelnost/zarubezhnye-partnery-spbgetu-leti/> (date of access: 28.04.2022).

³³⁴ Foreign partnership [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/partners.aspx> (date of access: 28.04.2022).

* The program involves studying at a foreign partner university for one academic semester without obtaining a diploma from the host institution.

³³⁵ “Inclusive Education” Program. Argentina [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.fa.ru/international/Documents/%d0%90%d1%80%d0%b3%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b8%d0%bd%d0%b0%20%d0%92%d0%9e%20%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b9%20%281%29.pdf> (date of access: 28.04.2022).

³³⁶ Program “Invited Professor” [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/professor.aspx> (date of access: 28.04.2022).

³³⁷ Principal universidad de Buenos Aires inaugura un Centro Ruso [Electronic resource] // Sputnik Mundo. – 28.11.2018. URL: <https://mundo.sputniknews.com/america-latina/201811281083744761-rusia-y-argentina-proyectos-y-colaboracion/> (date of access: 28.04.2022).

experience in teaching Russian as a foreign language and being the most international university in Russia. In 2020, RUDN opened the Digital Preparatory Faculty. The Digital Preparatory Faculty is an international model for teaching foreign citizens according to the programs of the preparatory faculties of Russian universities, implemented in whole or partially in a distant (remote) mode. Also, between the University of Buenos Aires and RUDN University there is a Cooperation Agreement (2019), aimed at the creation of joint educational programs³³⁸. Head of the Russian Center at Buenos Aires, Silvana Yarmolyuk-Stroganova, noted that a number of Argentine universities are interested in opening departments of the Russian language, as interest in Russia and the Russian language is growing³³⁹. It should be noted that there are inter-faculty agreements between RUDN and the University of Buenos Aires, namely the Protocol of Intentions with the Faculty of Agriculture of the University of Buenos Aires (2013), the Protocol of Intentions with the Faculty of Veterinary Medicine of the University of Buenos Aires (2015), Carta de intencion entre la facultad agraria URAP y la facultad de agronomia de la UBA (2013). In addition to the University of Buenos Aires, RUDN University has a Cooperation Agreement with the National University of Cordoba³⁴⁰.

Southern Federal University (SFedU) cooperates with the Russian Center in Buenos Aires. So, for example, during the visit of the SFedU delegation to the Center on November 27, 2019, issues on the creation of the Department of the Russian Language on the basis of the Faculty of Philology of the University of Buenos Aires and the cooperation of specialists from different scientific fields in joint projects were raised³⁴¹.

When analyzing the websites of Russian and Argentine universities, other cooperation agreements were also identified, which in their form and content represent framework cooperation agreements. Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences (IO RAS), the Southwest State University (SWSU), and

³³⁸RUDN University and the University of Buenos Aires will create joint training programs [Electronic resource] // TASS. – 24.11.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7188945> (date of access: 28.04.2022).

³³⁹ RUDN University and the University of Buenos Aires will create joint training programs [Electronic resource] // Russkiy Mir Foundation. – 25.11.2019. URL: <https://russkiymir.ru/news/265451/> (date of access: 28.04.2022).

³⁴⁰ International cooperation [Electronic resource] // Website of the RUDN University. URL: <https://www.rudn.ru/sveden/inter/> (date of access: 01.02.2023).

³⁴¹ SFedU delegation paid a working visit to the Russian Center at the University of Buenos Aires [Electronic resource] // Website of the Southern Federal University. – 27.11.2019. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/61953> (date of access: 01.05.2022).

Ural Federal University have agreements with the Southern National University (Argentina)³⁴², the Southwestern State University has an agreement with the Austral University³⁴³, the National University of General San Martín has an agreement with the Russian State University for the Humanities³⁴⁴, and the Entrepreneurship University of Argentina has agreements with St. Petersburg State University of Economics and the State University of Management³⁴⁵. Among the agreements between Russian and Argentine universities, one can note the Memorandum of Understanding on scientific cooperation and exchange between the National University “Del Littoral” and Moscow State University³⁴⁶.

According to the results of the survey, interviewees noted that in the context of the ongoing COVID-19 pandemic it is necessary, first of all, to expand the contact networks between the Russian and leading Argentine universities to improve the opportunities for outgoing academic mobility (offline and online) and develop online educational courses targeted at Argentinean students.

In the context of the ongoing COVID-19 pandemic and global digitalization, among the priority areas of Russian-Argentine scientific and educational cooperation should be the exchange of methods in the field of online learning and courses, the creation by Russia of real tools for interaction with Argentine universities, namely Russian language departments, joint educational programs, grant programs, scholarships, as well as attracting Argentinean young experts to Russian scientific forums and conferences. In this context, the topics of scientific developments and opportunities within the framework

³⁴²Convenios Nacionales e Internacionales [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional del Sur. URL: http://www.cooperacion.uns.edu.ar/index.php/nacinternac?option=com_joodb&view=catalog&format=html&reset=false&ordering=&orderby=&Itemid=116&task=&gs%5Banio_ci%5D%5B%5D=&gs%5Bpais%5D%5B%5D=Rusia&gs%5Bcategoria%5D%5B%5D=&gs%5Btipo%5D%5B%5D=&gs%5Bgeneradox%5D%5B%5D=&search=search...&searchfield=&limit=10 (date of access: 28.04.2022).

³⁴³SWSU Partners [Electronic resource] // Website of the Southwest State University. URL: <http://dms.swsu.ru/partneryvuz/> (date of access: 28.04.2022).

³⁴⁴Convenios bilaterales [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional de San Martín Argentina. URL: <http://www.unsam.edu.ar/internacional/convenios/?pais=rusia> (date of access: 28.04.2022).

³⁴⁵Universidades con Convenio para Intercambios – Partner Universities Nivel Grado – Undergraduate Level [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Argentina de la Empresa. URL: http://www.marketing.uade.edu.ar/Partner%20Universities_Undergraduate%20Level.pdf (date of access: 28.04.2022).

³⁴⁶Convenios [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional del Littoral. URL: <https://www.unl.edu.ar/internacionalizacion/categorias/cooperacion-internacional/convenios/> (date of access: 28.04.2022).

of vaccine diplomacy, as well as green skills in the context of achieving the UN Sustainable Development Goals, acquire great potential.

Russian-Argentinean relations currently have potential based on the principles of multipolarity, pragmatism, and non-intervention. In connection with the geopolitical confrontation between Russia and the USA and their allies, and the aggravation of the crisis in the post-Soviet space at the beginning of 2022, Russia is focused on cooperating with partners from developing countries, like Argentina. This was also facilitated by the COVID-19 pandemic, the consequences of which opened up the possibility of exporting Russian vaccines and their developments (on the example of Sputnik V). Besides, Argentina remains one of the key Russian partners in the field of bilateral trade and economic cooperation, as well as interaction within the framework of international organizations and forums.

Communication channels for the promotion and dissemination of Russian public diplomacy in Argentina are carried out through formal and informal institutions. In general, public diplomacy in Argentina is a set of measures led by Rossotrudnichestvo, which is in close cooperation, first of all, with Russian compatriots organizations', cultural and sports clubs, universities, the Argentinean and South American Russian Orthodox Church. There are more than 20 organizations of Russian compatriots in Argentina that seek to develop their representation and activities in social networks.

Taking into account the factor of the COVID-19 pandemic and the intensification of digitalization, it is necessary to develop more communication tools to promote public diplomacy in Argentina using Russian social networks and domestic digital platforms, the implementation of specific cultural and humanitarian projects, the opening of Russian structures in Argentinean universities (on the example of the departments of Russian language and literature), increasing the activities of Russian business companies in the field of scientific and technological exchange and development; as well as the development of cooperation in the field of healthcare and medicine in general through thematic events.

In this context, the role of Russian universities in the development of public diplomacy and its varieties (scientific and expert diplomacy) in Argentina is increasing.

Russian universities, including research organizations, are not only centers that accumulate expertise and competencies, but also act as discussion platforms (for example, the Iberoamerican Forum at Saint Petersburg State University), where representatives of government, NGOs and NPOs, business and the media interact. Cooperation between Russian and Argentine universities is mainly based on cooperation agreements or memorandums in the field of student and lecturer exchange, and contains few specific initiatives or joint projects. Among the Russian universities that actively cooperate with the Argentine ones are Saint Petersburg State University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, ITMO, the Financial University under the Government of the Russian Federation, RUDN University.

Conclusion

The study showed that the term “public diplomacy,” which is a tool of “soft power,” can be defined as the state’s communication ability in order to implement its foreign policy using the instrument of international civil cooperation. An analysis of sources on public diplomacy showed that currently each state has a department or subdivision in the structure of external relations, whose competence includes information and expert support of public diplomacy. Comparing American, European, Chinese and Russian approaches, it was revealed that Russian public diplomacy largely inherited the features of Soviet public (people’s) diplomacy. Among its features, one can distinguish an inadequately built system of public diplomacy institutions but, at the same time, the attractiveness of practical events in the framework of the Russian “high” culture and the promotion of the national education system, an orientation towards working with business circles, youth, leaders of the public, and expert audiences. Today, the key problem remains a blurry understanding of the components of “soft power,” and, consequently, the interpretation of public diplomacy and the scope of this term. The Russian approach translates “public diplomacy” “publichnaya diplomatiya” (“public diplomacy”), “obshchestvennaya diplomatiya” (“social diplomacy”), “narodnaya diplomatiya”, “people’s diplomacy.” However, the term “social diplomacy” is the most popular as are events held in terms of it. In general, the study of public diplomacy is based on an interdisciplinary approach.

The transformation of the public diplomacy in the digital age can be represented by the following stages: 1) the emergence of e-government; 2) the emergence and development of social networks; 3) the forced digitalization era influenced by COVID-19. The COVID -19 pandemic has intensified digitalization and the use of various information tools and public diplomacy platforms such as websites, social networks, various platforms that act as tools for communication interaction and influence on the target audience abroad. Russia’s experience in dealing with such challenges as the COVID-19 pandemic largely demonstrates its success in promoting the national vaccine abroad, including in Latin American countries. It is about strengthening both the existing

areas of public diplomacy, and the formation of its new varieties such as pharmaceutical diplomacy, vaccine diplomacy. The potential of digital tools is actively used in Latin American countries during the domestic political campaign and is also popular among individual political leaders as an effective means of communication with civil society. Despite the advantages of digital public diplomacy, in particular its wide geographical coverage, the availability of broadcasting and popularizing one's point of view on the network, and the accelerated exchange of information, a number of its shortcomings were nevertheless identified. However, the digitalization of public diplomacy has disadvantages and entails a number of risks. First, the use of the online format reduces the quality of the information perceived by the interlocutor, largely due to the limited non-verbal contacts. Second, there is a risk of personal data leakage and the establishment of control over the individual by the state and interest groups. Third, current events in the international arena and information wars show that the active use of social networks and the involvement of citizens in digital communication create conditions for the spread of disinformation and the large-scale use of manipulative technologies by external players, which negatively affect the manageability of the state.

The correlation of formal and informal institutions of Russian public diplomacy showed that informal institutions, influencing the adoption of foreign policy decisions by formal institutions, perform the function of supporting, broadcasting the initiatives of formal institutions, promoting their values, attitudes, and national image in the communication environment of Argentina. According to the survey, in the period from October 2021 to January 2022, the social network Facebook* received the highest rating among the social networks of Russian public diplomacy, which indicates the low rating of Russian social networks and, consequently, the effectiveness of Russian digital public diplomacy. Taking into account the COVID-19 pandemic and the aggravation of the crisis in the post-Soviet space at the beginning of 2022, Russian public diplomacy in Argentina faces the following tasks: 1) improving information security and developing a strategy or

* The social network Facebook is officially blocked on the territory of the Russian Federation.

an appropriate document regulating public diplomacy, including a system of regional priorities; 2) adopting a plan for Russian-Argentinean cooperation in the field of culture; 3) increasing the representation of public diplomacy institutions (especially informal ones) in the information space, primarily through the promotion of Russian social networks and the creation of domestic platforms; 4) increasing funding for the Russian formal institutions' public diplomacy activities and support for the initiatives of informal institutions in Argentina by the state and private individuals.

Russian-Argentine relations are currently based on the principles of multipolarity, pragmatism and non-interference in internal affairs. In connection with the geopolitical and value confrontation between Russia and the United States and its allies, largely intensified by the crises and events in the post-Soviet space in early 2022, Russia will focus on cooperation with China, as well as mainly developing countries from Asia, Latin America and Africa. Despite the fact that Argentina condemned the special military operation, the country did not impose sanctions against Russia, it seeks to pursue an independent foreign policy course focused on anti-Americanism. Argentina also adheres to the principles of international law, non-interference in the affairs of the Eurasian continent, and stands for the peaceful settlement of conflicts. Argentina remains one of the key Russian partners in the framework of international organizations and forums (UN, G20, St. Petersburg International Economic Forum), and also expresses its desire to join the BRICS. The COVID-19 pandemic had a positive impact on Russian-Argentine relations, opening up opportunities for the export of Russian vaccines and their developments (on the example of Sputnik V). Nevertheless, there are a number of significant problems in Russian-Argentine relations, firstly, the aggravation of the crisis in the post-Soviet space as a whole has complicated transport logistics between Russia and Latin America; secondly, today there is no developed bilateral strategy or updated plan for Russian-Argentine relations; and thirdly, there remains the problem of diversifying trade and economic cooperation between Russia and Argentina.

In general, the institutional model of public diplomacy in Argentina is a set of measures led by Rossotrudnichestvo, which is in close interaction, first of all, with

Russian compatriots' organizations, cultural and sports clubs, and universities. The Argentine government and local authorities, cultural centers and universities of Argentina also assist in supporting Russian public diplomacy events. The main directions of Russian public diplomacy are the organization of Russian anniversaries and memorable dates' celebration, days of culture, holding political and cultural events, implementation of cultural and humanitarian projects (photo exhibitions, film screenings), holding events of the Argentinean and South American ROC, and popularization of Russian folklore dances and folk songs. One of the most important areas of Russian public diplomacy is the popularization of Russian education and the study of the Russian language, the main institutions of which are the Russian House (Rossotrudnichestvo representative office in Argentina), the Russian Center at the University of Buenos Aires.

Taking into account the COVID-19 pandemic and the aggravation of the crisis in the post-Soviet space in 2022, Russia needs to develop more tools to promote public diplomacy in Argentina, with an emphasis on communication tools or measures necessary for targeted impact on the public opinion and expert audience or achieve a great effect of foreign policy initiatives. It is about promoting Russian social networks and creating domestic digital platforms, implementing long-term specific cultural and humanitarian projects in the field of studying Russian history and culture, opening Russian structures in Argentine universities (using the example of Russian language and literature departments), attracting Russian businesses to participate in the scientific and technological developments in Argentina, as well as developing cooperation in the field of health and medicine through thematic events and joint research.

At the present stage, the goal of Russian universities in the development of public diplomacy in Argentina is to create educational initiatives and projects, as well as to promote scientific and expert diplomacy. Russian universities, accumulating expertise and competencies, act as discussion platforms where representatives of public authorities, NPOs and NGOs, business, and the media interact, which influences the adoption of foreign policy decisions. Cooperation between Russian and Argentine universities is mainly based on cooperation agreements or memorandums in the field of student and academic staff exchange, and rarely contains specific initiatives or joint projects. The

study showed that the following areas of cooperation between Russian and Argentine universities in the context of internationalization could be: 1) improvement of the possibilities of outgoing academic mobility, both offline and virtually (online); 2) launching various online courses to improve Russian education and culture; 3) implementation of the programs for lectures from Russian universities to teach Russian language in Argentine universities.

It seems that in connection with the aggravation of the crisis in the post-Soviet space and the intensification of the confrontation between Russia and the Western countries represented by the United States, Russian universities will update their internationalization strategies and develop more relations with friendly countries. In this context, the demand for Latin American countries will increase, and Argentina has great potential to build long-term cooperation with Russia.

Bibliography

Official documents

1. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Argentina on cultural cooperation [Electronic resource] // AO "Kodeks". – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824870> (date of access: 26.04.2022).
2. Charter of the Russkiy Mir Foundation dated March 28, 2019 [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. – URL: <https://ruskiymir.ru/ustav.pdf> (date of access: 25.04.2022).
3. Decree of the President of the Russian Federation of February 2, 2010 No. 60-rp "On the establishment of the A.M. Gorchakov" [Electronic resource] // Garant.ru. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6633399/> (date of access: 25.04.2022).
4. Decree of the President of the Russian Federation of June 21, 2007 No. 796 "On the establishment of the Russkiy Mir Foundation [Electronic resource] // AO Kodeks. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902047878> (date of access: 23.11.2022).
5. Decree of the President of the Russian Federation of September 6, 2008 N 1315 (as amended on October 24, 2018) "On Certain Issues of State Administration in the Field of International Cooperation" (together with the "Regulations on the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and international humanitarian cooperation") [Electronic resource] // Consultant Plus. – 2018. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfaa166410dc332cad218c75a6a94aca5/ (date of access: 25.04.2022).
6. Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611 "On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation

- Abroad” [Electronic resource] // Garant ru. – 2022. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1564370/> (date of access: 12.09.2022).
7. Decree of the President of the Russian Federation “On the establishment of a non-profit partnership’ Russian International Affairs Council” [Electronic resource] // Website of JSC “Kodeks.” – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196319> (date of access: 25.04.2022).
 8. Foreign Policy Concept of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 2016. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (date of access: 21.04.2022).
 9. Framework Agreement for Cooperation between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2018. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-274.pdf> (date of access: 28.04.2022).
 10. Framework agreement for cultural, educational and scientific cooperation between Universidad Nacional de La Plata, Argentina, and the Saint Petersburg State University, of Russian Federation [Electronic resource] // Registry international agreements St. Petersburg State University. – 08.06.2021. URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2021-123.pdf> (date of access: 28.04.2022).
 11. Framework agreement on cooperation between St. Petersburg State University, Russian Federation and the Catholic University of La Plata, Argentina [Electronic resource] // Register of international agreements of St. Petersburg State University. – 2021. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2022-006.pdf> (date of access: 28.04.2022).
 12. Memorandum of Understanding between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2005. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2005-025.pdf> (date of access: 28.04.2022).

13. Memorandum of understanding between the Eurasian Economic Commission and the Governmental Secretariat for Agro-Industry of the Ministry of Production and Labor of the Argentine Republic on cooperation in the field of agro-industrial complex [Electronic resource] // Website of the Eurasian Economic Commission (EEC). – 01.08.2019. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422639/ms_05082019 (date of access: 31.10.2022).
14. On the approval of the National Security Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Russian President. – 17.12.1997. – No. 1300. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1> (date of access: 05.07.2022).
15. Protocol on student exchange between Saint - Petersburg State University, Russian Federation and Universidad Austral, Argentina [Electronic resource] // Registry of international agreements St. Petersburg State University. – 2018. – URL: <https://ifea.spbu.ru/new/reestr/2018-275.pdf> (date of access: 28.04.2022).
16. RIAC Charter [Electronic resource] // RIAC Website. – URL: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (date of access: 25.04.2022).
17. The concept of promoting Russian education on the basis of representative offices of Rossotrudnichestvo abroad [Electronic resource]. – 2014. – URL: <https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-prodvizheniya-rossiyskogo-obrazovaniya-na-baze-predstavitelstv-Rossotrudnichestva-za-rubezhom/> (date of access: 01.05.2022).
18. The concept of the state policy of the Russian Federation in the field of international development assistance (approved by Decree of the President of the Russian Federation of April 20, 2014 N 259) [Electronic resource] // Website of the Presidential Executive Office. – 2014. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201404210023.pdf> (date of access: 29.04.2022).
19. The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 18.12.10.

– URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (date of access: 27.04.2022).

Literature in Russian language

20. Astakhov, E.M. Russian World in Argentina / E.M. Astakhov // *Latinskaya Amerika*. – 2015. – No. 2. – P. 59-68.
21. Baryshnikov, D.N., Tulenkov, A.Yu. “Digital Diplomacy” and the State Sovereignty at the Era of Globalization / D.N. Baryshnikov, A.Yu. Tulenkov // *Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 6*. – 2012. – Issue. 4. – P.121-128.
22. Belov, S.I. Methods of Measuring `Soft Power` / S.I. Belov // *Bulletin of the Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. – 2018. – No. 1. – P. 165-184.
23. Berezina, E.K. Andean community – Eurasian Economic Union: are there any prospects? / E.K. Berezina // *Latinskaya Amerika*. – 2023. – No. 3. – P.90-103.
24. Berezina, E.K. Features of political and legal documents of the EAEU with third countries (part 2) / E.K. Berezina // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2022. – Vol.16. – No. 1 (39). – P. 68-76.
25. Berezina, E.K. Russian Public Diplomacy in Latin America: specifics and institutions / E.K. Berezina // *Latinskaya Amerika*. – 2021. – No. 9. – P.25-41.
26. Berezina, E.K., Toropygin, A.V. EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend / E.K. Berezina, A.V. Toropygin // *Administrative Consulting*. – 2021. – No. 3 (147). – P. 43-57.
27. Berezhnaya, M.I. Schegortsov, V.A. Public Diplomacy as a Trend of World Global Development / M.I. Berezhnaya, V.A. Schegortsov // *Economics and Politics*. – 2014. – No. 1(2). – P. 22-30.
28. Boreyko, A.V. The evolution of Cuban medical diplomacy / A.V. Boreyko // *Cuadernos Iberoamericanos*. – 2020. – Vol.8. – No. 4. – P. 92-104.
29. Borisov, A.V. “Soft Power”: Specificities of Domestic Understanding / A.V. Borisov // *Post-Soviet issues*. – 2020. – Vol.7. – No. 2. – P. 130-141.

30. Burlinova, N.V. Public diplomacy of Russia in the era of COVID-19. Annual Review of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Report No. 71/2021 [Electronic resource] / N. Burlinova, M. Chagina, V. Ivanchenko; Russian Council for Intern. Affairs (RIAC), Center for Support and Development of Public Initiatives "Creative Diplomacy". – M.: NP RIAC, 2021. – 58 p. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacyCOVID-Report71-Rus.pdf> (date of access: 25.04.2022).
31. Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019 10 steps towards effective public diplomacy in Russia: report 52/2020 [Electronic resource] / [N. Burlinova, P. Vasilenko, V. Ivanchenko, O. Shakirov]; [Issue ed. I. Timofeev, O. Pylova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2020. – 58 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (date of access: 21.04.2022).
32. Gallarotti, G.M. How to Measure Soft Power in International Relations / G.Gallaroti // Polis. Political studies. – 2020. – Vol.29. – No. 1. – P. 89-103.
33. Gulbina, N.I. D.North's Theory of Institutional Changes / N.I. Gulbina // TSPU Bulletin. – 2004. – No. 283. – P.123-128.
34. Gutenev, M.Yu. Scientific diplomacy as a tool for achieving foreign policy goals / M.Yu.Gutenev // World economy and international relations. – 2021. – Vol. 65. – No. 6. – P.119-127.
35. Jeifets, V.L. The place of Latin America in a multipolar world: views and approaches of Russian researchers / V.L. Jeifets // Latinskaya Amerika. – 2021. – No. 5. – P.50-68.
36. Koshkar-ool, A.A. "soft power" in international political communication: approaches to the interpretation of the concept / A.A. Koshkar-ool // [Electronic resource] // International Communications. – 2019. – No. 1(10). – URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication> (date of access: 12.09.2022).

37. Kropachev, N. M. International activities of St. Petersburg State University as an element of “soft power” of the Russian Federation [Electronic resource] / N.M. Kropachev // Russian International Affairs Council (RIAC). – 16.11.2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mezhdunarodnaya-deyatelnost-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kak-element-miyagkoy-s/> (date of access: 28.04.2022).
38. Lebedeva, O.V. Cultural diplomacy as an instrument of Russia's foreign policy at the present stage / O.V. Lebedeva // International Affairs. – 2016. – No. 9. – P. 76-84.
39. Lebedeva, O.V. Modern tools of “digital diplomacy” as the most important element of “soft power” / O.V. Lebedeva // International Affairs. – 2019. – No. 5. – P.102-111.
40. Leonov, E. New trends in the development of digital diplomacy in the context of Covid -19 / E. Leonov // International Affairs. – 2021. – No. 1. – P. 20-27.
41. Litvak, N.V. Scientific diplomacy in wars, revolutions, and conflicts. Philosophical and socio-political aspects/ N.V. Litvak // RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations.” – 2020. – No.1 – P. 99-108.
42. World politics and international relations: Textbook / V.A. Achkasov, S.A. Lantsov. – M: Aspect Press, 2011. – 480 p.
43. North, D. Institutions, institutional change and economic performance \ Per. from English. A.N. Nesterenko; foreword and scientific ed. B.Z. Milner. – M.: Foundation of the economic book “Beginnings,” 1997. – 180 p. – (Modern institutional-evolutionary theory). – URL: <http://ceemoscow.com/doc/izd/North.pdf> (date of access: 08.08.2022).
44. Pashentsev, E.N. Russia and Argentina: from Consular Relations to Strategic Partnership What is Further? / E.N. Pashentsev // Latinskaya Amerika. – 2016. – No. 11. – P.58-67.
45. Permyakova, L. Digital diplomacy: areas of work, risks and tools [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). – 27.09.2012. – URL:

- <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-nappravleniya-raboty-riski-i-instrumen/> (date of access: 11.09.2022).
46. Political ontology of digitalization and state controllability: Collective monograph. Ed. L.V. Smorgunov. – M.: Publishing house “Aspect Press,” 2021. – 311 p.
47. Politics and government. Essays on theory and methodology: Monograph / A. I. Solovyov. – M.: Aspect Press Publishing House, 2021. – 256 p.
48. Public Diplomacy of Foreign Countries: Textbook / Edited by A.N. Panova and O.V. Lebedeva. – M: Aspect Press Publishing House, 2018. – 208 p.
49. Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Edition / Ed. M.M. Lebedeva. – M.: Publishing house “Aspect Press,” 2017. – 272 p.
50. Public policy and management / ed. L. V. Smorgunov. Part I. Concepts and issues of public policy and management. – M.: ROSSPEN, 2006. – 384 p.
51. Rosenthal, D.M. The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow / D.M. Rosental // *Latinskaya America*. – 2018. – No. 10. – P. 49-60.
52. Rovinskaya, T.L. The role of new digital technologies at the time of crisis (Pandemic 2019-2021) / T.L. Rovinskaya // *World Economy and International Relations*. – 2021. – Vol.65. – No. 6. – P. 95-106.
53. Ryabichenko, A. Digital diplomacy yesterday and today [Electronic resource] / A. Ryabichenko // Russian International Affairs Council (RIAC). – 16.11.2018. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (date of access: 25.04.2022).
54. Shchetinin, A.V. Latin America: constant focus of the Russian foreign policy / A.V. Shchetinin // *Latinskaya America*. – 2019. – No.7. – P. 40-47
55. Sizonenko, A.I. Relations of the USSR with the countries of Latin America in 1945 - 1991 // *Political changes in Latin America: history and modernity. Collection of articles in memory of Sergei Ivanovich Semenov* / A.A. Slinko (ed.), M.V. Kirchanova (ed.). – Voronezh, 2007. – Issue. 2. – 77 p.

56. Smorgunov, L.V. Comparative political science: a textbook for universities / L. V. Smorgunov. – 2nd ed., corrected. and additional. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. – 417 p.
57. Troyansky, M.G. Modern Latin American vector of Russian foreign policy / M.G. Troyansky // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. – 2018. – No. 3 (17). – P. 17-32.
58. Tsvetkova, N.A., Kuznetsov, N.M. Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics / N.A. Tsvetkova, N.M. Kuznetsov // RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations.” – 2020. – No.4. – P.27-44.
59. Tsvetkova, N.A. New forms and elements of US public diplomacy/ N.A. Tsvetkova // International Processes. – 2015. – Vol.13. – No. 3. – P. 121-133.
60. Tsvetkova, N.A. The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology / N.A. Tsvetkova // RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series. – 2020. – No. 2. – P. 37-47.
61. Tsvyk, G. I. Cultural diplomacy in current international relations (on the example of Russia and China) / G.I. Tsvyk // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: General history. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P.135-144.
62. Vednitskaya, L.V. Dynamic abilities of the state and development policy: abstract diss ... cand. polit. Sciences: 23.00.02. – St. Petersburg: FGBOU VPO “St. Petersburg State University,” 2013. – 194 p. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-sposobnosti-gosudarstva-i-politika-razvitiya> (date of access: 14.09.2022).
63. Velikaya, A.A. Public diplomacy as an instrument of international dialogue / A.A. Velikaya // International Affairs. – 2016. – No. 2. – P.154-164.
64. Velikaya, A.A. Russian - US Public diplomacy: Comparative aspects and dialogues prospects/ A.A. Velikaya // Vestnik of St. Petersburg State University. International relations. – 2019. – Vol. 12. – Issue. 4. – P. 500–517.
65. Velikaya, A.A. US Public Diplomacy in the Transforming World Order/ A.A. Velikaya // International Affairs. – 2017. – No. 5. – P.169-187.

66. Vorochkov, A.P. Institutional Dimension of the “Soft Power” Policy: Analytical Method and Russian Experience / A.P. Vorochkov // Administrative Consulting. – 2021. – No.7. – P. 80-96.
67. Wollman, H. Assessing state government reforms: the third wave // H. Wollman / Sociological Studies. – 2010. – No.10. – P. 93-99.
68. Yakovleva, N.M. Argentina: actual agenda of the new authorities / N.M. Yakovleva // Latinskaya Amerika. – 2020. – No. 3. – P.6-17.
69. Yurina, N.S. Neo-institutional approach in political research: theoretical background of its formation / N.S. Yurina // Bulletin of the Moscow University. Series 7. – 2016. – No. 5. – P. 60-69.
70. Zonova, T.V. Modern model of diplomacy: sources of formation and development prospect. – M.: ROSSPEN, 2003. – 336 p.

Literature in foreign language

71. Aguirre, D., Erlandsen M. Digital public diplomacy in Latin America: Challenges and opportunities / D. Aguirre, M. Erlandsen // Revista Mexicana de Política Exterior. – 2018. – No. 113. – P. 1-17.
72. Ayhan, K.J. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy / K.J. Ayhan // International Studies Review. – 2018. – Vol.20. – Issue 3. – P. 539-540.
73. Ayhan, K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives / K.J. Ayhan // International Studies Perspectives. – 2019. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 63-83.
74. Blank, S.J. Russia is meddling in Latin America, too [Electronic resource] / S.J. Blank // The Hill. – 20.11.2017. – URL: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (data of access: 03.05.2022).
75. Duke, S. The European External Action Service and Public Diplomacy [Electronic resource] / S. Duke // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’ and Antwerp University, Belgium. – 2013. –

- No.127. – P. 113-136. – URL:
https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_71917/fajlovi/EU%20i%20javna%20diplomacija.pdf (date of access: 19.04.2022).
76. Gilboa, E. Searching for a Theory of Public Diplomacy / E. Gilboa // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science.* – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 55-77.
77. Hartig, F. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute* / F. Hartig. – Routledge, New York, NY and London, 2016. – 204 p.
78. Jelifets, V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region / V.L. Jelifets // *Vestnik RUDN. International Relations.* – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 521-533 [Electronic resource]. – URL:
<https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/24625/18623> (date of access: 26.04.2022).
79. Keohane, R.O., Nye, J. S. (Jr) Ed. *Transnational Relations and World Politics.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. – P. IX-XXIX. (Translation Irina Shilobreeva).
80. Levaggi, A.G. Towards the peripheries of the Western World, Eurasian regional policies in Latin America [Electronic resource] / A.G. Levaggi // *Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe.* – 2016. – No.13. – P. 60-87. – URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2017/04/anuario-2016.pdf> (date of access: 25.04.2022).
81. Macnamara, J. Corporate and organizational diplomacy: an alternative paradigm to PR / J. Macnamara // *Journal of Communication Management.* – 2012. – Vol.16. – No. 3. – P. 312-325.
82. Mărășescu, C. The emergence of a European Union Cultural Diplomacy / C. Mărășescu // *Studia UBB Negotia.* – 2020. – Vol. 65. – Issue 3. – P.77-91.
83. Ngadhujim, B., Nuhiu, M. F. European Union Public Diplomacy Case Study - the Intervention in Bosnia and Herzegovina / B. Ngadhujim, M.F. Nuhiu // *European Journal of Social Science Education and Research.* – 2017. – Vol. 4. – No. 4. – P.71-78.

84. Nye, J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power / J.S. Jr. Nye // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616. – Issue 1. – P. 94-109.
85. Nye, J.S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J.S. Nye. – New York: Public Affairs Press, 2005. – 130 p.
86. Ociepka, B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies / B. Ociepka // *European Journal of Communication*. – 2018. – Vol. 33. – Issue: 3. – P. 290-303.
87. Pan, S. “Confucius Institute project: China’s cultural diplomacy and soft power projection” / S. Pan // *Asian Education and Development Studies*. – 2013. – Vol. 2. – No. 1. – P. 22-33.
88. Rozental, D.M., Jeifets, V.L. Venezuela’s Foreign Policy in the Situation of Instability / D.M. Rozental, V.L. Jeifets // *Iberoamerica*. – 2018. – N.4. – P. 53-76.
89. Rouvinski, V. Russia’s Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update [Electronic resource] / V. Rouvinski. – 16 p. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (date of access: 21.04.2022).
90. Sayámov, Y.N. América Latina en la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales / Y.N. Sayámov // *Iberoamérica*. – 2019. – No. 1. – P.44-64.
91. Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy / A. Sergunin, L. Karabeshkin // *Politics*. – 2015. – Vol.35. – Issue: 3-4. – P. 347-363.
92. Stoian, M. “The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America” / M. Stoian // *Review of International Comparative Management*. Bucharest. – 2021. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 338-347. – URL: <http://www.rmci.ase.ro/no22vol3/04.pdf> (date of access: 22.04.2022).

93. Wang, Y. "Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power" / Y. Wang // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol.616. – Issue: 1. – P. 257–273.

Electronic resources

94. About the event "Russia-Argentina: 135 years of friendship and cooperation. Cultural and Humanitarian Vector" [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 21.10.2020. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_meropriyatii_rossiya_argentina_135 лет_druzhby_i_sotrudnichestva_kulturno_gumanitarnyy_vektor/ (date of access: 26.04.2022).
95. About the online conference "Joy of Words" [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 16.03.2021. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_onlayn_konferentsii_radost_slova/ (date of access: 26.04.2022).
96. About the Geographical Dictation in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 27.10.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_argentine_geograficheskogo_diktanta/ (date of access: 26.04.2022).
97. About the presentation of the exhibition "Other Borders. Photographing the Far East" [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 27.09.2018. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_prezentatsii_vystavki_drugie_granitsy_fotografiruya_dalekiy_vostok/ (date of access: 26.04.2022).
98. About the XIVth Conference of Russian Compatriots' Organizations in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – URL: <https://argentina.mid.ru/ru/press->

centre/news/o_xiv_y_konferentsii_organizatsiy_rossiyskikh_sootechstvennikov
_v_argentine/ (date of access: 26.04.2022).

99. Anniversary festival "Mother Russia" was held in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 08.06.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_proshel_yubileynyy_festival_matushka_rus/ (date of access: 26.04.2022).
100. Areas of activity (RAMS) [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). – URL: <http://rams-international.ru/activity/> (date of access: 25.04.2022).
101. Argentina and Brazil did not sign the OAS statement on Ukraine [Electronic resource] // IA REGNUM. – 26.02.2022. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3518135.html> (date of access: 26.04.2022).
102. Argentina does not plan to impose sanctions against Russia [Electronic resource] // IA REGNUM. – 26.02.2022. – URL: <https://regnum.ru/news/3518143.html> (date of access: 29.03.2022).
103. Cabinets of the Russkiy Mir [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. – URL: <https://ruskiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (date of access: 06.07.2022).
104. Catalog of Russian centers [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. – URL: <https://ruskiymir.ru/rucenter/> (date of access: 06.07.2022).
105. Foreign partners [Electronic resource] // Website of SPbPU. – URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (date of access: 28.04.2022).
106. Foreign partners [Electronic resource] // Website of St. Petersburg State University of Economics "LETI". – URL: <https://etu.ru/ru/mezhdunarodnaya-deyatelnost/zarubezhnye-partnery-spbgetu-leti/> (date of access: 28.04.2022).
107. Foreign partnership [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. – URL:

- <http://www.fa.ru/international/reasons/Pages/partners.aspx> (date of access: 28.04.2022).
108. History of RAMS [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). – URL: <http://rams-international.ru/history/> (date of access: 25.04.2022).
109. How foreigners studied in the USSR and in Russia [Electronic resource] // Newspaper “Kommersant.” – 24.04.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2715297> (date of access: 28.07.2022).
110. Imitian E. La Nación (Argentina): why are there so many Russians in Argentina and so few Argentines in Russia? [Electronic resource] // InoSMI. – 21.05.2019. – URL: <https://inosmi.ru/20190521/245110946.html> (date of access: 26.04.2022).
111. “Immortal Regiment” in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 07.05.2023. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyy_polk_v_argentine/ (date of access: 31.01.2023).
112. “Inclusive Education” Program. Argentina [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. – URL: <http://www.fa.ru/international/Documents/%d0%90%d1%80%d0%b3%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b8%d0%bd%d0%b0%20%d0%92%d0%9e%20%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b9%20%281%29.pdf> (date of access: 28.04.2022).
113. Indonesia became the 70th country to approve the Sputnik V vaccine [Electronic resource] // Website of the Russian Direct Investment Fund. – 25.08.2021. – URL: <https://sputnikvaccine.com/rus/newsroom/pressreleases/indoneziya-stala-70-y-stranoy-odobrivshey-vaktsinu-sputnik-v/> (date of access: 25.04.2022).

114. International cooperation [Electronic resource] // Website of the RUDN University. – URL: <https://www.rudn.ru/sveden/inter/> (date of access: 01.02.2023).
115. International Forum "International Polytechnic Week - 2017" [Electronic resource] // Website of SPbPU. – URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/international-polytechnic-week/international-polytechnic-week-2017/> (date of access: 28.04.2022).
116. Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov to the RT TV channel, Moscow, December 10, 2020 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1448933/ (date of access: 06.07.2022).
117. Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov to Russia Today TV channel, Moscow, December 25, 2017 [Electronic resource] // International Affairs. – 26.12.2017. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19063> (date of access: 06.07.2022).
118. Ivanov, I. The voice of Russia sounds more and more confident in world affairs [Electronic resource] // Nezavisimaya gazeta. – 31.12.2000. – URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-30/3_voice.html (date of access: 07.07.2022).
119. Latin America is in touch: Polytechnic University and Rossotrudnichestvo held an international webinar for foreign enrollees [Electronic resource] // Website of SPbPU. – 20.05.2022. – URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/na-svyazi-latinskaya-amerika-politekh-i-rossotrudnichestvo-proveli-mezhdunarodnyy-vebinar-dlya-inost/?sphrase_id=2624262 (date of access: 08.08.2022).
120. Lavrov: the principles laid down by Primakov allow achieving results without confrontation [Electronic resource] // TASS. – 29.10.2019. – URL: https://tass.ru/obschestvo/7056003?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 06.07.2022).

121. Minister Igor Ivanov: Unilateral actions can cost civilization dearly // Komsomolskaya Pravda. – 25.09.2001. – URL: <https://www.kp.ru/daily/22640/12392/> (date of access: 07.07.2022).
122. Members of the RAMS [Electronic resource] // Website of the Russian Association for International Cooperation (RAMS). – URL: <http://rams-international.ru/members/> (date of access: 25.04.2022).
123. Meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia [Electronic resource] // Website of the Administration of the President of Russia. – 09.07.2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (date of access: 02.08.2022).
124. Moiseev, A. Argentina highly appreciates the Russian vaccine. And not only / A.Moisev [Electronic resource] // International Affairs. – 17.06.2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30499> (date of access: 26.04.2022).
125. Nemtsev Y. Compatriots in Argentina for the formation of an objective image of Russia [Electronic resource] // International Affairs. – 16.07.2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23173> (date of access: 26.04.2022).
126. Nemtsev Y. Carlos Gaston Roma: Argentina needs to get to know Russia better [Electronic resource] // International Affairs. – 23.12.2019. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24916> (date of access: 26.04.2022).
127. Nemtsev Yu. In the context of a pandemic, Russia and Argentina are developing a cultural and humanitarian dialogue [Electronic resource] // International Affairs – 28.12.2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28597> (date of access: 26.04.2022).
128. Nemtsev Y. Russia and Argentina continue dialogue despite the COVID-19 pandemic [Electronic resource] // International Affairs. – 23.11.2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28183> (date of access: 26.04.2022).
129. “Not just an international association.” Argentina and Iran go to BRICS [Electronic resource] // Gazeta.ru. – 27.06.2022. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/27/15047258.shtml?updated> (date of access: 04.07.2022).

130. “Now we think more about universal values” [Electronic resource] // Ria Novosti. – 03.04.2011. – URL: <https://ria.ru/20110403/360861715.html> (date of access: 05.07.2022).
131. On holding a screening of K. Khabensky's film "Sobibor" in Buenos Aires [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 15.10.2018. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/o_provedenii_v_buenos_ayrese_pokaza_filma_k_khabenskogo_sobibor/ (date of access: 26.04.2022).
132. On the priority project "Export of education" [Electronic resource] // Website of the Government of the Russian Federation. – URL: <http://government.ru/info/27864/> (date of access: 27.04.2022).
133. Pax Russika: a film festival dedicated to the 90th anniversary of Andrei Tarkovsky is taking place in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russkiy Mir Foundation. – 05.04.2022. – URL: https://russkiymir.ru/news/299579/?sphrase_id=1227357 (date of access: 13.04.2022).
134. Presidential Address to Federal Assembly // Website of the Administration of the President of Russia. – 21.02.2023. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (date of access: 27.02.2023).
135. Program “Invited Professor” [Electronic resource] // Website of the Financial University under the Government of the Russian Federation. – URL: <http://www.fa.ru/international/relations/Pages/professor.aspx> (date of access: 28.04.2022).
136. Putin and Fernandez launched the production of Sputnik V in Argentina [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. – 04.06.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/06/04/putin-i-fernandes-zapustili-proizvodstvo-sputnika-v-v-argentine.html> (date of access: 25.04.2022).
137. Russia banned Instagram and Facebook for extremism [Electronic resource] // TASS. – 21.03.2022. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135927> (date of access: 28.03.2022).

138. Russian-Argentine relations [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/> (date of access: 06.02.2023).
139. Russians will not be punished for using Facebook* and Instagram* [Electronic resource] // RIA Novosti. – 28.03.2022. – URL: https://ria.ru/20220328/instagram-1780424070.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of access: 28.03.2022).
140. Rudakov, V. “I firmly decided everything ...” [Electronic resource] // Journal of the Historian. – URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/5489> (date of access: 21.10.2022).
141. RUDN University and the University of Buenos Aires will create joint training programs [Electronic resource] // Russkiy Mir Foundation. – 25.11.2019. – URL: <https://rusскиymir.ru/news/265451/> (date of access: 28.04.2022).
142. RUDN University and the University of Buenos Aires will create joint training programs [Electronic resource] // TASS. – 24.11.2019. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7188945> (date of access: 28.04.2022).
143. Sergey Lavrov’s speech at the press conference following the meeting of the Russia-NATO Council at the level of foreign ministers, Brussels, December 8, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 12.12.2011. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8121> (date of access: 05.07.2022).
144. SFedU delegation paid a working visit to the Russian Center at the University of Buenos Aires [Electronic resource] // Website of the Southern Federal University (SFedU). – 27.11.2019. – URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/61953> (date of access: 01.05.2022).
145. Speech and answers to media questions by S.V. Lavrov at a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2015, Moscow, January 26, 2016 [Electronic resource] // International Affairs. – 26.01.2016. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14553> (date of access: 05.07.2022).

146. Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a joint press conference on the results of the 14th meeting of RIC foreign ministers, Moscow, April 18, 2016 [Electronic resource] // International Affairs. – 19.04.2016. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15112> (date of access: 05.07.2022).
147. Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the 56th Munich Conference on Security Policy “Global Disorder: Are There Any Chances for a New Agenda?”, Munich, February 15, 2020 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1427365/ (date of access: 06.07.2022).
148. Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the Munich Conference on Security Policy, Munich, February 16, 2019 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (date of access: 06.07.2022)
149. Speech by Minister Sergey Lavrov at the 49th Munich Conference on security, Munich, February 2, 2013 // <https://interaffairs.ru/news/show/17438> International Affairs. – 02.02.2013. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9119> (date of access: 05.07.2022).
150. Speech by Sergey Lavrov at the 50th Munich Security Policy Conference, Munich, February 1, 2014 [Electronic resource] // International Affairs. – 02.02.2014. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10526> (date of access: 05.07.2022).
151. Speech by S.V. Lavrov at a press conference following negotiations with the Minister of Foreign Affairs and Cult of the Argentine Republic E. Timerman, Moscow, May 28, 2014 [Electronic resource] // International Affairs. – 29.05.2014. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11229> (date of access: 06.07.2022).

152. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the general political discussion of the 76th session of the UN General Assembly, New York, September 25, 2021 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (date of access: 06.07.2022).
153. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at a meeting of the Board of Trustees of the Alexander Gorchakov public diplomacy fund, Moscow, March 27, 2019 // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1457021/ (date of access: 06.07.2022).
154. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the meeting of the BRICS Foreign Ministers, Rio de Janeiro, July 26, 2019 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1466698/ (date of access: 06.07.2022).
155. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the IV Moscow Conference on International Security, Moscow, April 16, 2015 [Electronic resource] // International Affairs. – 17.04.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12971> (date of access: 06.07.2022).
156. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the VII Moscow Conference on International Security, Moscow, April 5, 2018 [Electronic resource] // International Affairs. – 05.04.2018. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19659> (date of access: 06.07.2022).
157. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at the 48th Munich Security Conference, Munich, February 4, 2012 [Electronic resource] // International Affairs. – 04.02.2012. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243> (date of access: 08.08.2022).

158. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at the 66th session of the UN General Assembly, September 27, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 03.10.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7927> (date of access: 05.04.2022).
159. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during the VI Moscow Conference on International Security, Moscow, April 26, 2017 [Electronic resource] // International Affairs. – 27.04.2017. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17438> (date of access: 06.07.2022).
160. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov on the results of negotiations with the Minister of Foreign Affairs of Brazil A. Patriota, Moscow, September 4, 2011 [Electronic resource] // International Affairs. – 06.09.2011. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7874> (date of access: 05.07.2022).
161. Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the 9th Moscow Conference on International Security, Moscow, June 24, 2021 [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1766576/ (date of access: 06.07.2022).
162. SPIEF-2022: specific proposals have been developed to stimulate trade and investment cooperation between the EAEU and Latin America in the context of the new economic reality [Electronic resource] // Website of the Eurasian Economic Commission. – 17.06.2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/pmef-2022-vyrabotany-konkretnye-predlozheniya-po-stimulirovaniyu-torgovo-investitsionnogo-sotrudnich/?sphrase_id=154780 (date of access: 27.01.2023).
163. SWSU Partners [Electronic resource] // Website of the Southwest State University. – URL: <http://dms.swsu.ru/partnery-vuza/> (date of access: 28.04.2022).
164. The Argentine pharmaceutical company announced the approval of its batch of “Sputnik V” by the Center Gamaleya [Electronic resource] // TASS. –

- 16.07.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (date of access: 24.06.2021).
165. “The Firebird” by Mister Yes: Andrey Kozyrev is alien to the interests of Russia [Electronic resource] // Vesti.ru. – 27.10.2019. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1367726> (date of access: 05.04.2022).
166. The General Assembly suspended Russia's participation in the OHCHR [Electronic resource] // RIA Novosti. – 07.04.2022. – URL: <https://ria.ru/20220407/oon-1782378335.html> (date of access: 14.04.2022).
167. The opening of the Russian Film Festival took place in Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 21.11.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/v_argentine_sostoyalos_otkrytie_festivalya_rossiyskikh_filmov (date of access: 25.04.2022).
168. The immortal regiment passed through the cities of Argentina [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – 04.05.2019. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/press-centre/news/bessmertnyy_polk_proshel_po_gorodam_argentiny_el_regimiento_inmortal_desfil_en_argentina/ (date of access: 26.04.2022).
169. The President of Argentina announced the country's intention to join the BRICS [Electronic resource] // Ria Novosti. – 24.06.2022. – URL: <https://ria.ru/20220624/argentina-1797934776.html> (date of access: 04.07.2022).
170. The President of Argentina called relations with Russia fraternal [Electronic resource] // TASS. – 03.02.2022. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13607695?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 26.04.2022).
171. The UN General Assembly adopted a resolution on Russia's actions in Ukraine [Electronic resource] // TASS. – 02.03.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13938357> (date of access: 01.05.2022).

172. Universities are partners of the St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO) [Electronic resource] // ITMO Website. – URL: http://www.ifmo.ru/ru/page/148/akademicheskie_partnery.htm (date of access: 28.04.2022).
173. Youth Coordinating Council [Electronic resource] // Website of the Russian Embassy in Argentina. – URL: https://argentina.mid.ru/ru/sootchestvenniki/molozhyezhnyy_koordinatsionnyy_sovet/ (date of access: 26.04.2022).

Electronic resources in foreign languages

174. About the European External Action Service [Electronic resource] // European External Action. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/about-european-external-action-service_en#8419 (date of access: 15.04.2022).
175. Argentina cambia de rumbo y condena invasión de Rusia a Ucrania [Electronic resource] // Vozdeamerica. – 16.03.2022. – URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/argentina-cambio-rumbo-condena-rusia-ucrania/6487520.html> (date of access: 27.07.2022).
176. Convenios bilaterales [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional de San Martín Argentina. – URL: <http://www.unsam.edu.ar/internacional/convenios/?pais=rusia> (date of access: 28.04.2022).
177. Convenios [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional del Litoral. – URL: <https://www.unl.edu.ar/internacionalizacion/categorias/cooperacion-internacional/convenios/> (date of access: 28.04.2022).
178. Convenios Nacionales e Internacionales [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Nacional del Sur. – URL: http://www.cooperacion.uns.edu.ar/index.php/nacinternac?option=com_joodb&vi

- ew=catalog&format=html&reset=false&ordering=&orderby=&Itemid=116&task=&gs%5Banio_ci%5D%5B%5D=&gs%5Bpais%5D%5B%5D=Rusia&gs%5Bcategoria%5D%5B%5D=&gs%5Btipo%5D%5B%5D=&gs%5Bgeneradox%5D%5B%5D=&search=search...&searchfield=&limit=10 (date of access: 28.04.2022).
179. Costa, J.M. Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación [Electronic resource] // La Nacion. – 25.08.2021. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (date of access: 26.04.2022).
180. Desde la Embajada de Estados Unidos, Juan Manzur reafirmó el compromiso del Gobierno con Ucrania [Electronic resource] // La Nacion. – 16.03.2022. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/desde-la-embajada-de-estados-unidos-juan-manzur-reafirmo-el-compromiso-del-gobierno-con-ucrania-nid16032022/> (date of access: 04.05.2022).
181. En una entrevista exclusiva, el embajador de Rusia en Argentina desafía: “No tememos a las sanciones” [Electronic resource] // El Cronista. – 07.03.2022. – URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/el-embajador-de-rusia-en-argentina-asegura-que-no-tememos-a-las-sanciones-y-la-paz-depende-de-ucrania-tambien/> (date of access: 26.04.2022).
182. EU delegations [Electronic resource] // Website of the European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/eu-delegations_en (date of access: 15.04.2022).
183. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Towards an EU strategy for international cultural relations [Electronic resource] // Access to the European Union law. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2016%3A29%3AFIN> (date of access: 24.08.2021).
184. Principal universidad de Buenos Aires inaugura un Centro Ruso [Electronic resource] // Sputnik Mundo. – 28.11.2018. – URL:

<https://mundo.sputniknews.com/america-latina/201811281083744761-rusia-y-argentina-proyectos-y-colaboracion/> (date of access: 28.04.2022).

185. Ruiz, R.M. El FMI reconoció que la guerra en Ucrania complica el programa acordado con la Argentina [Electronic resource] // La Nacion. – 17.03.2022. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/el-fmi-reconocio-que-la-guerra-en-ucrania-complica-el-programa-acordado-con-la-argentina-nid17032022/> (date of access: 04.05.2022).
186. Rusia calificó a la Argentina como "un amigo verdadero" y elogió al Gobierno [Electronic resource] // El Cronista. – 21.06.2022. – URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/rusia-califico-a-la-argentina-como-un-amigo-verdadero-y-elogio-al-gobierno/> (date of access: 27.07.2022).
187. Universidades con Convenio para Intercambios – Partner Universities Nivel Grado – Undergraduate Level [Electronic resource] // Sitio de la Universidad Argentina de la Empresa. – URL: http://www.marketing.uade.edu.ar/Partner%20Universities_Undergraduate%20Level.pdf (date of access: 28.04.2022).

Appendices

Appendix 1.

Dear experts!

As part of the research on the topic “Formation of Russian public diplomacy*in Argentina,” an expert survey for representatives of state authorities, diplomats, academic staff, employees of research organizations is being conducted. The purpose of the survey is to identify trends in the development of the activities of Russian public diplomacy in the Latin American direction (on the example of Argentina) in the context of digitalization.

We will be grateful if you find time to answer the questions presented!

1. Arrange the regions according to the current priorities of Russian foreign policy (rate from 1-7 points).

- Space of the Commonwealth of Independent States (CIS)
- Europe
- Asia
- North America
- Latin America and the Caribbean
- Africa
- Australia and Oceania.

2. Arrange the countries according to the current priorities of Russian foreign policy (rate from 1-7 points).

* **Public diplomacy** is understood as means by which governments, private companies and individuals influence the attitudes towards them and the opinions of other people and governments in such a way as to influence their foreign policy decisions.

- Cuba
- Chile
- Argentina
- Honduras
- Mexico
- Brazil
- Venezuela

3. How would you evaluate the degree of effectiveness of Russian public diplomacy on Latin American direction? (choose the suitable answer and underline / highlight in color)

1. Very high;
2. Fairly high;
3. Satisfactory;
4. Low;
5. Very low;
6. Your
version_____

own

4. What structures, in your opinion, are the most effective in terms of promoting Russian public diplomacy in Latin America? (choose one or more suitable answers and underline / highlight in color)

1. The Russkiy Mir Foundation;
2. The Russian Association for International Cooperation;
3. Rossotrudnichestvo;
4. The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund;
5. The Russian International Affairs Council (RIAC);

6. Russian Center at the University of Buenos Aires (Argentina);

7. Your own
version_____

5. What problems do you think hinder the deepening of Russian-Argentine relations? (choose one or more suitable answers and underline / highlight in color)

1. Geographic remoteness of the two countries;
2. Discrepancy between the positions of the foreign policy of Argentina and Russia on international processes and key problems of our time;
3. Non-diversified foreign trade turnover;
4. Weak representation of the institutions of Russian public diplomacy;
5. Your own
version_____

6. How would you characterize the degree of the Covid-19 pandemic influence on Russian-Argentine relations? (choose the suitable answer and underline / highlight in color)

1. The Covid-19 pandemic has not affected Russian-Argentine relations.
2. The Covid-19 pandemic has partially affected Russian-Argentine relations.
3. The Covid-19 pandemic has fully affected Russian-Argentine relations.

**7. In the context of the ongoing COVID-19 pandemic, which areas of Russian and Argentinean cooperation, in your opinion, will become the most promising?
(write)_____**

8. What measures, in the context of the ongoing COVID-19 pandemic, should be taken by the institutions of Russian public diplomacy to increase the interest of Argentines in Russian culture and higher education? For example, the expansion of information representation on websites or the development of educational online courses (write)_____

9. What international events, in your opinion, contribute to the strengthening of Russian public diplomacy in Argentina? (choose one or more appropriate answers and underline/highlight)

1. BRICS Parliamentary Forum;

2. G20;

3. St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF);

4. Eastern Economic Forum (EAF);

5. International forum "Russia and Iberoamerica in a globalizing world: history and modernity";

6. Your own version_____

10. Assess the level of involvement of Russian universities from the TOP-500 of the QS* global ranking in the promotion of public diplomacy in Argentina (choose the suitable answer and underline / highlight in color)

1. Very high;
2. Fairly high;
3. Satisfactory;
4. Low;
5. Very low;
6. Your own
version _____

11. What formats and directions of interaction should Russian universities and Argentine universities develop in the context of the ongoing COVID-19 pandemic? (choose the suitable answer and underline / highlight in color)

1. Expanding the network of contacts of Russian universities with leading Argentine universities to improve the opportunities for outgoing academic mobility (offline and online);
2. Interuniversity exchange of experience and methods in the field of improving the quality of higher education in the context of digitalization;
3. Implementation of joint grant projects;
4. Creation of a line of international summer schools allowing Argentine students, teachers and researchers to implement short-term mobility programs (offline and online);
5. Development of educational online courses targeted at Argentine students;

* QS is an international ranking of universities QS World University Rankings, published annually by the British company Quacquarelli Symonds (QS), which specializes in education and study abroad.

6. Development of double degree programs in Russian universities with the participation of leading Argentine universities;

7. Your own version

12. Do you consider it important to develop Russian institutions of public diplomacy through social networks? If so, what social networks do you think contribute to the development of public diplomacy? (choose one or more suitable answers and underline / highlight in color)

- 1. Twitter
- 2. V Kontakte
- 3. Facebook
- 4. Instagram
- 5. Youtube
- 6. Your own version _____

13. What field of activity does your professional responsibility fall into? (write) _____

14. If you are ready to answer other research questions in the format of an open expert interview, then we ask that you leave your contact details.

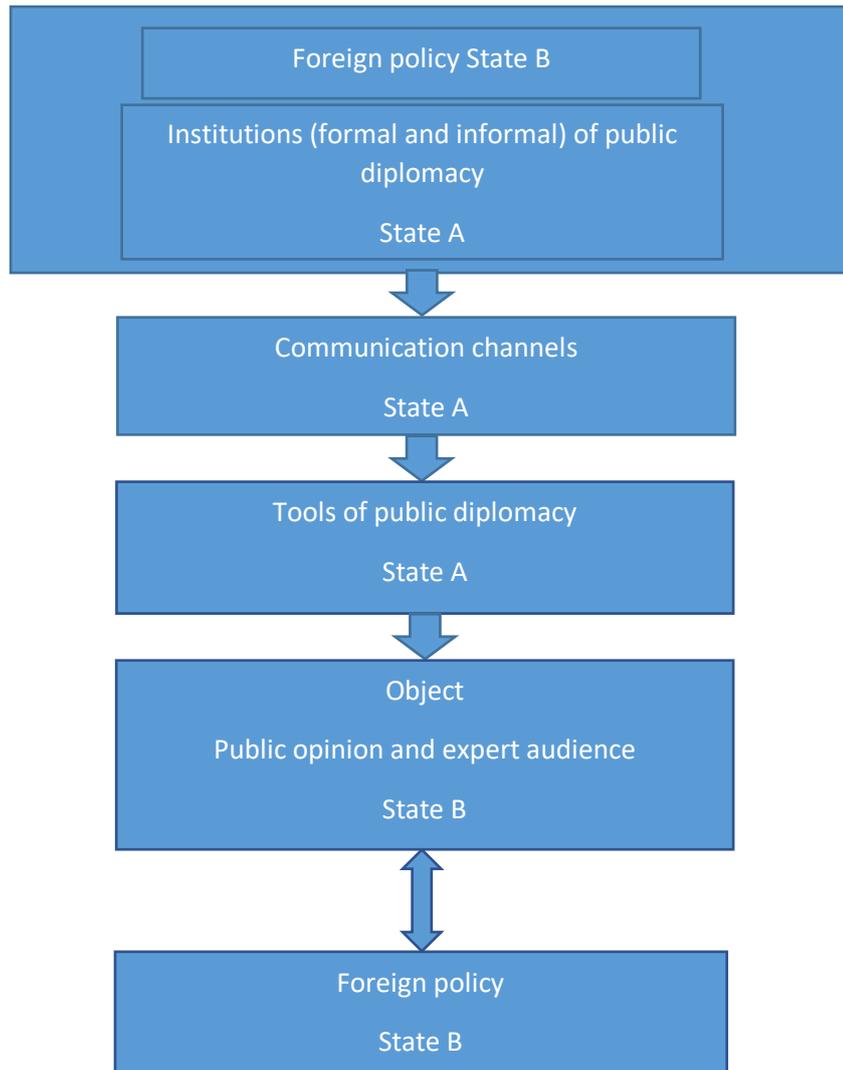
E-mail:

Tel./Mob.:

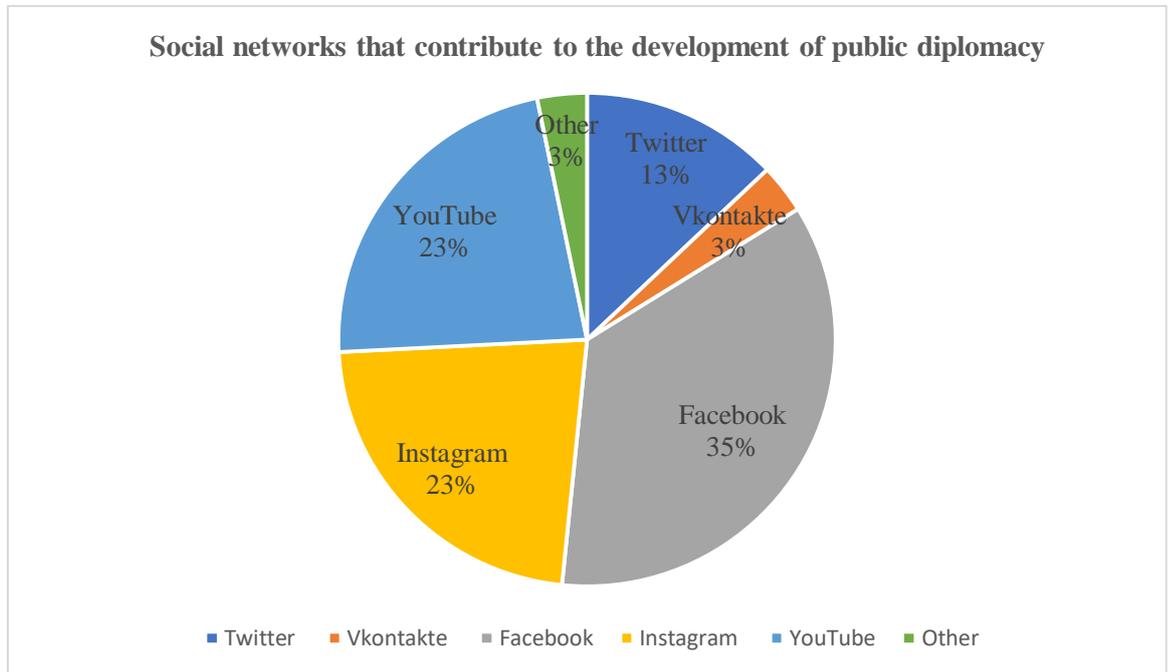
Thank you!

Appendix 2.

Scheme of interstate interaction in the field of public diplomacy

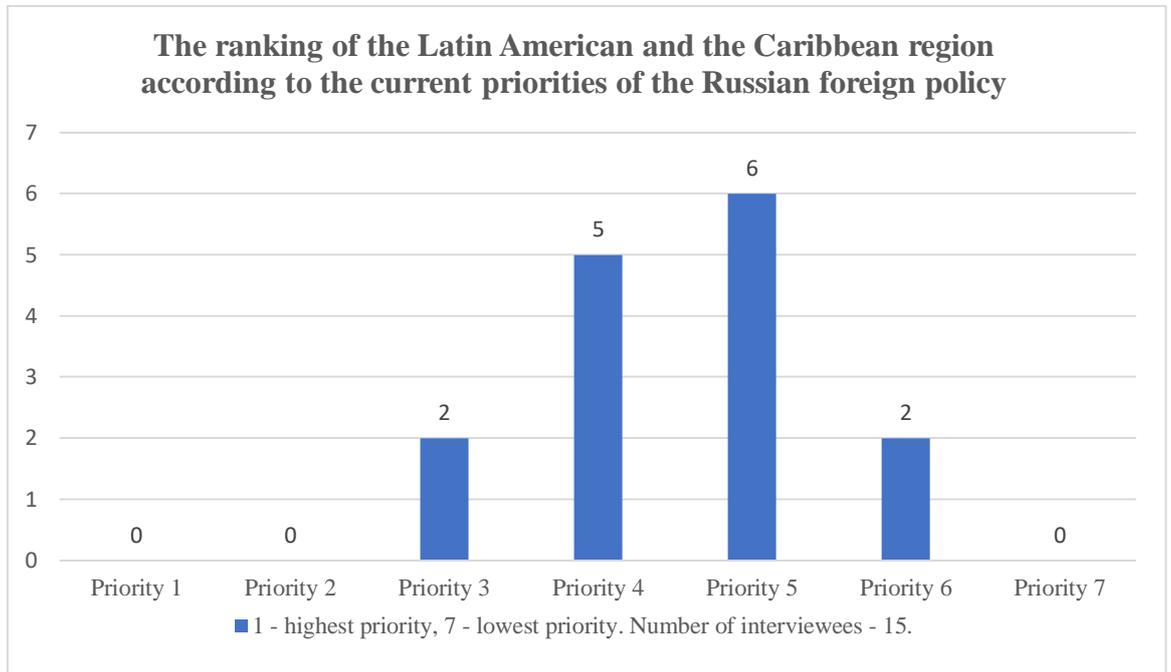

Berezina E.K. Scheme of interstate interaction in the field of public diplomacy as a tool of “soft power”. Compiled by the author.

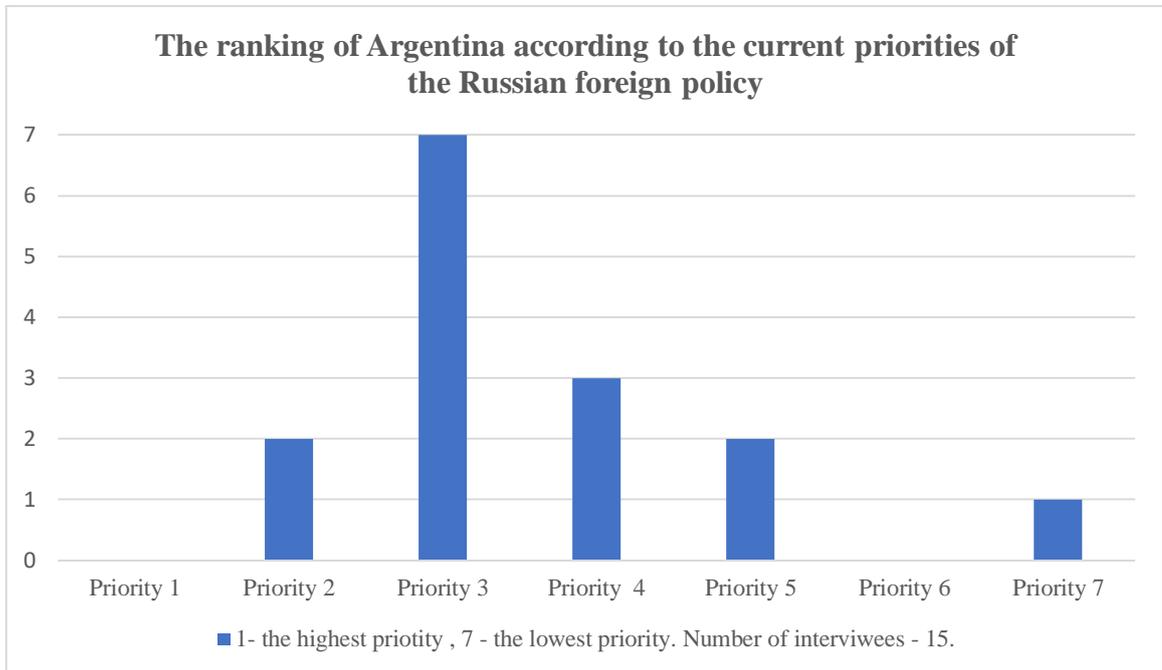
Appendix 3.

Berezina E.K. Social networks that contribute to the development of public diplomacy.
Compiled by the author (data: October 2021-January 2022).

Appendix 4.

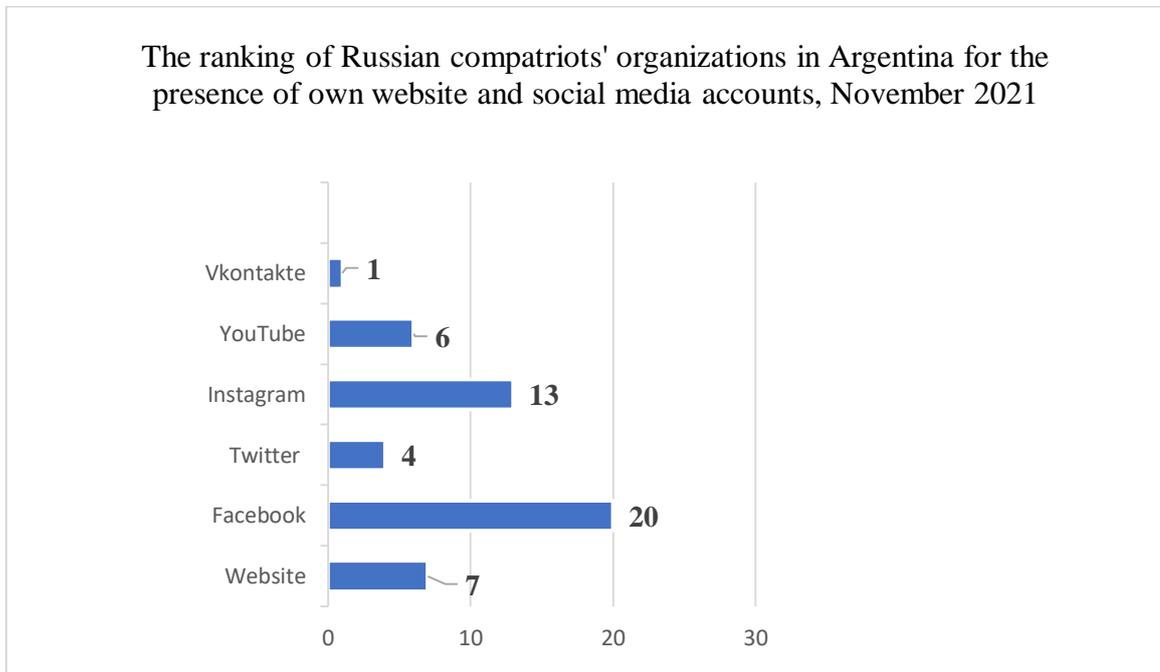

Berezina E.K. The ranking of the Latin America and the Caribbean region according to the current priorities of Russian foreign policy. Compiled by the author (data: October 2021-January 2022).

Appendix 5.

Berezina E.K. The ranking of Argentina according to the current priorities of Russian foreign policy. Compiled by the author (data: October 2021 - January 2022).

Appendix 6.

Berezina E.K. Representation of Russian compatriots' organizations in Argentina for the presence of their own website and accounts in social networks. Compiled by the author (data: November 2021).*

* Note. Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots (KSORS) in Argentina, Youth Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots in Argentina, Russian Center at the University of Buenos Aires, Immortal Regiment Argentina, Comodoro-Rivadavia, A.S. Pushkin Library, Cultural and sports club "DNIPRO - A. Tolstoy", Cultural and sports club "Vissarion G. Belinsky," Cultural and sports club "V. Mayakovsky," Cultural and sports club "Maxim Gorky," Cultural community "Nikolai A. Ostrovsky," Russian House in Mar del Plata, Russian House in Parana, Russian House in Rosario, Russian Community of Bariloche, Russian House at the End of the World (Ushuaia), Russian-Belarusian Community in Misiones, Association of Martial Arts in Latin America (branch in Argentina), Aurora Cultural Center, Argentine and South American Diocese of the Russian Orthodox Church.